

Восточный Архив

№ 1 (25), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного редактора
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы
© Институт востоковедения РАН

Слово редактора	3
Рыженков М.Р. Дмитрий Кантемир и его документальное наследие в Российском государственном архиве древних актов	6
Горбунова Н.М. Сирия и Ливан в XIX – начале XX века: первые шаги модернизации «сверху»	14
Хохлов А.Н. А.Ф. Попов – первый преподаватель русского языка в пекинской школе иностранных языков «Тунвэньгуань»	20
Смирнов А.С. Археология и военная разведка. Из истории подготовки экспедиции П. Пеллио и К.Г. Маннергейма в Китай	28
Тихонов Ю.Н. Советско-афганские отношения в 1921 году. Доклад полпреда Ф.Ф. Раскольников в НКВД	37
Антошин А.В. Как СССР пытался проникнуть в Египет. Версия белоэмигранта	47
Семенченко Н.А. Русская община в Палестине после Первой мировой войны	53
Крылова Н.Л. Детство между бараками и церковью. Из тунисских воспоминаний Никиты Шполянского	63
Беляков В.В. Встречи с Насером. Из архива советского дипломата	73
Бухерт В.Г. Г.А. Нерсесов о В.Б. Луцком и С.Р. Смирнове	81
Гентшке В.Л. География зарубежной архивной России: из материалов к указателю статей	87
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 1 (25), 2012

CONTENTS

Editor's notes	3
Rizhenkov, Mikhail. Dimitriy Kantemir and his documentary heritage in the Russian state archive of the ancient acts	6
Gorbunova, Natalia. Syria and Lebanon in XIX – beginning of the XX century: first steps of the modernization “from the top”	14
Khokhlov, Alexander. Aphanasiy Popov – the first teacher of the Russian language at the Foreign languages' school in Beijing	20
Smirnov, Alexander. Archeology combined with military intelligence. On history of preparations by Pole Pellio and Carl Mannerheim for their expedition to China	28
Tikhonov, Yuriy. Soviet – Afghan relations in the year of 1921. Report of the ambassador Theodor Raskolnikov to the Foreign Ministry	37
Antoshin, Alexiy. How the USSR tried to penetrate into Egypt. Version of a Russian emigrant	47
Semenchenko, Nina. Russian community in Palestine after the First World War	53
Krylova, Natalia. Memoirs of the Russian emigrant Nikita Shpolyanskiy on his childhood in Tunis	63
Beliakov, Vladimir. Meetings with Gamal Abdel Nasser. From archive of a Soviet diplomat	73
Buhert, Vladimir. Professor Georgiy Nersesov on his late colleagues professors Vladimir Lutskiy and Sergey Smirnov	81
Gentshke, Valeria. Rossica in foreign archives. Index of the publications	87
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели «Восточного архива»!

Перед вами – очередной выпуск журнала. Он выходит после немаловажного для отечественного востоковедения события – II Международной научной конференции «Архивное востоковедение». А еще он – юбилейный, 25-й по счету. Регулярность выхода из печати «Восточного архива» и его растущая востребованность в среде не только востоковедной, но и общеисторической – результат работы редакционного совета и редколлегии по расширению географии и углублению проблематики публикуемых материалов, неизменной поддержке дирекции Института востоковедения.

Приток молодых авторов и стабильность авторского контингента (наша гордость!), в большинстве своем восходящего к первым выпускам журнала, имевшим быть еще в прошлом веке, мы связываем, прежде всего, с высоким уровнем цитирования «Восточного архива» в специальной литературе. Это послужило весомым, хотя и не единственным, основанием для награждения главного редактора «Восточного архива» Национальной премией «Открытая книга России» 2011 года в номинации «Ученые». Место в ряду первых лауреатов – активных участников инновационного проекта «Единый электронный библиотечный ресурс России», вместе с академиками РАН Жоресом Алферовым, Артуром Чилингаровым, Андреем Кокошиным, для журнала весьма престижно и очень обязывает (о церемонии награждения см.: «Литературная газета», 2011, № 48, 30 ноября – 6 декабря, с. 11).

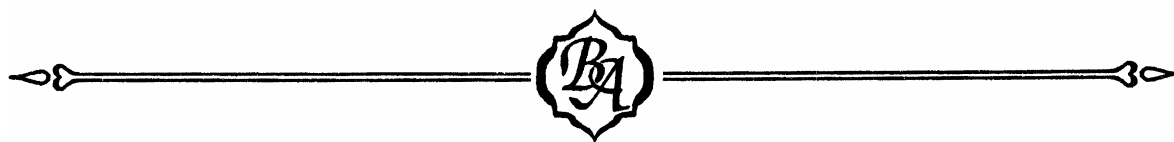
Продвижению идеологии журнала в большой степени содействуют регулярные выступления членов редколлегии д.и.н. В.В. Белякова и д.и.н., проф. А.Ш. Кадырбаева на крупных международных конференциях, успешные защиты авторами «Восточного архива» трех докторских и нескольких кандидатских диссертаций – все это тонизирует творческую насыщенность и поисковый динамизм журнала. Выпуски шести последних лет отмечались Почетными грамотами ИВ РАН, занимали первые строки в конкурсах научных работ по ориенталистике.

Вся эта интенсивная деятельность так или иначе проявилась в конференции по архивному востоковедению (Москва, ИВ РАН, 16–18 ноября 2011 г.), инициатива проведения которой принадлежит редколлегии «Восточного архива». В число заявленных участников конференции вошли ученые-ориенталисты и архивисты из ближнего и дальнего зарубежья, отечественные специалисты, работающие в центральных и региональных научных центрах (это Казань и Будапешт, Екатеринбург и Иерусалим, Владивосток и Токио и др.), преподающие в известных своими ориентальными традициями университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Владивостока.

Конференция продемонстрировала растущее сотрудничество редколлегии журнала с практическими учреждениями РФ, применяющими наши исследовательские методики. С соответствующими докладами выступали сотрудники Главного архивного управления при Кабинете министров Татарстана, Института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Государственного архива древних актов, Архива РАН, Государственного музея Востока, Института восточных рукописей РАН, Управления архивных фондов ФСБ.

Конференция сформулировала вектор поиска в центральных и отчасти местных архивах. Необходимые ссылки читатели найдут в публикации материалов конференции (М., ИВ РАН, 2011) и на сайте ИВ РАН.

Заметим, что новацией является полная версия материалов конференции на сайте Института. Там же пользователи найдут сводку публикаций первых 23-х номеров «Восточного архива», равно как и полную версию предыдущего выпуска журнала. Такова политика ред-

коллегии: максимальная доступность информации о «тайнах» архивного востоковедения и привлечение к дискуссии широкого круга отечественных и зарубежных ориенталистов соответствующей научной направленности, расширение международного сотрудничества вокруг Института и его «Восточного архива».

В череде многочисленных и, как правило, информационно насыщенных конференций нашего Института трехдневная сессия энтузиастов архивного востоковедения выгодно отличалась несколькими обстоятельствами.

Во-первых, четкой до жесткости заостренностью предмета обсуждения – новые архивные документы или по-новому осмысленные источники на столе востоковеда и/или историка, изучающего Восток. Например, «Рейхскомиссариат Туркестан» по документам Политархива МИД ФРГ. Или тема русской эмиграции на Востоке в XX в. в фондах Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США.

Во-вторых, выделившись в архивном востоковедении поднаправлением «Православное востоковедение и русские миссии на Святой Земле» (доклады представлены членами Императорского православного палестинского общества во главе с зам. председателя ИППО Н.Н. Лисовым).

В-третьих, подтвердилась перспективность архивного востоковедения для формирования устойчивого объективного исторического сознания в российском обществе (например, тема освоения русскими Сахалина в середине XIX в.; документы турецких архивов о ранней истории донского казачества). В этой же связи следует отметить большой интерес участников и гостей конференции к такой проблеме, как введение в научный и общественный оборот новых архивных документов и малодоступных источников, противостоящих мифологизации исторического прошлого России – СССР. Нередко устойчиво враждебной, на уровне рефлексивного мифа, искажающего историческую память российского общества. К примеру, тема живых и сегодня фальшивок конца XVIII в. о неких «потемкинских деревнях». Или тема далеко не безоблачных отношений Советской России и Афганистана в 1920–1930-х годах.

Наша дружная и весьма плодотворная работа завершилась принятием нижеследующего документа. Публикуем его как материал для пополнения источников по истории отечественного востоковедения.

«Резолюция

Участники конференции «Архивное востоковедение» (Москва, 16–18 ноября 2011 г.), заслушав и обсудив предложенные доклады и сообщения:

- единодушно отмечают их высокий научный уровень;
- едины в том, что общая проблематика конференции сохраняет исключительное значение в научном, научно-педагогическом и общественном отношениях.

Участники конференции выражают благодарность ОИФН РАН, Дирекции ИВ РАН и руководству Общества востоковедов России за достойное материальное обеспечение конференции.

Участники конференции С О Г Л А С И Л И С Ь:

1. продолжать проводить международные научные конференции по архивному востоковедению один раз в три года, определяя место и время проведения путем консультаций с региональными научными центрами востоковедения;

2. считать важным направлением совместную с работниками госархивов РФ и профессорско-преподавательским составом вузов страны разработку методических материалов по работе в архивах; предусмотреть для студентов, проявивших интерес к данной проблематике, конкурсы, руководство выпускными работами, практику при ИВ РАН;

3. оценить положительно и считать перспективной деятельность редколлегии журнала «Восточный архив» как научно-исследовательского центра архивного востоковедения;

4. одобрить и рекомендовать сотрудничество журнала и востоковедов-архивистов со СМИ РФ для распространения информационного продукта архивного востоковедения;

5. поддержать на Web-сайте ИВ РАН страницу «Восточного архива» для публикации электронной версии журнала и других материалов по теме;

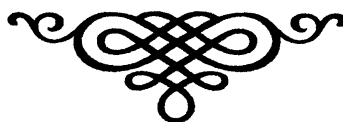
6. обратиться в Российское общество историков-архивистов с просьбой принять сотрудников Отдела истории Востока ИВ РАН, работающих по проблемам архивного востоковедения, в качестве коллективного члена общества».

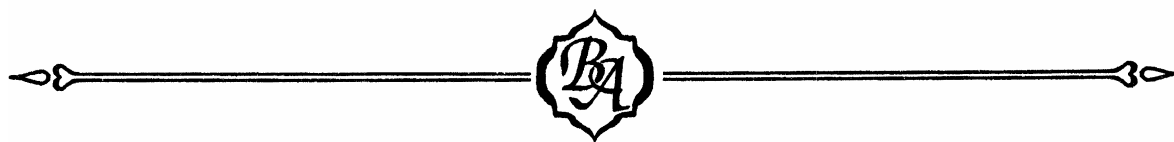
Во исполнение указанной резолюции и в контексте планов ОИФН РАН, Дирекции ИВ РАН и редколлегии по участию в объявленном Президентом РФ Годом истории мы и выпускаем в свет первый номер 2012 года.

Читатели найдут в нем уникальные справочные материалы о зарубежной архивной России. А еще – статьи об археологических увлечениях молодости русского военного разведчика и будущего героя независимой Финляндии барона К.Г. Маннергейма; о первых шагах модернизации Ливана и Сирии; о русской эмигрантской общине в Палестине, Египте и Тунисе; о Дмитрие Кантемире и Гамале Абдель Насере, о востоковедах В.Б. Луцком и С.Р. Смирнове, о красном командире Ф.Ф. Раскольникове в роли полпреда в Афганистане.

Мы умеем «разговаривать» документы. Мы несем читателям достоверность фактов и логику выводов по широкому спектру истории Востока и интересов нашей Родины на Востоке.

В.И. Шеремет

М.Р. Рыженков

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР И ЕГО ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ДРЕВНИХ АКТОВ

Нет ничего удивительного в том, что история жизни и творческое наследие Дмитрия Кантемира (1673–1723) продолжают интересовать исследователей отнюдь не только Молдавии и Румынии, но и многих других европейских стран. Личность Д. Кантемира – яркий пример человека раннего Просвещения, иногда в литературе называемого «предпросвещением», с середины XVII до середины XVIII в.

Историками отмечалось, что после Славной революции 1688 г. в английской культуре, а позднее в европейской вообще, возникает некий новый архетип человека – free-thinker (англ. – вольнодумец). «Истеблишменту – сложному балансу политических и религиозных институтов – free-thinker противопоставлял свой республиканизм, пантеизм, материализм, отказ от институциональных религий, интерес к дохристианским культурам и чуть ли не симпатию к исламу»¹. Конечно, вольнодумцы были всегда, но именно XVII в. с его политической и религиозной борьбой, с распространением рационалистской и деистической философии сформировал архетип будущего человека Просвещения.

Дмитрий Кантемир далеко не полностью, а лишь отчасти характеризуется названными чертами. Надо иметь в виду, что он не был «свободным джентльменом», его жизнь протекала в иных, порой драматических, обстоятельствах. Тем не менее, ко времени переселения в Россию (1711 г.) он был уже сложившимся государственным деятелем, политиком и высокообразованным человеком: владел древнегреческим и новогреческим, латинским и итальянским, арабским, турецким и персидским, русским и французским языками, занимался музыкой и архитектурой, обладая достаточными для этого познаниями в математике, писал философские труды.

Где же и в каких условиях происходило формирование личности Дмитрия Кантемира? Каким «университетам» обязан он своим высоким образованием? Среди первых его учителей называют ученого монаха Иеремию Какавеласа и Мелетия, будущего митрополита Афинского². О Какавеласе известно, что он некоторое время жил в Вене и в Лейпциге, а потом по заказу князя Константина Бранковяну переводил на греческий с латинского и немецкого новые труды по истории³. Педагогическая деятельность Какавеласа послужила предпосылкой к возникновению «княжеских академий» в Валахии и Молдавии, где он создавал классы из нескольких детей бояр и занимался их обучением⁴.

Но как бы ни были усердны учителя, им не удалось завершить свое дело, а их 15-летний ученик был вынужден переселиться в Стамбул в качестве аманата за своего отца, молдавского господаря Константина Кантемира. Вот тут наступает интереснейший и недостаточно, по-видимому, изученный период жизни князя Дмитрия. Если учесть, что в Стамбуле он прожил с перерывами более 20 лет, то надо признать, что именно здесь он получил основное образование и приобщился к философским идеям. Historici справедливо отводят Стамбулу роль тогдашнего центра исламского мира, но о научно-просветительской и культурной жизни этого великого города написано недостаточно.

Кроме медресе, где Кантемир, исповедовавший христианство, обучаться не мог, наиболее известным высшим учебным заведением была Патриаршая Великая Академия, из которой вышло немало образованных священнослужителей греческой церкви, включая высших иерархов. Некоторые историки причисляют Дмитрия Кантемира к уче-

никам Академии, видимо, по причине его превосходного знания греко-эллинской и византийской культуры⁵.

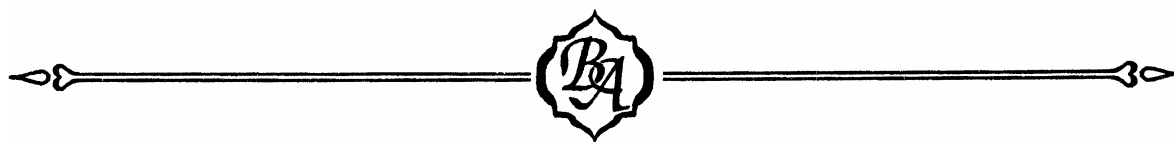
Молдавский историк, бывший посол Республики Молдова в Анкаре, бывший министр просвещения Молдовы В.И. Цвиркун в своем очерке «Дмитрий Кантемир. Краткое жизнеописание» писал: «В течение трех лет пребывания в Константинополе Дмитрий усиленно занимался изучением восточных языков – турецкого, арабского, персидского. Его учителем и наставником в этом деле был известный турецкий ученый, лингвист и философ XVII века Ес-Ад Ефенди. Наряду с обучением языкам Д. Кантемир совершенствовал свои познания в античной литературе, музыке, философии. Особое внимание уделялось изучению ислама и православной религии. В стенах греческой духовной Академии в Фенере он брал уроки латинской и греческой грамматики у Иакони и Анастасиоса Наусиоса, “прославленного в Германии и Англии своими глубокими познаниями греческого языка”. В вопросах изучения литературы, риторики и догматов православной церкви его наставниками были архиепископ Милетий и Анастасиос Кондоиди»⁶.

К сожалению, В.И. Цвиркун не подкрепляет приводимые им сведения об обучении Д. Кантемира в Константинополе какими-либо ссылками на источники. Детально изучавшая этот вопрос Ариадна Камариано-Чиоран, румынский историк, выражала сомнение в том, что Кантемир был постоянным учеником Великой Академии⁷. Действительно, этого не могло быть потому, что с середины 1680-х годов и до патриаршества Гавриила III (1703–1707 гг.) Академия практически не существовала. Об этом писал в своем классическом труде «История греко-восточной церкви под властью турок» русский церковный историк А.П. Лебедев, который в свою очередь ссылался на работы греческих историков⁸. «Конец века, к сожалению, ознаменовался беспорядками в школе, и виновниками этих беспорядков были ее питомцы. До нас сохранилось несколько писем того времени, из которых видно, что ученики поднимали бунты против своих

учителей – Герасима (Акарнана) и Севаста (Киминита). В одном письме Кариофила, относящемся к 1683 г., читаем: “Здесьняя школа (т. е. патриаршая) в постоянном волнении и полном беспорядке. Ученики ее возмутились против Герасима, осыпая его оскорблениями. Нагло, с важностью они говорят, что имеют силу удалять и принимать учителей”. В другом письме некто Спандони в 1681 или 1682 г. писал: “Возмутившиеся против вас (Севаста) с Герасимом теперь уже три раза восставали против этого последнего и разными нелепыми клеветами добились его удаления”. После этих беспорядков школа закрылась и оставалась в запустении до конца XVII в.»⁹, – так характеризуется состояние Академии как раз в константинопольский период жизни Дмитрия Кантемира.

Научный сотрудник ИВ РАН П.В. Густерин, автор работы «Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир» (М., 2008), в одной из интернет-статей утверждает, что «Дмитрий также посещал Академию Падишаха – учебное заведение при дворе султана для иностранцев или османских подданных-христиан»¹⁰. О том же пишет в своем очерке В.И. Цвиркун: «Особое место в образовании юного князя имели занятия в Едерум Хумайун (так. – *М.Р.*), учебном заведении, где обучались дети знатных и состоятельных иностранцев или подданных Порты христианского вероисповедания. Среди полюбившихся ему предметов следует отметить уроки музыки, в которой он достиг значительных успехов»¹¹.

В действительности при султанском дворе еще со времен Мехмеда Завоевателя существовала школа для подготовки пажей (*iç oğlan* – внутренний мальчик), которую называли по-персидски *Эндерун*, или *Эндерун мектеби* (т.е. школа во внутренних покоях, по месту расположения в третьем дворе Топкапы). Учеников в эту школу набирали по *девишмере* – «янычарскому» принципу: из христианских семей вассальных территорий, юношей-пленников и т.п. Смысл был в том, что, не связанные родственными узами ни с какими турецкими кланами, они становились верной опорой султанской власти в

гражданской администрации и дипломатии, как янычары в военной сфере¹². Национальный состав школы был весьма пестрым: греки, балканские славяне, румыны (молдаване), поляки и украинцы.

Первые две ступени *Эндеруна* назывались *Кючюк ода* и *Бююк ода* и располагались во дворе у ворот Бабюсааде. В эти *ода* (палаты) принимались молодые люди, успешно закончившие школу *аджеми огланов*. В *Кючюк ода* и *Бююк ода* они изучали исламскую религию и культуру, турецкий, арабский и французский языки, а также занимались борьбой, бегом и стрельбой из лука. Следующая ступень, *Сеферли когушу* (военная палата), была основана в 1635 г. Мурадом IV. Сначала с ней была связана служба по стирке и приведению в порядок белья обитателей *Эндеруна*, но потом там стали обучать искусству. Молодые люди становились музыкантами и певцами наряду с парикмахерами и зрителями бань. В *Сеферли когушу* обучалось около ста юношей, многие из которых служили затем в частях *сипахи* (коннице)¹³.

Точных документальных свидетельств того, что Дмитрий Кантемир был учеником этой школы, не обнаружено, но его положение заложника в Стамбуле говорит в пользу этой версии. Кроме того, тот круг познаний и навыков, которые он обнаруживал в дальнейшем (свободное владение греческим и латынью, составление трактатов на арабском языке, сочинение музыкальных произведений, превосходное знание истории турок-османов и основ ислама), также свидетельствует о принадлежности Кантемира к султанской пажеской школе.

В.И. Цвиркун утверждает, что «уже в первый период своего пребывания в Константинополе молодой князь установил знакомства и тесные отношения с иерархами Восточной православной церкви. Среди них следует назвать Досифея II Нотара, Иерусалимского патриарха, а также Константинопольского патриарха Калинника II, с которым на протяжении ряда лет он вел оживленную переписку»¹⁴. Такое утверждение выглядит сомнительным, тем более что ав-

тор и здесь не ссылается на источники. Между тем источники, в случае их существования, имели бы важное значение, например, для биографии патриарха Калинника II Акарнанского (1688–1702 с перерывами), т.к. сведения о его жизни крайне скудны. Кроме того, положение Д. Кантемира в качестве подростка-аманата в первый константинопольский период заставляет усомниться в его «тесных отношениях» с высшими иерархами греческой церкви.

Разумеется, это вовсе не исключает того, что на формирование юношеского мировоззрения влияло общение с образованными людьми из среды фанариотов, тем более что и в дальнейшем Кантемир подчеркивал приоритет греческого языка и эллинской культуры перед латинскими языком и культурой. Свое влияние на молодого человека могли оказывать и связи с Галатой и Перой, где в это время проходили баталии европейских дипломатий, устанавливались связи и плелись интриги, где было немало образованных и талантливых людей. Некоторые авторы высказывали предположение, что именно в Стамбуле состоялось первое знакомство Дмитрия Кантемира с русским дипломатом Петром Андреевичем Толстым, с 1702 г. первым постоянным послом России в Османской империи. Исключать этого нельзя, особенно учитывая активную деятельность Толстого в Стамбуле, но ни в статейном списке посла, ни в его донесениях имя Кантемира не упоминается¹⁵.

Как бы то ни было, когда в 1710 г. Дмитрий Кантемир стал господарем Молдавии, он был достаточно осведомлен о соотношении сил Османской империи и России, чтобы уже через год сделать свой выбор в пользу последней. Обстоятельства заключения в 1711 г. Луцкого союзного договора между молдавским господарем и царем Петром I, неудачного Прутского похода русской армии и последовавшего исхода Кантемира с несколькими тысячами своих подданных в Россию достаточно подробно описаны в историографии, чтобы на них останавливаться. Но стоит отметить ту решительность, с какой молдавский господарь

пошел на союз с царем, прекрасно понимая, что при поражении ему придется проститься с жизнью или с родиной. Конечно, звезда Петра I, победителя шведов под Полтавой, стояла очень высоко, но дело, как представляется, не только в этом.

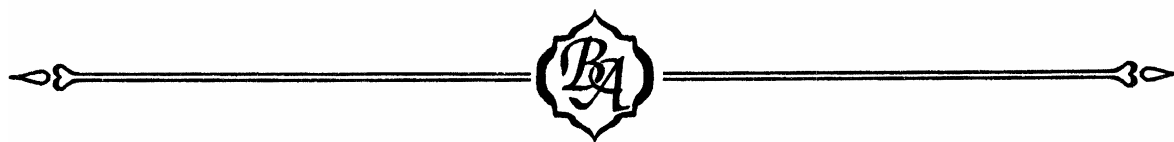
Царь Петр и Дмитрий Кантемир оказались необычайно близкими по духу людьми, исповедуя схожие принципы и стремясь к одним и тем же идеалам просвещенной монархии. Общая неудача в 1711 г., чуть было не кончившаяся для обоих трагедией, только скрепила их дружбу, которую они пронесли до конца дней.

28 сентября 1714 г. по случаю спуска на воду одного из кораблей на адмиралтейских верфях Петр I произнес речь, отразившую в концентрированном виде русское «предпросвещение» или «практическое Просвещение», поскольку оно имело целью решение конкретных исторических задач: «Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оной изгнаны, скрылись в Италии и потом рассеялись по Европе до самой Польши, но в отечество наше воспрепятствованы нерадением наших предков, и мы остались в прежней тьме, в каковой были до них и все немецкие и польские народы. Но великим прилежанием искусных правителей их отверзлись им очи, и со временем соделались они учителями тех самых наук и художеств, какими в древности хвалилась одна только Греция. Теперь пришла и наша черед, ежели только вы захотите искренне и беспрекословно воспомоществовать намерениям моим, соединяя с послушанием труд, памятуя присно латинское оное присловье: молитесь и трудитесь»¹⁶. В дальнейшем те же идеи в «Духовном регламенте» (1720 г.) развивал идеолог петровских реформ Феофан Прокопович — знание и учение богоугодны и не могут стать источником ереси: «если посмотрим чрез истории, аки чрез зрительныя трубки, на мишедшие веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах... Прямым учением просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не перестанет никогда же учиться, хотя бы

он и Мафусаилов век пережил»¹⁷. Эти слова могли бы быть лозунгом Просвещения в любой стране, а не только в России.

Кантемир полностью разделял эти идеи. В письме царю 23 ноября 1719 г., благодаря его за «всемиловейшее благословение» на брак с младшей дочерью князя И.Ю. Трубецкого Анастасией, он в своеобразной форме говорит о роли опытного знания в руководстве поступками человека: «Философ некий Арапин (араб. — *М.Р.*) вопрошен быв от кого научился философии? Отвеща — яко от слепых. Паки же вопрошенный, но како от неимущих очес толь совершенную натуральных вещей достиг науку? Рече — яко слепых подражая, николи же ступил ногою, аще не прежде посохом дорогу искуших»¹⁸. И как бы следуя морали этой притчи, он в том же письме выражает желание поступить учеником в Анатомическую школу. И это в возрасте 46 лет, считавшемся тогда уже преклонным. В.И. Цвиркун, комментируя публикацию текста этого письма, утверждает, что «подыгрывая веселому и далеко не пуританскому нраву российского монарха, Д. Кантемир в шутильной форме извещал Петра I о своем желании приступить как можно скорее к исполнению своих супружеских обязанностей»¹⁹. К такой оригинальной интерпретации автора, видимо, провоцирует экстравагантность стремления немолодого князя к ученичеству, к тому же в письме речь идет о вступлении в брак. Но не слишком ли циничным выглядит сравнение семейной жизни молодоженов с «анатомической школой», да и весь стиль письма не предполагает подобных «шутки». И зачем бы Кантемиру просить царя не оставить без внимания его просьбу, если высочайшее благоволение на брак было уже дано ранее? А вот то, что стремление к учению независимо от возраста будет Петру по сердцу, это Д. Кантемир мог знать наверняка. Уже упоминавшийся П.А. Толстой в свое время ради царского расположения записался волонтером в юнги венецианского флота, когда ему было уже за пятьдесят.

Надо отметить, что Петр Великий умел ценить преданных и близких ему по духу

людей. После переселения в Россию Дмитрию Кантемиру был пожалован титул светлейшего князя, он был вознагражден обширными земельными владениями, в том числе под Москвой – Черная грязь (ныне московский район Царицыно), за утраченное состояние на родине ему выплачивалась пенсия. Но самое главное, до конца жизни Кантемир оставался близким доверенным сотрудником Петра. Во время Персидского похода 1722–1723 гг. он заведовал царской походной канцелярией и составлял воззвания и прокламации к местному населению. Между прочим, тогда Кантемир создал первую в России типографию с арабским шрифтом для печатания прокламаций в тюркском переводе. Экземпляр (второй из сохранившихся) такой прокламации обнаружен исследователем арабистом Д.А. Морозовым в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА)²⁰.

Дмитрий Кантемир создал немало литературных и научных трудов, в том числе по музыке и архитектуре. Некоторые из них написаны до переезда в Россию, но и потом он не оставлял научных занятий, сосредоточившись на истории. Так уж вышло, что при жизни автора была напечатана только одна из последних его работ – «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии» («Sistema de religione et statu Imperii Turcici»), известная также под названием «Система турецкого вероисповедания», в основу которой был положен латинский текст Кантемира «Suganus». «Книга Систима» была переведена с латыни Иваном Ильинским и издана в Петербурге в 1722 г.

Несколько рукописей других произведений Кантемира сохранились в России, частично в РГАДА. Это старейший архив России, сложившийся из пяти основных дореволюционных архивов: Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД), Московского архива Министерства юстиции (МамЮ), Московского дворцового архива, Государственного архива Российской империи и Архива межевой канцелярии. В настоящее время РГАДА – один из крупнейших федеральных архивов,

хранящий свыше 3,2 млн дел, начиная от древних рукописей, греческих и славянских, X–XI вв. и, в основном, до конца XVIII в.

Документы, связанные с именем Кантемира, имеются в четырех фондах архива. Фонд 68, «Сношения России с Молдавией и Валахией»²¹, сложился в Московском архиве Коллегии иностранных дел при описании документов Посольского приказа, начатом под управлением Г.Ф. Миллера. Здесь имеются в копиях и списках Манифест Дмитрия Кантемира о переходе под покровительство России, жалованные грамоты царя Петра на имения молдавским боярам, выехавшим вместе с господарем в Россию, переписка канцлера графа Г.И. Головкина с князем Д. Кантемиром (1712–1719 гг.).

Фонд 9, «Кабинет Петра I»²², был сформирован из документов личной канцелярии царя, в которой велось делопроизводство по широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики, решавшихся при его непосредственном участии. Здесь хранятся письма Кантемира Петру I, одно из которых уже цитировалось выше.

Фонд 1374, «Кантемиры»²³, сложился из хозяйственных, служебных и личных документов разных представителей семьи князей Кантемиров. Основную часть составляют документы по владению имениями и винокурными заводами в конце XVII–XVIII вв. Здесь хранятся (в основном в копиях) прошения, письма, приговоры и указы о принятии Д. Кантемира в русское подданство и пожаловании ему имений.

Фонд 181, «Рукописный отдел библиотеки МГАМИД»²⁴, представляет собой собрание рукописей и книг, складывавшееся с 1670-х годов, начиная с архива и библиотеки опального боярина А.С. Матвеева. Впоследствии оно пополнялось конфискованными рукописями князей Долгоруких, А.П. Волынского, П.И. Мусина-Пушкина, А.И. Остермана и др. Позднее в этот архив поступали покупки и дары правительственных учреждений и управляющих архивом. Именно в этом фонде хранится несколько рукописей трудов князя Дмитрия, достойных особого внимания.

Это «История Молдавии и Валахии»²⁵, написанная в 1715 г. на латинском языке, с пространными авторскими примечаниями и комментариями на полях на молдо-валахском (латиницей) языке. На листе 129 имеется надпись по-русски: «Книга сия, писанная рукою молдавского князя Дмитрия Кантемира, подарена мною в Московский архив Государственной Коллегии иностранных дел сего 1783 года. Надворный советник Николай Бантыш-Каменский».

Другой латинский манускрипт Д. Кантемира – «Сокращенное изложение всеобщей логики»²⁶, рукописная книга на 44 листах in octavo в кожаном переплете с тисненым растительным позолоченным орнаментом и золотым обрезом. На титульном листе надпись по-русски: «Книга сия подарена в Московский архив Государственной Коллегии иностранных дел от надв. сов. Николая Бантыша Каменского 1783 года». По предположениям румынского историка В. Александреску, это довольно ранняя (до 1700 г.) работа Д. Кантемира, представляющая собой конспект или переложение трактата Иеремии Какавеласа «*Institutiones logiques*»²⁷.

В том же фонде имеется рукописная книга на молдавском языке (кириллицей) «Иероглифическая история»²⁸. Это литературное произведение в аллегорическом стиле повествует о молдавско-валахских отношениях, оно было написано Дмитрием Кантемиром еще в 1705 г. Текст выполнен искусным писцом и красочно оформлен: киншварные инициалы и позолоченные заставки. Внизу титульного листа также имеется дарственная надпись Н.Н. Бантыш-Каменского в МГАМИД 1783 г.

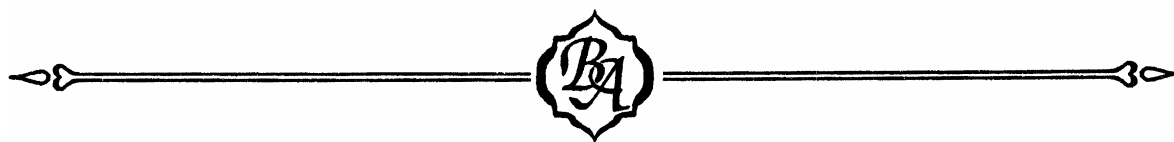
Такая же надпись присутствует на титуле рукописной книги «Хроники романо-молдо-валахской»²⁹, написанной Кантемиром молдавской кириллицей в 1717 г. в Петербурге.

Особый интерес представляет рукопись итальянского перевода с латинского языка труда «История возвышения и упадка Оттоманской империи», написанного в 1714–1716 гг.³⁰ Заголовок гласит, что это перевод первой части (1300–1672 гг.), что оригинал написан на латыни князем Дмитрием Канте-

миром, переведен на английский язык Николом Тиндалем, а на итальянский – Антионом князем Кантемиром, сыном автора. Тут же присутствует надпись по-русски знакомым уже почерком: «Книга сия, написанная рукою тайного советника и российского министра при французском дворе, мною купленная на аукционе (так. – М.Р.), подарена в Московский иностранных дел Коллегии архив сего 1783 года. Надворный советник Николай Бантыш-Каменский». Рукопись «Истории» занимает не весь конвюлот, в конце на листах 186 – 251 того же почерка, но не на итальянском, а на латинском языке, содержится список «Жизни Константина Кантемира, князя Молдавии», произведения, приписываемого также Дмитрию Кантемиру. В списке фигурирует другое имя автора – Теофил Сиджефридо Байеро. Имеется в виду, конечно, академик Готлиб Зигфрид Байер (1694–1738), переводчик с латыни трудов Д. Кантемира.

К описанной рукописи примыкает еще одна итальянская рукопись – «Аннотации»³¹, обширнейшие примечания и комментарии к «Истории возвышения и упадка Оттоманской империи». Однако этот итальянский текст написан совсем другим почерком, скорее всего рукой профессионального переписчика (неясно, в каком качестве упоминается имя Дикционарио Юрческо). И эта рукопись была подарена в архив Н.Н. Бантыш-Каменским в 1783 г.

Итак, кроме авторства Д. Кантемира, все описанные рукописи объединяет то обстоятельство, что они были переданы в архив в 1783 г. многолетним сотрудником (с 1762), а в 1800–1814 гг. управляющим Московского архива Коллегии иностранных дел. Это тот достаточно редкий случай, когда мы точно знаем, каким образом рукописи попали на хранение. Но остается вопрос: как они оказались у дарителя? Существует версия, что рукописи находились у сына Д.К. Кантемира Сергея (Сербана), который умер бездетным в 1780 г., после чего его архив был продан с аукциона, где его и приобрел Н.Н. Бантыш-Каменский³². Не исключая такой версии, все же отметим, что только в

одной из шести «вкладных записей» (д. 1363) даритель указывает на аукцион как источник приобретения рукописи.

Возможно, что некоторые кантемировские манускрипты попали к Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому (1737–1814) иными путями. Он сам происходил из древнего молдавского рода и находился в родстве с Кантемирами: мать князя Дмитрия происходила из рода Бантышей. Отец Николая Николаевича, Николай Константинович, на восьмом году от роду был привезен матерью из Ясс в Россию, куда последняя приехала в 1717 г. по приглашению ее двоюродного брата, князя Дмитрия Кантемира, оставившего княжество и нашедшего покровительство после Прутского похода (1711 г.) у Петра Великого. Николай Константинович был женат на дочери молдавского дворянина Зертиса-Каменского, Анне Степановне, родной сестре архиепископа московского Амвросия. С учетом всех этих родственных связей Н.Н. Бантыш-Каменский мог стать обладателем каких-то из названных рукописей не только через аукцион.

РГАДА далеко не единственное хранилище рукописей научных и литературных трудов Д.К. Кантемира. Их полная инвентаризация по всему миру, как и научная публикация, остаются актуальной задачей исследователей. Так, в России, например, до сих пор нет научного перевода и публикации «Истории Османской империи» – замечательной востоковедческой работы, оказавшей в свое время большое влияние на Вольтера. Изучение духовного наследия Кантемира может способствовать лучшему пониманию причин и последствий европейского Просвещения, роли в нем стран юго-восточного региона, включая Молдавию, Валахию (Румынию) и Османскую империю (Турцию).

Примечания

¹ *Рикуперати Дж.* Человек Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003, с. 16.

² *Camariano-Cioran A.* Les Academies principales de Bucarest et de Jassy et leurs professeurs. Thessaloniki, 1974, p. 7.

³ Ibid., p. 235.

⁴ Ibid., p. 30.

⁵ *Hales N.A.* Dimitrie Cantemir et les sources byzantines de ses oeuvres / *Studia Universitatis Babes-Bolyai – Orthodox Theology* (1/2007); *Густерин П.В.* Первый российский востоковед Дмитрий Кантемир. М., 2008.

⁶ *Tvirgun V.* Vitralii-Витражи. Chisinau, 2006, p. 157. К сожалению, каких-либо сведений об «известном турецком ученом, лингвисте и философе» Эс-Ад Эфенди нам не удалось обнаружить. Анастасий Наусиос (Пауссиос) и Анастасий Кондоиди – одно и то же лицо, в монашестве Афанасий Грек, служивший учителем у детей Д. Кантемира и переселившийся в 1711 г. в Россию, где был протоиереем Петропавловского собора, членом св. Синода, епископом Вологодским (1726–1735) и Суздальским (1735–1737). По возрасту был ровесником Д. Кантемира и вряд ли мог быть его учителем и наставником в юные годы.

⁷ *Camariano-Cioran A.* Op. cit., p. 7.

⁸ *Μανουὴλ Γεδεών.* Χρονικα τῆς πατριαρχικῆς Ἀκαδημίας (*Мануил Геден.* Хроника патриаршей академии, с пояснительным замечанием автора: Исторические сведения о великой национальной школе, 1454–1830 гг.). Константинополь, 1883.

⁹ *Лебедев А.П.* История греко-восточной церкви под властью турок. Изд. 2-е / Собрание церковно-исторических сочинений профессора Алексея Лебедева. Том VIII. СПб., 1903, с. 403.

¹⁰ <http://www.tonnel.ru/?l=gzl&uid=1165>. Здесь размещена биография Кантемира. Автор – П.В. Густерин (ИВ РАН).

¹¹ *Tvirgun V.* Op. cit., p. 157.

¹² *Miller B.* The Palace school of Muhammad the Conqueror. Cambridge, 1941.

¹³ История Османского государства, общества и цивилизации (под ред. Э. Ихсаноглу). М., 2006, т. 1, с. 116.

¹⁴ *Tvirgun V.* Op. cit., p. 157.

¹⁵ Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985.

¹⁶ Цит. по: *Страда В.* Россия // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003, с. 417.

¹⁷ Там же, с. 418.

¹⁸ РГАДА, ф. 9, «Кабинет Петра», отд. 2, № 41, л. 171–171 об.

¹⁹ *Цвиркун В.И.* Дмитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах. СПб., 2010, с. 232.

²⁰ РГАДА, ф. 191, «Кер Г.Я.», оп. 1, д. 101, л. 48–49; *Морозов Д.А.* Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов. М., 1996.

²¹ РГАДА, ф. 68, оп. 1–3, 357 ед. хр., 1574–1739 гг.

²² Там же, ф. 9, оп. 1–7, 527 ед. хр., 1673–1762 гг.

²³ Там же, ф. 1374, оп. 1, 878 ед. хр., 1702–1782 гг.

²⁴ Там же, ф. 181, оп. 1–19, 1821 ед. хр., X–XX вв.

²⁵ Там же, д. 1325.

²⁶ Там же, д. 1329.

²⁷ MISCELLANEA ARCHÆVS VII (2003), fasc. 3–4, p. 241–265. Centre d'Histoire des Religions, Université de Bucarest. *Vlad ALEXANDRESCU*. UN MANUSCRIT INÉDIT ET INCONNU DE DÉMÈTRE CANTEMIR, p. 249.

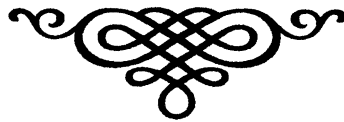
²⁸ РГАДА, ф. 181, д. 1419.

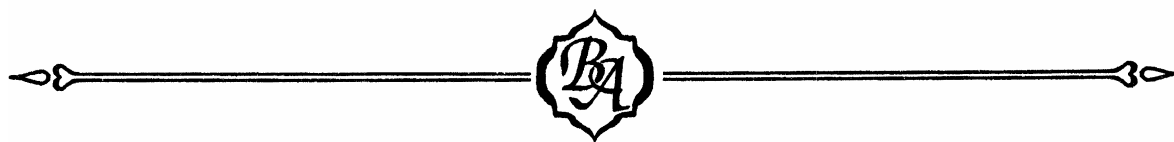
²⁹ Там же, д. 1420.

³⁰ Там же, д. 1363.

³¹ Там же, д. 1366.

³² MISCELLANEA ARCHÆVS VII (2003), fasc. 3–4, p. 241–265. Centre d'Histoire des Religions, Université de Bucarest. *Vlad ALEXANDRESCU*. UN MANUSCRIT INÉDIT ET INCONNU DE DÉMÈTRE CANTEMIR, p. 251.

Н.М. Горбунова

**СИРИЯ И ЛИВАН В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПЕРВЫЕ ШАГИ МОДЕРНИЗАЦИИ «СВЕРХУ»
(по материалам АВПРИ)**

Архивное наследие российских консульств в Сирийском вилайете Османской империи XIX – начала XX в. свидетельствует о том, что этот вилайет, в который входил и Ливан, страдал от нескончаемой и безысходной межконфессиональной борьбы, с которой дряхлевшая империя не в состоянии была справиться. Надо признать, что османское правительство принимало разнообразные меры, пытаясь модернизировать провинции империи, ввести там современные формы управления, имея при этом целью укрепление своей власти. Эти попытки были связаны с нарастанием антитурецких настроений среди арабов, переживавших этап зарождения арабского национально-освободительного движения, а также среди национальных меньшинств.

Ливанские горы с давних времен предоставляли убежище многочисленным религиозным и этническим меньшинствам, гонимым из Сирии, Малой Азии и других регионов. Сложный состав населения Ливана в значительной степени способствовал тому, что процессы модернизации и ломки традиционных структур, нравов и обычаев начались здесь задолго до того, как это произошло в других арабских провинциях Османской империи. Основанные в Ливане и Сирии монастыри различных христианских толков служили своеобразными очагами культуры и образования.

Горный Ливан получил импульс развития после того, как в 1787 г. его правителем был избран молодой эмир Бешир из рода Шехабов. Бешир Шехаб, или Бешир II, подавил сопротивление своих соперников и к 1825 г. распространил свою власть не только на весь Ливан, но и на долину Бекаа.

Важнейшим шагом Бешира Шехаба, оказавшим влияние на судьбу Ливана, стало

принятие им, по примеру отца, христианства маронитского вероисповедания. Этот акт возвысил положение ливанских маронитов по сравнению с друзьями и стал причиной обострения соперничества между двумя общинами. Существование бок о бок двух религий и их противостояние явилось главным фактором, подтолкнувшим модернизационные процессы в маронитском обществе. Эмир Бешир управлял Ливаном до 1840 г. Когда Порта официально передала управление над Сирией и Киликией сыну Мухаммеда Али – Ибрахиму-паше, захватившему эти территории военным путем, Горный Ливан оставался под властью Бешира II.

В 1839 г. Османская империя вступила в эпоху политических и административных реформ – Танзимат. Прежде всего была перестроена структура административного управления Сирии и Ливана, там возникли округа во главе с губернаторами. Христианам была обеспечена защита законом. Была учреждена почта, открыты начальные и средние школы, а также расширена сеть миссионерских школ. В Бейруте миссионеры открыли первую в Сирии школу для девочек, организовали типографию. Однако эти мероприятия не оказали заметного влияния на жизнь страны.

После волны восстаний, прокатившейся по Сирии, в 1841 г. там была восстановлена власть турецкого султана. Этому активно содействовали европейские державы, прежде всего Франция и Англия. И этот фактор – влияние европейской политики и культуры в условиях соперничества стран Европы – был второй важной причиной ускорения процессов модернизации Леванта. В силу сложившихся обстоятельств Франция укрепляла свое влияние в этом регионе с помо-

щью маронитских феодалов, а Англия – друзских. В 1842 г. турецкое правительство под давлением западных стран поделило Ливан на Северный с губернатором-маронитом во главе и Южный с губернатором-друзом.

Антифеодальные крестьянские восстания в Ливане в 1858 и 1860 гг. вылились в варварский погром христиан, унесший тысячи жизней. Под предлогом защиты единоверцев Наполеон III ввел туда французские войска. Но Франция не смогла закрепиться в Ливане и в 1861 г. вывела из него свои войска.

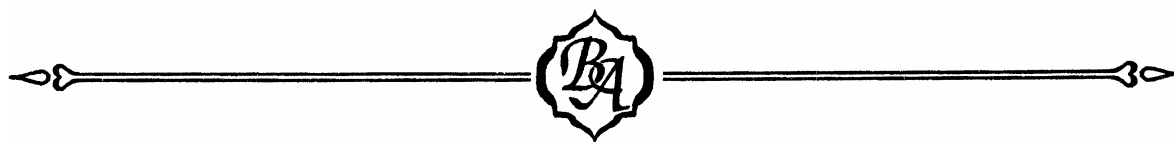
Для успокоения населения Турция согласилась на предложение Англии, Франции, Австрии, России и Пруссии разработать и принять автономный статус Ливана. 9 июня 1861 г. в Константинополе было подписано соглашение о ливанском Органическом статуте (регламенте). Деление Ливана на Северный и Южный отменялось. Создавался автономный санджак Горный Ливан (Бейрут не вошел в его состав) под управлением губернатора-христианина, которого назначала Порта и утверждали европейские державы. При губернаторе находился выборный административный совет. Утверждался также институт европейских консулов, который осуществлял надзор за автономным Ливаном. Регламент открыл западным державам дополнительные возможности для влияния в Ливане. Одновременно были ликвидированы привилегии феодалов и раскрепощены крестьяне.

В 1860–1870-х годах начался процесс культурного возрождения Ливана. Важную роль в нем сыграли известные просветители Н. Языджи и Б. Бустани. Однако в этот период, завершивший друзско-маронитские столкновения в Ливане и христианские погромы в Дамаске, можно было говорить лишь о первых ростках модернизации традиционного уклада жизни местного населения. Например, в Бейруте сохранялись древние обряды и обычаи, издавна заведенный ритм жизни, исчисление времени и т.п. И все же постепенно все больше явлений свидетельствовало о ломке старых традиций, о

модификации общественного сознания и социальных связей, о переменах в политической жизни и экономике. Другими словами, наблюдалась картина всесторонней общественной трансформации.

В Сирии и Ливане особенно упрочиваются позиции Франции, которые становятся доминирующими. Французский язык проникает в деловую жизнь, ему обучают детей. Относительно быстрому распространению общедоступных учреждений образования и просвещения Сирия обязана была католическим и протестантским миссиям иностранных государств, которые соперничали между собой за влияние и обращение в свою веру местного населения. В 1855 г. иезуитский орден основал там светский колледж, впоследствии переименованный в университет Св. Иосифа. Хотя позиции России в Ливане были крайне слабыми (она поддерживала православную арабскую церковь, в основном на территории Сирии и Палестины), тем не менее Императорское православное палестинское общество открыло ряд школ для мальчиков и девочек из христианских арабских семей с целью воспитания их в духе православия. Но особенно активно в этом регионе действовали протестанты. В 1866 г. американская протестантская миссия в Бейруте основала колледж и Американский университет, сыгравшие заметную роль в просвещении и обучении местной молодежи. Однако европейская культура в XIX в. усваивалась в основном поверхностно. В наибольшей степени интерес к ней проявляли арабы-христиане в силу их старых экономических и религиозных связей с Европой. В Сирии и Горном Ливане также действовали десятки монастырей: маронитских, православных, униатских, католических и протестантских.

Спустя десятилетия корни европейской культуры в Леванте заметно углубились. Возник слой европейски образованной интеллигенции. Этим процессам сопутствовало пробуждение национального самосознания, повышенный интерес к национальному культурному наследию, зарождение политического мышления. Передача новой инфор-

мации в широкие слои населения облегчалась тесными связями между интеллигенцией и народом в условиях слабой социальной дифференциации. Широкое распространение получили публичные диспуты, на которых обсуждалась роль науки и литературы в обществе, моральные ценности и достижения цивилизации. Особенно важными для просвещения были попытки преодолеть разрыв между местными диалектами и литературным языком.

Своеобразным мостом между Левантом и западными странами был все возрастающий поток переселенцев-эмигрантов, которые стремились в Америку, как Северную, так и Южную, а также в Западную Европу на заработки или на постоянное место жительства. Это дополнительно стимулировало ливанцев к обучению детей западным языкам. Часть православного населения знала русский язык.

Следует отметить, что в Сирии и Ливане в этот период религиозная принадлежность существенно влияла и на политическую, и на культурную ориентацию. Открытые проявления мусульманской нетерпимости в Сирии совпадали с подъемом национально-освободительных движений. В то же время христианское население, в отличие от мусульманского, гораздо легче усваивало европейскую культуру.

О модернизационных процессах в Османской Турции этого периода много и интересно писал в наше время петербургский исследователь С.М. Иванов. Вот одно из его высказываний: «Исторический опыт султанской Турции, как и других стран Востока, показывает, что в эпоху нового времени модернизация традиционных обществ была невозможна без активной роли государства и без многогранного внешнего воздействия Запада. Однако в конечном итоге все проблемы модернизации фокусировались на проблеме эволюции человека. Модернизация лишь тогда приводила к качественным сдвигам в эволюции общества, когда она сопровождалась возникновением в нем прослойки экономически независимых от государства людей – коммерсантов и предпри-

нимателей, представителей свободных профессий»¹.

* * *

Политическое напряжение и столкновение интересов различных слоев населения нарастали в османской Турции и ее провинциях с каждым годом. Все более заметный вес в обществе приобретало движение младотурок, стремившееся низвергнуть власть султана и прийти к управлению страной. Иностранные дипломаты и консулы на местах сообщали об этих намерениях в многочисленных донесениях. Наблюдения русских консулов, сохранившиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), чрезвычайно интересны и поучительны.

В 1908 г. консула в Алеппо (Северная Сирия) А. Круглова сменил фон Циммерман, донесения которого отличаются глубиной анализа и свидетельствуют о широкой эрудиции автора. На время его службы приходится ключевое событие в жизни Османской империи – провозглашение султаном Абдул Гамидом конституции в июле 1908 г. Это событие привело в движение все население империи. Вот как об этом пишет сам Циммерман: «Прошло уже около двух месяцев со дня объявления в Алеппо дарованной Турции Его Величеством Султаном конституции. Конечно, нельзя покамест еще произнести по поводу вводимых в Турции новых порядков никакого окончательного суждения и далеко нельзя еще ничего предпрещать... Первая телеграмма, сообщавшая сюда о свершившемся в Турции перевороте, была получена здесь 12-го минувшего июля. Она была адресована Салоникским комитетом сосланному сюда полковнику артиллерии Сабри-бею...»². В телеграмме сообщалось об объявлении конституции и амнистии всем политическим преступникам. Сабри-бей вызывался из Алеппо. «Передайте наши поздравления всем нашим братьям в ваших краях, которые будут наслаждаться оттоманскими свободою, единством и равенством». Телеграфист не решался передать телеграмму, Сабри-паша боялся в нее

поверить³. Далее консул писал: «Власти Алеппо находились в состоянии полной растерянности, пока не получили вечером 12-го июля телеграмму генерал-губернатору Назиму-паше от Саида-паши, официально извещавшего, что он в качестве премьер-министра приглашен созвать парламент, что Его Величество соизволил провозгласить конституционное правление...»⁴. Младотурецкие лидеры, предполагается далее в донесении, думают «при помощи таких обещаний обмануть европейские державы, придав Турции наружный вид вполне культурного во всех отношениях государства, а потому вполне заслуживающего, как будто, всех тех уступок, которые они одним именем конституции рассчитывают у них вырвать, дабы избавиться от европейской опеки, которую они так тяготеют...»⁵.

Самыми опасными противниками нарождавшейся младотурецкой власти были помещики, землевладельцы-ага, которые использовали зависимых от них людей для провоцирования беспорядков и делали все возможное для сохранения старых порядков⁶. Однако им трудно было противостоять организованным и энергичным действиям младотурецкого комитета, посылавшего на места своих решительных представителей, которые путем проповеди и речей распространяли в провинциях новые идеи и насаждали в Сирии и Анатолии отделы главного комитета в Салониках⁷.

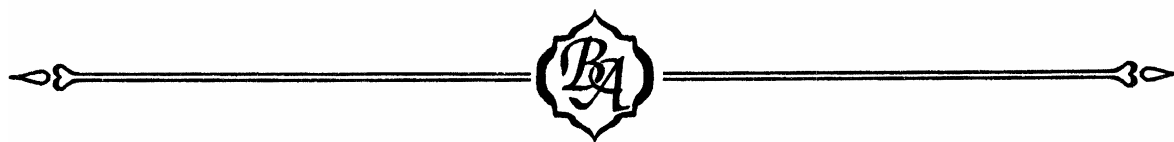
Открывшийся комитет, пишет Циммерман в своем донесении, организовал подписку на проведение празднования конституции, но подписка шла туго. «Старания их привлечь разными даровыми увеселениями и приманкой дарового угощения как можно больше народа вполне удались, но публика производила впечатление какой-то сдержанности и как бы неуверенности, как будто простонародная масса не была в состоянии отдать себе полный отчет о том, что происходит»⁸.

Попытки старой османской администрации осадить и приглушить деятельность младотурецких комитетов на местах были успешны лишь вначале, «но вскоре вся ад-

министрация оказалась игрушкой в полном смысле этого слова в руках комитета...». Народ перестал обращаться к законной власти и, поняв, в чьих руках реальная власть, по всем своим делам шел в отделы Салоникского комитета⁹.

На первых порах в Алеппо число отделов комитета стало расти как на дрожжах. Причем каждый из них считал себя настоящим. Одни выступали защитниками угнетенного народа, другие заботились об устройстве библиотек и развитии народного образования. Третьи видели свою задачу в донесении центральному комитету о злоупотреблениях чиновников и т.п. Все эти отделы стали переименовываться в политические клубы¹⁰. «Некультурное и громадное большинство туземного населения, — отмечает фон Циммерман, — не имеет решительно никакого самого элементарного понятия о предлагаемых ему столь неожиданно свободе, равенстве, братстве и правосудии». Некоторые члены здешних комитетов горько жаловались консулу на крайнюю трудность для распространения новых идей и на то, что «местное население даже не понимает смысла слова свобода»¹¹.

Приведем дальнейшие рассуждения фон Циммермана о положении дел в Сирии: «Конечно, для всяких новых реформ, проводимых в такой стране, как Турция, и путем переворота, театром которого были лишь Константинополь и часть Европейской Турции, о котором узнали в Малоазийских провинциях лишь как о свершившемся факте и в котором, следовательно, далеко не участвовала вся страна, необходимо время и даже очень много времени, чтобы провозглашенные принципы успели проникнуть в народ и привиться в нем. К движению примкнуло много пришлого (чуждого) элемента. Среди них те, что были сторонниками старого режима и извлекали из него материальную пользу, они и теперь прикрываются младотурецкими лозунгами, по-прежнему преследуя корыстные цели. Другие, сходные с ними по образу мышления, но были ранее не у дел, теперь они воспользовались конституционными идеями как лозунгом, чтобы до-

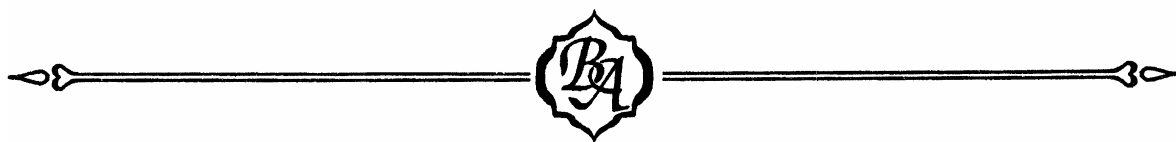

биться власти. Идет быстрое обогащение тех, кто дорвался к власти»¹². По мнению консула, распространению конституционных начал мешала и пестрота населения (религиозная и этническая): «Нужен гений, чтобы объединить турок, албанцев, черкесов, курдов, арабов и т.д. в один народ, не помогают даже узы ислама. Такого гения нет»¹³. Местный комитет, – отмечал фон Циммерман, – отстраняет неугодных чиновников, оставляя тех, которые превращаются в сторонников режима, взяв с них клятву, что они будут честны. Однако чиновники по-прежнему берут взятки. Из-за риска они берут взятки вдвое, втрое больше прежнего. Чтобы «устроить дело», теперь надо заручиться лично еще и каким-либо членом комитета¹⁴.

Суть отдельных событий, происходивших на его глазах, консул раскрывает описанием земельных отношений и земельной собственности в Сирии, этой аграрной стране. Земельный вопрос был одним из главных, порождавших конфликты. Он отмечает громадное влияние местных помещиков. «Почти везде, – пишет он, – как в Алеппском вилайете, так и далее вглубь страны туземные крестьяне не владеют собственной землею, арендуют ее у помещиков и, хотя такая аренда передается из рода в род, но землевладелец может во всякое время и без всяких мотивов, кроме своей воли, согнать любого своего крестьянина с земли, на которой он живет, и лишить таким образом его и семью своего скудного пропитания. В результате получается, конечно, что сейчас в своих деревнях они пользуются безграничною властью и своими крестьянами правят деспотически в полном смысле этого слова. Чтобы иметь на своей стороне местных властей, большинство их поступает на государственную службу, получая нередко благодаря богатству, влиянию и связям довольно видные места в вилайете и, широко пользуясь своею властью и силою в крае, всегда принуждали генерал-губернатора считаться с ними, фактически участвуя совместно с ним в управлении вилайетом»¹⁵.

Другим примером подобного рода является донесение консула З.П. Лишина: «Несмотря на смену мутесаррифа, разбои и грабежи продолжают в Триполийском санджаке, – пишет он. – Жертвами нападений являются почти всегда христиане, жизнь и имущество которых ничем не обеспечены против насилия и произвола местных мусульманских беев»¹⁶. После того, как новые власти выгнали их со своих должностей, помещики-аги стали «непримиримыми врагами конституции и ее поборников, что самые принципы равенства и братства, проводимые ныне последними, легко могут в будущем лишить их сначала их нынешней власти в своих деревнях, а затем и самих земель, которыми они кормятся»¹⁷.

Почувствовав, что власть их боится, городские низы подняли голову. Циммерман сообщает о «брожении, происходящем именно в тех кварталах города, где сосредоточивается чернь». Ее требования сводились к полной отмене налогов и снижению цен на основные продукты питания. Он приводит слова генерал-губернатора, что «нет никакой более возможности собирать налоги и пошлины, ибо народ под предлогом провозглашения конституции и свободы отказывается платить»¹⁸. Торжества по случаю открытия парламента, отмечаемые повсюду, в Бейлане были запрещены, так как губернатор опасался нападения мусульман на христиан. Тогда собравшаяся толпа разгромила дом местного каймакама, едва спасшегося бегством. «Толпа ворвалась в квартиру, – пишет консул, – разграбила ее дотла и ушла, побив все стекла и переломав все окна и двери»¹⁹. В Мерсине сбросили в море приехавшего туда австрийского вице-консула. В Урфе губернатором едва была предотвращена резня христиан. В Диарбекире курды устраивают демонстрации протеста против конституции. При этом все вооружаются. Имам в Мараше проповедовал вражду к христианам. За это губернатор сделал ему строжайший выговор. Тогда имам собрал толпу и пошел к дому губернатора, чтобы приступом взять его. Губернатор едва спасся²⁰.

Так Циммерман завершает картину всеобщего распада и хаоса, и в качестве итога перечисляет фактические перемены, произошедшие в этом регионе Османской империи – Северной Сирии. Во-первых, это амнистия ссыльных, освобождение заключенных. Во-вторых, ликвидация портовых контрольных паспортных комиссий, которые следили за въездом и выездом турецких подданных, особенно армян. В-третьих, упразднение должности военного командира, осуществлявшего политический надзор, и судебного инспектора. В-четвертых, уничтожение цензуры. И в-пятых, подготовка к выборам²¹. Все эти важные изменения не относились к разряду первостепенных и не могли заметно ускорить процессы модернизации, в которых так нуждалась страна.

Подводя итог своим наблюдениям во вверенном ему регионе, Циммерман отмечает всеобщее недовольство населения – как христианского, считавшего себя обманутым, так и мусульманского, особенно арабов, желавших взять власть в свои руки. Они были крайне возмущены той ничтожной долей, которую турки предоставили им в управлении страной, в котором они участвовали довольно широко при старом режиме. «Турки опасаются ныне выпустить из рук власть и остаться в хвосте у других народностей, вследствие чего они не доверяют более даже единоверным с ними народностям Турции»²². «Сами турки ныне открыто сознают, – пишет консул далее, – все неудобства, которые представляет для них объявленное ими всеобщее равноправие... Мне сообщили, что недавно вопросы о “равенстве и братстве” разбирались в здешнем либеральном клубе... и что члены ононого пришли к заключению о невозможности для турок применять теперь же на практике принципы братства и равенства без ущерба для своего преобладания в стране... и что поэтому следует покамест признавать эти принципы лишь теоретически, как дело, весьма желательное в будущем... пока все народы Турции будут более подготовлены

к осуществлению недостижимого ныне идеала слития их в один народ вместе с османлисами»²³.

(Окончание следует)

Примечания

¹ *Иванов С.М.* Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2005, с. 25–26.

² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482, д. 239, л. 15–16.

³ Там же, л. 16.

⁴ Там же, л. 17.

⁵ Там же, л. 26–27.

⁶ Там же, л. 34 об.

⁷ Там же, л. 49–49 об.

⁸ Там же, л. 17.

⁹ Там же, л. 20.

¹⁰ Там же, л. 22.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 18.

¹³ Там же, л. 28.

¹⁴ Там же, л. 66 об.

¹⁵ Там же, л. 33 об. – 34.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517, д. 1349, л. 34.

¹⁷ Там же, л. 34 об.

¹⁸ Там же, л. 36–37.

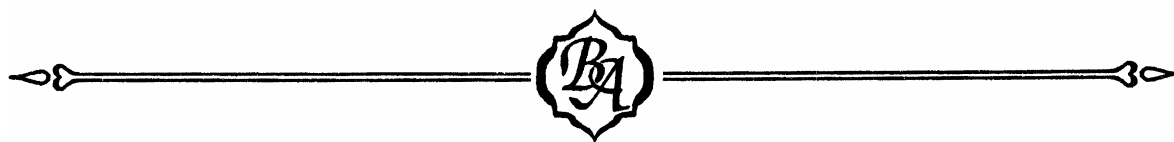
¹⁹ Там же, л. 62–63.

²⁰ Там же, л. 63–65.

²¹ Там же, л. 37–37 об.

²² Там же, л. 15.

²³ Там же, л. 65 об. – 66 об.

А.Н. Хохлов

А.Ф. ПОПОВ – ПЕРВЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕКИНСКОЙ ШКОЛЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ «ТУНВЭНЬГУАНЬ»

Несмотря на рост интереса отечественных и зарубежных исследователей к истории русско-китайских отношений, наблюдаемый в России и Китае в последние годы, область культурных контактов между двумя соседними странами остается наименее изученной. Об этом свидетельствует, например, отсутствие в исторической литературе КНР сведений о россиянах – преподавателях русского языка в Китае после учреждения в Пекине Российской дипломатической миссии в 1861 г. В это время цинское правительство под влиянием поражения в англо-франко-китайской войне 1858–1860 гг. было вынуждено пойти на ряд административных реформ в области внешней политики, просвещения и военного дела, положивших начало «политике самоусиления» Китая. Примером «умолчания» современными китайскими учеными факта участия россиян в указанных реформах может служить «Всеобщая новая история Китая» («Чжунго цзиньдай тунши»), издаваемая в нескольких томах в Нанкине. Во втором и третьем томах этого труда (посвященных 1840–1864 гг. и 1865–1895 гг.), опубликованных в 2007 г., отсутствуют сведения об участии россиян в реформах маньчжурского двора в сферах государственного управления¹, хотя об европейцах в этом труде можно встретить некоторые сведения, в частности, об использовании их в созданной в Пекине школе иностранных языков – «Тунвэньгуань». Между тем в этой школе изучали и русский язык; его первым преподавателем был А.Ф. Попов.

Согласно формулярному списку, составленному в 1854 г., Афанасий Ферапонтович Попов, которому в это время исполнилось 25 лет, был сыном пономаря Орловской губернии. С 1843 по 1849 г. он обучал-

ся в Орловской духовной семинарии, где занимался изучением латинского, греческого и немецкого языков. С 1849 по 1853 г. его занятия упомянутыми иностранными языками, к которым прибавились уроки еврейского и французского языков, проходили в стенах С.-Петербургской духовной академии. По окончании академии он с 1 января 1854 г. исправлял должность смотрителя Устюженских духовных училищ. В качестве учителя высшего отделения одного уездного училища А.Ф. Попов преподавал греческий язык, пространный катехизис и священную историю. Указом от 18 декабря 1856 г. его причислили к членам нового состава Пекинской духовной (православной) миссии в чине титулярного советника со старшинством с 18 апреля 1855 г. (со времени утверждения его в звании магистра)².

О занятиях А.Ф. Попова китайским языком после прибытия в Пекин в 1858 г. позволяет судить его отчет за 1859 г., представленный начальнику Духовной миссии архимандриту Гурию (в миру Г.П. Карпов) 20 января 1860 г. В этом отчете А.Ф. Попов достаточно полно рисует не только характер языковых занятий, но и свои поездки по загородным местам китайской столицы, что видно из приводимого ниже текста:

«По части китайского языка с самого же начала года я уже перестал заниматься изучением отдельных слов и фраз, чем почти исключительно занимался в первое время по приезде в Пекин, и перешел к чтению “Пекинской газеты” [“Цзин-бао”] как источника, которым наиболее представляется возможность ознакомиться с казенным деловым языком, употребляемым в официальных бумагах, и вместе с чиновными лицами, должностями и положением дел в настоящее время.

По части маньчжурского языка в начале года были мною опять возобновлены занятия... и в течение первой половины года я занимался этим языком “энциклопедически”, т.е. изучал отдельные слова и фразы, наиболее нужные и употребительные. Наступившая затем летняя жара побудила меня для сохранения здоровья уехать за город, где я и прожил два месяца – июль и август. Там за недостатком непрерывных занятий с учителями, которые не могли следовать за мною, хотя и приезжали ко мне по временам, а главное по причине душных жаров я не мог идти далее в своих занятиях относительно письменного языка, но зато частные сношения с простолюдинами, военными и нередко – чиновниками, из которых некоторые искали знакомства со мною, позволили мне значительно продвинуться вперед в разговорном языке, а все остальное время домашнего досуга я употреблял на повторение пройденного прежде [материала], что еще более необходимо при изучении такого предмета, каковы китайские иероглифы, часто и скоро испаряющиеся из памяти без повторительного изучения, особенно в первое время знакомства с ними.

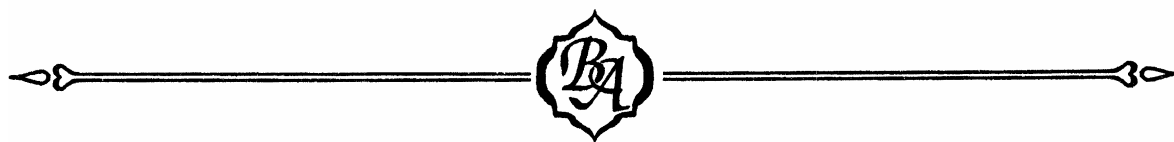
Кроме того, совершив несколько прогулок по окрестностям Пекина, я успел ознакомиться с несколькими замечательными местностями, каковы, например, кладбище государей [китайской] Минской династии, загородный дворец императора [Ихэюань], несколько императорских и княжеских кумирен. Равным образом бывал в театре, присутствовал при уличных представлениях и т.п. И таким образом старался на практике видеть то, что прежде знал только в теории, т.е. из книг и рассказов других лиц.

В остальное время года, по возвращении в Пекин в начале сентября месяца, я уже мог перейти к занятиям более серьезным, а именно: по части маньчжурского языка начал читать переведенный с китайского роман под заглавием “Цзин-пин-мэй” (имена трех героинь романа), и еще книгу под заглавием “Ли чжи цзи яо” (т.е. выбор нужных вещей по части управления). Книги

эти выбраны мною потому, что первая из них есть один из лучших классических романов Китая, и известно, что чтение романов – самое лучшее средство ознакомиться с энциклопедией языка и обыденным разговором (я разумею здесь язык маньчжурский, который в такой степени сделался в настоящее время мертвым в Китае, что обыденный разговор на нем остается изучать уже в книгах). А вторая книга по самому заглавию своему представляет [читателям] возможность знакомства с языком официальным. Что же касается китайского языка, то, кроме постоянного, почти ежедневного чтения газеты [“Цзин-бао”], я нашел возможным приступить к чтению “Уложения Палаты финансов” [“Ху-бу цзэ-ли”] с тем, чтобы впоследствии перевести его на русский язык.

К сожалению, состояние моего здоровья не всегда позволяет мне заниматься с тем усилием и постоянством, с каким бы хотелось. Так что в последнее время вследствие усилившегося геморроя, не позволяющего мне ни сидеть, ни стоять долго на одном месте, я вынужден был, по совету д-ра [миссии] г-на [П.А.] Корниевского, на время прекратить занятия с учителем маньчжурского языка, хотя и не переставал заниматься им домашним образом³.

Как бывшего преподавателя, знавшего китайский и западноевропейские языки, российский посланник Лев Федорович Баллюзек⁴, прибывший в Пекин в июле 1861 г., часто использовал А.Ф. Попова в своих переговорах с чиновниками Цзунлиамэня (Коллегии иностранных дел), при этом он нередко выступал единственным переводчиком дипломатических документов, направляемых русским дипломатом китайской стороне. Для примера укажем на «Записку об оружии и инструкторах», поданную сановнику Вэнь Сяну при первых переговорах в Цзясинсы (1 июля 1861 г.); сообщения о том, чего не достает китайским солдатам, отправленным в Кяхту для обучения под руководством россиян-инструкторов, и как исправить имеющиеся в этом деле недостатки (31 декабря 1861 г.), ноту Л.Ф. Баллюзека от 16 февраля 1862 г. членам Цзунлиамэня по

поводу отзыва китайским правительством китайских солдат из Кяхты в Пекин⁵.

Оставляя в стороне огромную деловую дипломатическую переписку с Цзунлианьнем, которую выполнял А.Ф. Попов в качестве драгомана при Л.Ф. Баллюзеке, укажем на одну из его самостоятельных работ под названием: «Тарифы Калганский и таможни Цзюйюнгунань», законченных им 25 февраля 1861 г. Перевод китайских данных по этому вопросу, частично взятых из «Да Цин хуэй-дянь» («Свода узаконений великой династии Цин»), предваряет пространное авторское введение переводчика, которое начинается следующим пассажем: «Калган [Чжанцзякоу] составляет для Китая такой же важный торговый пункт, как Кяхта для России. Он служит складочным местом для товаров, идущих из Китая в Восточную Монголию и Россию... если в Китае, *так мало известном нам с коммерческой стороны* (здесь и далее курсив мой. – А.Х.), таможенные тарифы должны бы служить для нас показателями, какого именно рода торговое движение совершается в данной местности, то о калганском тарифе нужно сказать, что он может служить таким показателем только отчасти. Отчасти потому, что *торговля есть ... вещь самая живая, наиболее подвижная, подверженная частым переменам...* Для китайского правительства глав[ным образом]... важно то, чтобы каждая таможня по прошествии годичного срока доставляла в казну определенное количество серебра, а какие там идут товары и какие не идут, на это оно не обращает почти никакого внимания. Таможенным приставам и чиновникам не только нравится вечное status quo, но они сами намеренно поддерживают его, скрывая от глаз правительства настоящее положение дел, потому что... показание новых статей, пожалуй, повлекло бы увеличение годовой пропорции таможенного сбора... Так было 100–200 лет тому назад, так есть и теперь.

Что [же] касается торговли Китая с Россией, то она в последние 100 лет своего существования подвергалась стольким изме-

нениям, что [калганский] тариф в своем настоящем виде является совершеннейшим анахронизмом. Так, например, в настоящее время вовсе не идут в Китай меха, а главным образом сукна и ситцы и т.п. ... Относительно [же] предметов [китайского] сбыта [следует заметить, что] в настоящее время идет в Россию исключительно чай, причем названий всех сортов только одного байхового более 30, между тем как в тарифе, где напрасно существует китайка, чай занимает весьма небольшое место и показан в самом ограниченном числе названий»⁶.

Из других работ А.Ф. Попова можно назвать статью «Новый год в Китае». Отправляя ее в Петербург, Л.Ф. Баллюзек просил Н.П. Игнатьева (в донесении от 1 декабря 1862 г.) переслать ее в редакцию газеты «С.-Петербургские ведомости»⁷. Помимо перевода официальных текстов с китайского языка, А.Ф. Попов занимался изучением дневника одного китайского чиновника, собиравшего сведения о России во время похода цинских войск против россиян-казаков в Приамурье, завершившегося подписанием Нерчинского договора 1689 г.⁸ Как видно из архивных данных, А.Ф. Попов интересовался также китайским фольклором, собрав местные пословицы и поговорки и даже отправив специальную статью в Азиатский департамент по этому вопросу.

Последующие годы пребывания А.Ф. Попова в Пекине совпали по времени с завершающим этапом англо-франко-китайской войны 1858–1860 гг., связанным с разграблением союзниками императорского дворца Юаньминюань и вынужденным подписанием цинскими дипломатами неравноправных договоров, благодаря которым европейцы, помимо открытия новых китайских портов для их торговли, добились права содержать в Пекине свои постоянные дипломатические представительства. Это право получила и Россия, принявшая (в лице Н.П. Игнатьева) активное участие в посредничестве между воюющими сторонами, благодаря чему острый вооруженный конфликт цинского Китая с западными державами был урегулирован.

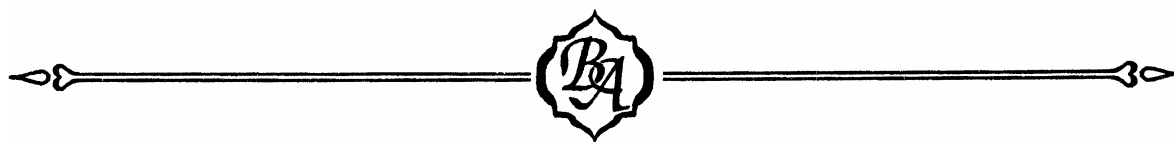
Уже в 1861 г. цинские власти учредили новое внешнеполитическое ведомство под названием «Цзун-ли гэ-го ши-у я-мэнь», или кратко «Цзунли ямэнь» – «Главное управление по иностранным делам» для поддержания контактов цинского правительства с аккредитованными в Пекине официальными представителями иностранных государств, прежде всего с посланниками Англии, Франции, США и России. Инициатором учреждения этого государственного органа выступил находившийся в Пекине маньчжурский князь 1-й степени Гун по имени И Синь, представивший вместе с Гуй Ляном и Вэнь Сяном доклад богдохану, находившемуся в Жэхэ (в Южной Маньчжурии) после бегства туда из Пекина, которому угрожал штурм и захват со стороны наступающих из Тяньцзиня союзных войск Англии и Франции. В ходе начавшейся переписки по поводу учреждения «Цзунли ямэня» в название нового внешнеполитического ведомства (И Синь и его соавторы) один из приближенных богдохана (князь Хуэй) внес дополнение в виде двух иероглифов «тун-шань», обозначающих «торговлю». Ввиду этого новый орган межгосударственных дипломатических связей стал называться «Цзун-ли гэ-го тун-шань ши-у я-мэнь» и был призван заниматься делами иностранных государств исключительно по вопросам торговли. С этим предложением, в принципе одобренным богдоханом, И Синь и его помощники не согласились, утверждая, что хотя единственным стремлением иностранцев (именуемых в докладе варварами) является получение барыша, подобное изменение в официальном названии предлагаемого нового учреждения может вызвать серьезные подозрения у западных дипломатов. В результате для официальной дипломатической переписки было решено оставить первоначально предложенное название нового внешнеполитического ведомства, а второе использовать во внутренней служебной переписке, причем о делах государственной важности провинциальным властям предлагалось сообщать, помимо трона, в Цзунлиамэнь. По поводу не-

значительных событий, касающихся иностранцев, местные власти могли по-прежнему обращаться в Палату церемоний (Ли-бу).

В 1862 г. при Цзунлиамэне была открыта школа иностранных языков – «Тунвэньгуань», учрежденная также по инициативе князя 1-й степени Гуна (И Синя). Первоначально она функционировала в виде курсов, учащиеся которых раздельно (по группам) изучали английский, французский и русский языки. Преподавать русский язык стал А.Ф. Попов.

В связи с отъездом А.Ф. Попова в Петербург для участия в обсуждении вопроса о новом статусе Пекинской духовной миссии секретарь российской дипломатической миссии Николай Глинка 2 сентября 1863 г. обратился с письмом к Н.П. Игнатьеву. Коснувшись начала преподавания русского языка в «Тунвэньгуане» и временной замены уехавшего А.Ф. Попова иеромонахом Александром [в миру А.И. Кульчицкий]⁹, Глинка сообщил о явной заинтересованности членов Цзунлиамэня в продолжении деятельности А.Ф. Попова в качестве учителя. В этом письме, в частности, говорилось:

«Китайское правительство, как Вашему Превосходительству уже известно, учредило в начале текущего года училище для обучения китайских мальчиков иностранным языкам и для назначения преподавателя русского языка дважды обращалось в наше посольство. До получения по сему предмету отзыва Азиатского департамента министр-резидент [Баллюзек] частным образом разрешил надворному советнику [А.Ф.] Попову исполнять в означенном училище должность преподавателя русского языка, которую он и занимал с апреля месяца по настоящее время... опасаясь, чтобы прекращение преподавания не произвело на китайцев дурного впечатления, дав им повод подумать, что мы [якобы] преднамеренно желаем отнять у них средство образовывать [штат] своих переводчиков, я счел своею обязанностью одновременно с уведомлением об отъезде г-на Попова предложить здешнему Министерству [иностранных дел] другого учителя – отца иеромонаха Александра.

Члены Министерства очень жалеют, что г-н Попов не смог закончить курс подготовки учеников, которые, несмотря на короткий срок (шесть месяцев), уже сделали огромные успехи под его руководством. Они неоднократно обращались ко мне с просьбою исходатайствовать отмену распоряжения об отзыве г-на Попова ... Здешнее Министерство просило, чтобы новый учитель иеромонах Александр [Кульчицкий] оставался в этой должности по меньшей мере год...

Молодые люди во вновь учрежденном училище предназначаются для службы по Министерству иностранных дел и в этом качестве будут постоянно находиться в сношениях с иностранцами. *Весьма понятно, что те из них, которые обучались у нас и имели случай ближе сойтись с русскими, впоследствии всегда будут предпочитать нас остальным иностранцам и держать нашу сторону.* Подготовка таким образом некоторого числа людей в центре китайского управления не лишена своей важности и в политическом отношении...

В русское отделение училища попали, по свидетельству г-на Попова, самые способные из мальчиков. Если это справедливо, то ученики, [изучающие] русский язык, имеют большее вероятие, чем другие [изучающие западные языки], со временем выйти из предназначаемого для них теперь поприща переводчиков и занять должности соответственно их знаниям и умственному развитию...

Для успешного образования учеников недостаточно одного знания китайского языка, но требуется человек способный, могущий подготовить будущих приверженцев России. Г-н Попов ревностно принялся за дело и без сомнения мог бы оказать нам большую услугу, если бы преждевременный вызов его в отечество не прервал начатых [им] занятий»¹⁰.

По приезде А.Ф. Попова в Петербург в Азиатском департаменте была внимательно рассмотрена написанная им здесь «Записка об училище русского языка в Пекине и положение при нем учителя из русских»

(13 марта 1864 г.), из которой ниже приводятся наиболее важные пассажи:

«Известно, что в настоящее время в Пекине существует три училища для изучения китайцами иностранных языков: русского, английского и французского, и в скором времени по предложению американского посланника г-на Берлингэма будет открыто четвертое – американское. Сначала в виде опыта и из-за недостатка помещения два года тому назад было открыто только одно – английское [училище], а через год ... именно 11 апреля прошлого [1863 г.] с устройством помещения открыты одновременно русское и французское. Училища открыты самим правительством Китая, [они] помещаются при китайском Министерстве иностранных дел [Цзунлиямэнь] и состоят под покровительством самого князя Гуна (по имени И Синь). Учениками набраны туда дети маньчжуров от 14 до 19 лет, а учителями приглашены иностранцы и в числе прочих русский...

Главный действующий член МИД Вэнь Сян при поступлении учителя русского языка [А.Ф.] Попова в должность прямо высказал ему, что смотрит на учителя не только как на преподавателя языка, но желает и надеется на то, что ученики будут ознакомлены с географией, математикой, историей, даже астрономией (до которой сам Вэнь Сян большой охотник, хотя понимает ее больше в смысле астрологии). Таким образом, если язык есть самый лучший проводник мысли и знаний, то на открытие иностранных училищ в Пекине нужно смотреть как на истинное, единственно верное начало цивилизации [европеизации] Китая, начало знакомства китайцев с европейской наукой и жизнью.

В числе других результатов подобного знакомства китайцев [стоит] распространение европейских идей в самой массе народа. Теперь [же], например, как ни пытаются европейцы просвещать Китай, переводя на китайский язык ученые статьи и целые системы [специальных знаний], труды эти почти напрасны, потому что книги или не читаются по предубеждению китайцев ко всему ев-

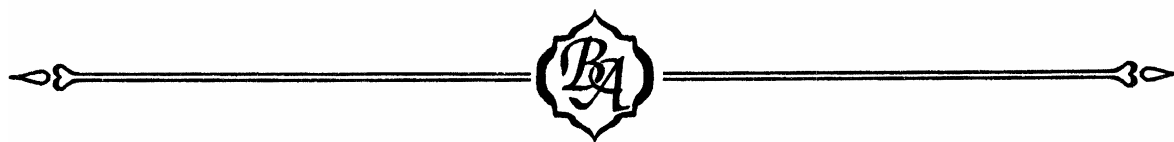

ропейскому, или не понимаются по неудовлетворительности переводов. Когда же китайцы сами начнут пересаживать европейское знание на почву своего языка и [своей] страны, дело пойдет скорее и успешнее. Зная хорошо свойство своей [духовной] почвы, они могут лучше привить и акклиматизировать у себя чужеземное растение. Но коль скоро наука сама по себе есть нечто космополитическое, то она в своем приложении к практике отражает в себе не только характер и образ воззрения [нации], но и национальные симпатии и антипатии народа. Статистик Виговский дышит пристрастием, когда пишет о России: историк и путешественник-француз всегда панигирист Франции. Нет сомнения, что эти симпатии и антипатии вместе с наукой и цивилизацией перейдут и в Китай, когда его начнут цивилизовать согласно принципам, присущим различным нациям. Что касается до России, то примеры ложных и пристрастных замечаний о ней уже есть в Китае, например в книге, называемой “Инь-хуан чжи-люэ” (нечто вроде географического и исторического сборника о разных государствах), и в газетах на китайском языке, появившихся в Нинбо во время Крымской войны. *Положить начало распространению русской письменности и знанию, приготовить противодействие неблагоприятному для нас будущему, упрочить существовавшее до сих пор доброе мнение о нас китайцев – все это задача нашего времени и она, [конечно], падает на русского учителя.* Притом рано или поздно знакомство с европейским знанием неминуемо вызовет потребность в Китае иметь из Европы специалистов. Нам нужно стараться, чтобы за подобными людьми Китай обращался не к одним только англичанам и французам, и нет сомнения, что ежели между китайцами будет много понимающих порусски и симпатизирующих России, то они не преминут обращаться к нам...

Главная цель, с какою правительство Китая приступило к открытию иностранных училищ, состоит в том, чтобы иметь у себя людей, знающих иностранные языки, но иметь их не только в качестве перево-

дчиков при МИД, но в качестве людей деятельных, будущих представителей самого правительства. Эта мысль не только прямо высказывается членами Министерства [Цзунлиамэнь], но и проведена в самом училищном устройстве и способе подготовки учеников. Ученики набраны исключительно из детей маньчжуров – привилегированного класса в Китае, родственного настоящей [маньчжурской] династии [Цин], и преимущественно из детей чиновников. Ученики выбраны самые лучшие и даровитые, потому что после экзамена, например, в прошлом году из 100 кандидатов, представленных казенными училищами в Пекине, оставлены только 20, оказавшихся наиболее благонадежными и успевающими в китайской словесности. Некоторые из них имеют уже первую ученую степень [сю-цай], но кроме того в каждом училище есть еще особый учитель китайский, и ученики, продолжая учиться по-китайски, должны со временем держать экзамены на все ученые степени, не исключая и докторской [цзинь-ши]. В Китае же, как известно, только ученые степени ведут к высшим должностям в государстве. Значит, нынешние ученики иностранных училищ будут со временем не только чиновниками МИД или чиновниками Шанхайской, Кантонской и других таможен вместо служащих [ныне] там иностранцев, но могут быть, если выдержат хорошо все экзамены, членами Министерства, начальниками и губернаторами провинций, вроде Амурской [Хэйлунцзян], Гириньской, Илийской, Тарбагатайской и прочих, даже министрами и, пожалуй, временщиками вроде Су Шуня [казненного 8 ноября 1861 г.]. Это тем вероятнее, что настоящее МИД (Цзунлиамэнь), ставшее после последней [англо-франко-китайской] войны во главе правительства и образующее, можно сказать, особую партию в Китае, и теперь уже старается выдвигать своих чиновников...

Нам со временем придется не только поддерживать руссологов-китайцев и способствовать тому, чтобы они занимали высшие должности в Китае, но мы должны за-

ранее воспитывать их через учителя в симпатии к России.

Наконец... [служебное] помещение учителя при Министерстве иностранных дел дает возможность учителю [свободнее] входить в сношения с чиновниками и членами Министерства. Первый учитель русского языка [А.Ф. Попов], состоявший прежде того драгоманом при посольстве, при самом вступлении в должность учителя получил от Вэнь Сяна¹¹ приглашение заходить в свободное после лекций время в Министерство и часто пользовался этим приглашением сновника, при этом члены Министерства охотно беседовали с ним о самых [важных] делах политики, расспрашивали о европейских новостях и с любопытством слушали его рассказы об обычаях, гражданских учреждениях и тому подобном России и других стран, часто сравнивая их со своими. Они гораздо свободнее и откровеннее были с ним, когда он был учителем, нежели тогда, когда он был драгоманом, потому что уже не смотрели на него как на лицо официальное, перед которым имели бы основание скрывать многое... Так, например, однажды Вэнь Сян после разговора с ним о таможенном устройстве в России и Китае сказал, что он намерен, если их дела с инсургентами [тайпинами] поправятся, уничтожить пошлину со съестных припасов и предметов первой потребности, а возвысить ее на предметы роскоши (например, на водку и табак) и даже уменьшить число внутренних таможен. В другой раз, разговаривая о взяточничестве в Китае и мерах прекращения его, совершенно согласился со своим оппонентом, что лучшей мерою была бы не строгость преследования взяточников, а увеличение оклада жалованья чиновникам и возвышение для этой цели поземельного налога. Количество этого налога, совершенно ничтожное по закону, взимается на практике вдвое и втрое больше, казна же сама получает меньше законного, потому что большая часть его поступает в карманы собирателей...

И в самом деле обязанности и ответственность, налагаемые на учителя русского

языка его положением, огромные. Правительство должно обратить прежде всего внимание на выбор лица, способного нести их. Тут, очевидно, требуется не только отличное знакомство с китайским языком, как разговорным, так и письменным, но и достаточное знакомство со страной, не только трудолюбие и усердие, но и чисто китайское терпение, не только достаточное энциклопедическое образование, но и благоразумный патриотизм и умение вести себя на месте. Но вместе с тем справедливость требует, чтобы подобное положение давало бы достаточные средства и надлежащим образом вознаграждало бы за добросовестное их исполнение...»¹².

Внимательно рассмотрев записку А.Ф. Попова, Азиатский департамент принял соответствующее решение о поддержании его преподавательской деятельности в «Тун-вэньгуане», о чем было сообщено в Пекин посланнику А.Е. Влангали в письме от 6 мая 1864 г., в котором говорилось: «Министерство, вполне оценивая засвидетельствованные Вами труды надворного советника Попова и сознавая пользу в продолжении начатых им занятий, полагает назначить его помощником драгомана вверенной Вам миссии с тем, однако, чтобы в глазах китайцев он наименовался учителем русского языка в китайском училище, и, находясь в полном распоряжении Вашем в случае отсутствия или болезни драгомана, частным образом исполнял обязанности и по сей должности»¹³.

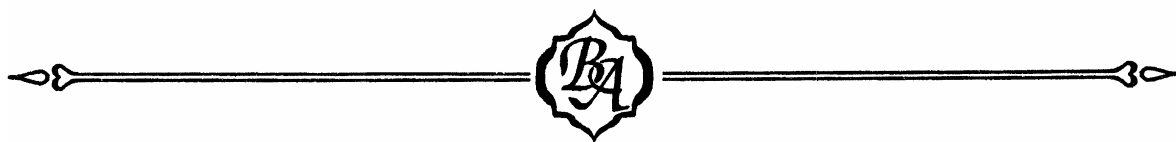
(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ «Чжунго цзиньдай тунши» (Всеобщая новая история Китая). Нанкин, 2007, т. 2 (Начало новой истории), с. 602–607; т. 3 (Попытки модернизации в ранний период), с. 61–63, 108–112.

² Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 277, оп. 1, д. 759, л. 5.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. СПб. Главный архив I–5, 1823, д. 1, п. 94, л. 239–240.

⁴ Подробнее о Льве Федоровиче Баллюзке см.: Хохлов А.Н. Л.Ф. Баллюзек – первый российский посланник в цинском Китае // XXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2006, с. 59–68.

⁵ АВПРИ, ф. Главный архив I–5, 1823, д. 1, п. 74, л. 361–362, 387, 395.

⁶ Там же, л. 319–334 (полный текст всей работы А.Ф. Попова).

⁷ Там же, л. 439, 452.

⁸ Китайское название сочинения, над переводом которого трудился А.Ф. Попов, – «Элосы жи-цзи» («Ежедневные записи о России»).

⁹ См.: Хохлов А.Н. А.И. Кульчицкий – иеромонах Пекинской Духовной миссии и иерарх Русской Православной Церкви // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб., 2004, с. 41–57.

¹⁰ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив II–12, оп. 52, 1863, д. 1, л. 3–6. В данном письме содержалась просьба «не оставить распоряжением, чтобы в случае отзыва в Россию отцу иеромонаху Александру было разрешено оставаться в Пекине на прежнем положении, покуда он сам не выразит желание возвратиться в отечество, и что когда он этого пожелает, ему было возможно привести свое намерение в исполнение по распоряжению имп. [дипломатической] миссии или его духовного начальства в Пекине... Частая же перемена учителя неизбежно должна оказывать дурное влияние на самый ход преподавания... Нельзя поэтому не желать, чтобы преподавание было окончено теперешним учителем».

¹¹ Вэнь Сян – видный маньчжурский сановник, внесший в 1860 г. немалую лепту в модернизацию цинского Китая в военном деле и просвещении. Он – потомок влиятельного маньчжурского рода в Мукдене, родился в г. Ляояне в семье мелкого чиновника, состоявшего на службе в местной комендатуре. Благодаря поддержке богатого приемного отца ему в 1837 г. удалось поступить в училище для маньчжурских князей. По окончании учебы он в 1840 г. отправился в Пекин, где после сдачи экзаменов получил ученую степень цзюйжэня, а затем в 1845 г. – степень цзиньши. Служебная карьера Вэнь Сяна как администратора крупного масштаба началась с его назначения в 1857 г. помощником главы ведомства чинов (Ли-бу) с последующим перемещением на ту же должность в ведомство общественных работ (Гун-бу) и затем в ведомство налогов (Ху-бу).

После захвата Тяньцзиня англо-французскими войсками в 1860 г. Вэнь Сян неоднократно предлагал богдохану оставаться в Пекине для

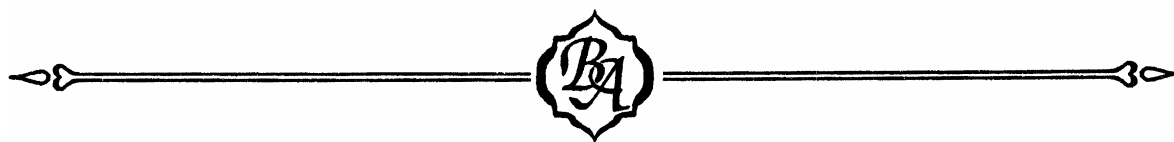
лучшей организации обороны столицы, однако последний с ближайшим своим окружением предпочел бежать в Маньчжурию, в Жэхэ, поручив князю И Синю, Гуй Ляну и Вэнь Сяну вступить в переговоры с наступающим на столицу противником. В течение почти месяца Вэнь Сян продолжал оставаться военным комендантом Пекина и начальником императорской гвардии, дислоцированной в окрестностях столицы, в Юаньминюане, но в начале октября был освобожден от военного руководства для участия в переговорах с дипломатами Англии и Франции. После подписания договоров с последними, а также с Россией, принявшей участие в урегулировании военного конфликта в качестве посредника, а также учреждения в 1861 г. Цзунлиамэня, которое своим появлением обязано усилиям И Синя, Гуй Ляна и Вэнь Сяна, последний приступил к обучению маньчжурских воинов-знаменитых столицы европейскому строю с использованием современного огнестрельного оружия, подаренного Россией. Одним из его начальников (помимо И Синя) стал Вэнь Сян (подробнее см.: Хохлов А.Н. Англо-франко-китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. М., 1982, с. 284–339).

Серьезным испытанием боевой силы нового воинского формирования стали операции против полчищ хунхузов, проникших из южной части Маньчжурии через Великую китайскую стену к Пекину. Прогнав хунхузов за Великую стену с помощью воинов, частично обученных в Кяхте россиянами в 1861 г. обращению с европейским оружием, Вэнь Сян в 1865 г. при повторной угрозе со стороны хунхузов, которых тогда насчитывалось уже 30 тыс., с более крупным своим отрядом (из 2500 чел., вооруженных ружьями, и 500 чел. конных) после прибытия из Тяньцзиня подкрепления из войск Чун Хоу дошел до Мукдена, избавив прежнюю столицу цинского двора от разграбления хунхузами.

После смерти матери в 1869 г. и по истечении срока траура, Вэнь Сян вернулся в Пекин в 1870 г. Впоследствии его неожиданно хватил апоплексический удар, и через четыре года он скончался.

¹² АВПРИ, ф. СПб. Главный архив II–12, оп. 52, 1863, д. 1, л. 8–12.

¹³ Там же, л. 20–21. Письмо МИД в канцелярию петербургского генерал-губернатора относительно выдачи подорожной для надворного советника А.Ф. Попова от С.-Петербурга до Кяхты было отправлено 30 июля 1864 г.

А.С. Смирнов

АРХЕОЛОГИЯ И ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Из истории подготовки экспедиции П. Пеллио и К.Г. Маннергейма в Китай

Путешествия французского ученого Поля Пеллио и российского офицера Карла Густава Маннергейма в Китай в 1906–1908 гг. неоднократно упоминалось в отечественной и зарубежной литературе¹.

Поль Пеллио (1878–1945) был одним из известнейших ориенталистов XX в.: профессором Collège de France (1911), членом Академии надписей и изящной словесности (1921), президентом Азиатского общества (1935), главным редактором журнала «T'oung paou» (1920). Его экспедиции дали науке множество новых эпиграфических памятников, а также способствовали установлению местонахождения знаменитого Кара-Корума, столицы сына Чингиз-хана Угедая.

Академики С.Ф. Ольденбург, И.Е. Крачковский, Ф.И. Успенский писали в 1922 г., что П. Пеллио – «один из крупнейших синологов нашего времени<...> Его широко поставленные экспедиции в Ср. Азию и Китай увенчались редким успехом и доставили<...> древнейшие доселе неизвестные китайские памятники»². Полтора десятилетия спустя, в 1937 г., академик В.М. Алексеев утверждал, что «профессор Пеллио является самым крупным из всех синологов, когда-либо бывших в Европе»³. В 1922 г. П. Пеллио избирается членом-корреспондентом Российской академии наук. В Первую мировую войну он служил в армии, во Вторую мировую был участником французского Сопротивления.

П. Пеллио неоднократно посещал Россию, в том числе и в советское время. В 1925 и 1932 годах он приезжал в СССР как почетный гость Академии наук. Впрочем, в 1925 г. новые коллеги подвергли выступление П. Пеллио критике за упоминание исследователя Восточной Азии «русского полковника Козлова»⁴ – «как будто в СССР до сих пор существуют царские полковники и

нет других ученых, занимающихся материалами северной Монголии»⁵. Тем не менее советские археологи, занимавшиеся исследованием древних монгольских городов, широко пользовались результатами работ П. Пеллио и в 1960-х годах⁶.

Одной из наиболее известных экспедиций П. Пеллио была экспедиция в Центральную Азию в первые годы XX в., для организации которой он прибыл в начале 1906 г. в Санкт-Петербург. Но здесь высвечивается и другая фигура – К.Г. Маннергейма, удачно сочетавшего военно-разведывательные задачи в Китайском Туркестане в 1906–1908 гг. с археологическими изысканиями⁷. Научные результаты этой экспедиции никогда не подвергались сомнению. Полученные К.Г. Маннергеймом материалы вызвали искренний интерес известных ориенталистов, среди которых профессора А.М. Тальгрэн, Й.Г. Рамстед.

Менее известны события, связанные с подготовкой этих экспедиций, осуществленные в недрах Военного министерства и Министерства иностранных дел России.

В конце февраля 1906 г. академик В.В. Радлов от имени Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии направил начальнику Азиатского отдела Генерального штаба генерал-майору Ф.Н. Васильеву письмо следующего содержания: «Обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой оказать возможное содействие экспедиции, снаряжаемой Французским комитетом Международного союза»⁸ в Китай через Русский Туркестан. Начальник экспедиции, Mr Paul Pelliot professeur de Chinois a l'Ecole Francaise d'Exlreme Orient, будет иметь честь лично изложить Вам свою просьбу, а пока я позволяю себе рассчитывать на Ваше всегдашнее любезное содействие предприятиям Комитета»⁹.

Встреча П. Пеллио и генерала Ф.Н. Васильева произошла, как мы увидим дальше, к взаимному удовольствию сторон. Начальник Азиатского отдела быстро понял, какую выгоду для Военного министерства может принести экспедиция французского синолога. И оперативно снесся с начальником Генерального штаба Ф.Ф. Палицыным. Тот уже 2 марта обратился к министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу с письмом, помеченным грифом «В. секретно. Спешное». В письме говорится, что «в С.-Петербург прибывает Поль Пеллио (Paul Pelliot), глава французской экспедиции, предназначенной для отправления в Китай по маршруту Ташкент – Кашгар – Куча – Лоб-нор – Сучжоу – Сианьфу – Та-тонг-фу – Пекин. Экспедиция эта продолжится два года и имеет научные цели, главным образом археологические, но должна также заниматься географией, этнографией, лингвистикой, историей и естественной историей».

Внимание Генерального штаба к этой экспедиции Ф.Ф. Палицын объяснял тем, что «при настоящей политике китайского правительства нам особенно важно быть ознакомленными с современным состоянием Небесной империи, особенно районов ее, примыкающих к русским владениям, например, Западного Китая, где ныне принимается ряд мер для организации вооруженных сил по японскому образцу для усиления китайской колонизации и вообще для более тесного соединения с Собственным Китаем».

Посему, казалось бы, весьма полезно с этой целью воспользоваться экспедицией г. Пеллио, а именно получить согласие французского правительства на включение, негласно, в состав экспедиции одного русского офицера, под видом частного лица, пожелавшего присоединиться к экспедиции для путешествия по Китаю на собственные средства для исследования по этнографии и естественной истории. На этого офицера можно будет возложить собирание сведений военного характера по особой программе»¹⁰.

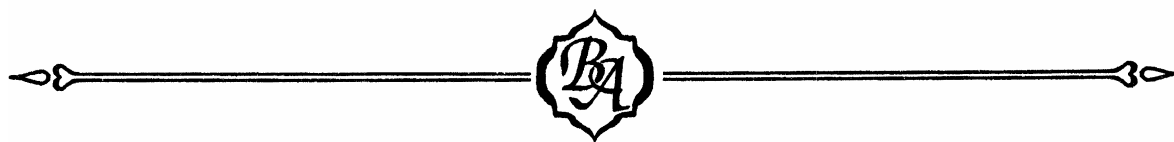
Российские военные провели конфиденциальные беседы с П. Пеллио. «Запрошенный сперва г. Пеллио сразу охотно согла-

сился на такого рода присоединение русского офицера к его экспедиции»¹¹. Французский ученый не только не возражал против присутствия в экспедиции российского военного агента, но и предложил свои услуги в качестве информатора российского военного ведомства. Как писал 13 марта министру В.Н. Ламздорфу начальник Генштаба, «г-н Пеллио весьма охотно берется сообщать нам некоторые из своих наблюдений»¹².

Российское Министерство иностранных дел дало свое принципиальное согласие на предложения военных, и Генеральный штаб начал поиски кандидата для разведывательной миссии. Внимание военного руководства привлек недавно произведенный в полковники барон Карл Густав Эмиль Маннергейм.

Одной из причин, обративших внимание Генерального штаба на этого офицера, было письмо К.Г. Маннергейма от 13 октября 1905 г. с предложением к военному руководству организовать экспедицию в Южную Монголию¹³. К.Г. Маннергейм был участником русско-японской войны и на деле убедился, насколько неполными были сведения русской армии о дальневосточном театре военных действий. Особенно на фоне прекрасной информированности японского командования о деталях географических условий региона, истории и культуре местного населения. Это настолько убедило К.Г. Маннергейма в необходимости сбора подобных данных, что свое письмо в Генеральный штаб он отправил прямо из Манчжурии, не дожидаясь возвращения в Петербург¹⁴. К тому же К.Г. Маннергейм, прежде чем поступить в Николаевское кавалерийское училище, слушал лекции на отделении истории и языковедения философского факультета Александровского университета (1887 г.)¹⁵.

Начальником Генерального штаба и «был запрошен полковник 52-го драгунского Нежинского полка барон Маннергейм о том, желает ли он предпринять путешествие по Китаю в составе экспедиции г. Пеллио на вышеприведенных условиях. На предложение это полковник барон Маннергейм дал мне свое согласие». Начальник российского

Генерального штаба объяснял свой выбор тем, что «полковник Маннергейм хорошо знаком с Китаем и лично известен г-ну Пеллио, владеет несколькими иностранными языками, вполне соответствует требованиям, кои могут быть предъявлены к нему в настоящем случае»¹⁶.

В процессе переговоров с представителями Военного министерства П. Пеллио выдвинул условие – получить согласие французского Министерства иностранных дел на негласное включение в состав экспедиции русского офицера.

Это требование не было серьезной проблемой. Всего двумя годами ранее, в начале 1904 г., был заключен русско-французский военно-политический союз. Так как Франция была союзником России, то за Кэ д'Орсэ¹⁷ дело не стало. Тем более, что между французским внешнеполитическим ведомством и руководством российского Генерального штаба, который был последовательным сторонником франко-русского сближения, были хорошие отношения¹⁸. Уже 20 марта 1906 г. российский посланник в Париже А.И. Нелидов сообщил в Санкт-Петербург: «Министерство иностранных дел готово согласиться на причисление барона Маннергейма к экспедиции Пельо, но желательно, чтобы последний сам ходатайствовал об этом, назвав Маннергейма просто ученым этнографом». Французский МИД мотивировал это условие удобством своих сношений с другими ведомствами, в том числе с представительствами в Пекине и китайскими властями¹⁹.

Судя по всему, господин П. Пеллио был весьма практичным человеком и за свое сотрудничество выторговал целый набор льгот и вспомоществований. Для начала он потребовал снабдить его военным конвоем. Ему это было обещано, но при условии, что он будет командовать казаками только через включенного в состав экспедиции русского офицера²⁰. Кроме того, П. Пеллио потребовал беспрошленного провоза всего багажа экспедиции, на что было получено согласие Министерства финансов²¹. Он также настаивал на предоставлении бесплатного

проезда 1-м классом всем членам экспедиции по территории России. Этот вопрос согласовывался с министром путей сообщения К.С. Немешаевым, который, в свою очередь, вынужден был обратиться к императору. О результатах встречи с монархом министр сообщил В.Н. Ламздорфу, что государь «по всеподданнейшему докладу моему (К.С. Немешаева. – А.С.), в 17 день марта сего года, всемилостивейше соизволил [согласиться] на выдачу бесплатных билетов для проезда членов французской экспедиции <...> а также на бесплатный провоз их вещей весом не более 2.500 кг от Либавы до Андижана»²². Судя по дате императорского соизволения, решения о льготах для экспедиции П. Пеллио принимались еще до официального согласия французского МИДа. В положительной реакции союзника российское руководство было уверено. П. Пеллио также добился от Военного министерства «разрешения на покупку в Ташкентском интендантском складе небольшого количества ружей системы Бердана с патронами к ним, равно как и необходимых для лагерной жизни вещей»²³.

Все эти требования П. Пеллио предъявлял российской стороне через французского посла в Петербурге. Но один вопрос он постарался решить лично. Как писал в секретном донесении военному министру начальник Генерального штаба, «г-н Пеллио просил лично, в целях лучшего снаряжения его экспедиции и для оказания большего содействия русскому офицеру, выдать ему в пособие десять тысяч франков»²⁴, взамен чего он обязуется предоставить нам, по возвращении из путешествия, результаты его наблюдений и работы его экспедиции, которые могут нас интересовать»²⁵. Нетрудно догадаться, за результаты каких «наблюдений» г. Пеллио предлагал платить непосредственно ему и конфиденциально.

Все требования П. Пеллио, как официальные, так и личные, были удовлетворены. Он получил не только 10000 франков «для оказания большего содействия русскому офицеру», но и 10000 франков «на обзаведение необходимыми вещами и другими пред-

метами снаряжения»²⁶. Примечательно, что вся переписка, касающаяся решения финансовых проблем и запросов г. Пеллио, не выходила за пределы военного ведомства. В письмах, направленных в МИД, вопросы финансирования не затрагивались.

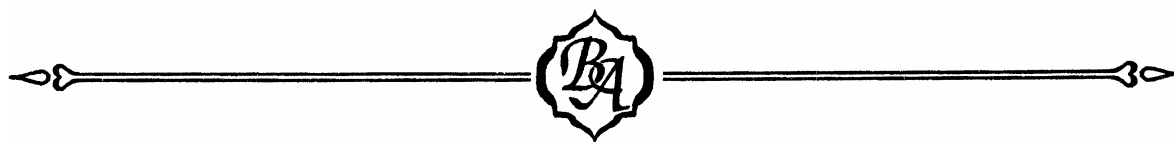
Командировка К.Г. Маннергейма и оплата услуг П. Пеллио вылились российскому Военному министерству в значительную сумму. Помимо уже упомянутых 20000 франков для г. Пеллио, барону Маннергейму выделялось в качестве «добавочного содержания» по 15000 франков в год. За два года это составило 30000 франков, или 11250 рублей. К слову сказать, весь годовой бюджет Русского археологического института в Константинополе составлял всего 12000 рублей²⁷. К тому же барону сохранялось получаемое им обычное содержание, которое было предписано выдать ему вперед за два года, а также «положенное по закону путевое денежное довольствие от Петербурга до Пекина и обратно»²⁸. Российское Военное министерство щедро спонсировало «археологические» исследования французского ученого и российского полковника.

Пока шла вся эта переписка, К.Г. Маннергейм готовился к поездке и старался придать ей вид действительно археологической миссии. И относился к этому весьма ответственно. Он так описывал свои действия: «С целью придать своему путешествию более научный характер я согласился снимать для “Финно-угорского общества” в Гельсингфорсе фотографии, а в некоторых случаях оттиски с памятников с тюркскими надписями. При сем прилагаю рекомендательные письма, полученные мною от означенного общества, на случай, если они могут оказать пользу для получения разрешений от китайского посланника»²⁹. Кроме того, Совет коллекций Антелля³⁰ поручил ему сбор этнографического материала. К.Г. Маннергейм за три месяца подготовки к экспедиции успел пройти курсы фотографии, ознакомиться с археологией и ее методами, а также с антропометрией. Он консультировался с учеными в Швеции, Финляндии и Петербурге.

В свою очередь Генеральный штаб и Министерство иностранных дел приложили все усилия, чтобы предоставить К.Г. Маннергейму персонального «вполне надежного переводчика, владеющего китайским и по возможности монгольским языком»³¹. В российское представительство в Пекине и российские консульства в Западном Китае были разосланы бумаги с требованием обеспечить К.Г. Маннергейму всяческую помощь в выполнении возложенной на него миссии.

После согласования всех вопросов на поездку К.Г. Маннергейма в июне 1906 г. было получено согласие Николая II. В секретном письме начальник Генштаба сообщил об этом А.П. Извольскому, сменившему В.Н. Ламздорфа на посту министра иностранных дел: «В 13-й день сего июня состоялось высочайшее соизволение на негласное командирование 52 драгунского Нежинского полка полковника барона Маннергейма в Китай для участия в французской экспедиции г. Пеллио, под видом финляндского ученого, барона Маннергейма»³².

Полученные в процессе подготовки исследовательские навыки оказались весьма полезны К.Г. Маннергейму в его поездках. В ряде областей он проводил антропометрические исследования местного населения. Археологические знания помогли ему в Кашгаре, Хотане, Яркенде и на иных археологических памятниках, где он собирал коллекции, производил раскопки, описывал курганы, фотографировал руины городов, петроглифы, антропоморфные каменные фигуры, монументы, древние надписи и фрески³³. К.Г. Маннергейм достаточно подробно документировал археологические работы, фиксируя даже стратиграфию: «Находки находились на глубине 2–2½ сажень (14–17½ фута) от поверхности. На участке, который я смог осмотреть, присутствовал слой темного цвета, похожий на лёсс, отличный от других слоев. На довольно большой площади, где были произведены исследования, под слоем гумуса находился неровный слой, различный по мощности, без каких-либо различий. То обстоятельство, что не

были открыты остатки строений, без сомнения объясняется использованием необожженного кирпича, применяемого для строительства в этом районе»³⁴. Собранные К.Г. Маннергеймом коллекции были столь многочисленны, что он неоднократно ящиками отправлял находки в Россию.

Хотя предполагалось, что барон К.Г. Маннергейм будет действовать в составе экспедиции П. Пеллио, этого не произошло. Французский ученый и бывший кавалергард не смогли найти общего языка. П. Пеллио изначально требовал полного «подчинения сего офицера... во всем, что касается маршрута экспедиции и управления ею»³⁵, с чем амбициозный полковник никак не мог смириться. Трения начались, когда экспедиция была еще на российской территории. Насколько тесно они взаимодействовали на первом этапе путешествия, неясно. Но в Кашгаре, который путешественники покинули в последние дни сентября 1906 г., П. Пеллио и К.Г. Маннергейм расстались окончательно и далее действовали полностью самостоятельно³⁶. Генеральный штаб, стремясь, по всей видимости, максимально замаскировать присутствие российского офицера на землях Китайского Туркестана, всячески пытался принудить К.Г. Маннергейма к совместному с П. Пеллио путешествию. Начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын в зашифрованной телеграмме от 13 февраля 1907 г. предписывал К.Г. Маннергейму: «Восстановите отношения с Пеллио, просил бы Вас закончить экспедицию совместно»³⁷. Но все было тщетно, путешественники действовали порознь.

Генеральный штаб внимательно следил за работой экспедиции П. Пеллио и действиями К.Г. Маннергейма. Задержки в получении информации об экспедиции воспринимались в военном ведомстве с большой тревогой. В январе 1908 г. 1-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба М.В. Алексеев писал в МИД товарищу министра А.А. Нартову: «13 июля 1906 г. последовало высочайшее его императорского величества соизволение на присоединение к отправляющейся в Китай на-

учной экспедиции г-на Поля Пеллио полковника 52 драгунского Нежинского полка барона Маннергейма. Экспедиция эта выступила из Ташкента в июле 1906 г. в Кашгар, где вскоре разделилась: г. Пеллио направился через Курлю на Тарим и Лоб-нор, полковник же Маннергейм избрал маршрут на Хотан, Яркенд, Марал баши, Аксу, Кульджу, Урумчи, Турфан, Хами и Ланьчжоу-фу. Последнее его донесение из Турфана получено 12 сентября 1907 г., после чего иных известий от него в Главное Управление Генерального Штаба не поступало». В связи с этим Главное управление просило сообщить об имеющихся в МИДе сведениях о К.Г. Маннергейме³⁸.

Вести от К.Г. Маннергейма поступили только в июле 1908 г. Секретной телеграммой из дипломатического представительства в Пекине пришло его донесение: «Прошу передать генералу Палицыну: Доношу: прошел путь по назначенному маршруту, захватив часть Уэ-нани и Кай-фынь, кроме провинции Синьзян, Гань-су, Нэнь-си и Шань-си. Работы выполнены согласно инструкции. Пеллио письмом назначил прибыть через Лань-чжоу – Си-ань-фу не позже мая. Знаю телеграфной справкою, что [в] Лань-чжоу сейчас ничего не известно об его экспедиции. Не имею возможности узнать, изменил ли он свой маршрут. Иду Гуй-хуачэн, Кал-ган, Пекин, куда предполагаю прибыть [в] начале июля. [В] случае [если] не получу дополнительных инструкций, буду считать возложенное на меня поручение выполненным. Прошу разрешения ходатайствовать о производстве сопровождавшего меня, заболевшего и отправленного [к] Вам назад казака второго Оренбургского казачьего полка Лушканина за примерную службу во время продолжительного путешествия старшим урядником. Маннергейм»³⁹.

Путешествие К.Г. Маннергейма продолжалось около двух лет. За это время полковник преодолел верхом 14 тысяч километров, посетил десятки городов, удостоился приема у Далай-ламы. Им составлены планы 17 городов и карты дорог протяженностью 3500 верст.

14 июля 1908 г. в своем ночном бюллетене Санкт-Петербургское телеграфное агентство информировало: «Пекин, 14 июля (СПА) – Сюда прибыл русский путешественник барон Маннергейм после двухлетнего путешествия по западному Китаю». Но из Пекина К.Г. Маннергейм выехал только в конце августа, о чем сообщило российское посольство в Пекине: «Командированный [по] высочайшему повелению [в] Китай полковник Маннергейм возвращается [в] Петербург, везя с собой 5 мест коллекций, 3 ружья»⁴⁰. Удивительно, но, вопреки ранее проявленному стремлению скрыть истинный характер путешествия барона, его чин и положение, в этой телеграмме, посланной обычным путем и открытым текстом, без обиняков говорится о воинском звании путешественника (полковник) и его официальном статусе (высочайшее повеление). Как ни парадоксально, но именно дипломатическими сотрудниками раскрывается истинная роль К.Г. Маннергейма. Тем не менее Министерство иностранных дел секретной телеграммой № 1206 от 26 августа 1908 г. просило чиновников в Манчжурии и Иркутске, для сохранения инкогнито полковника, пропустить багаж К.Г. Маннергейма без досмотра⁴¹.

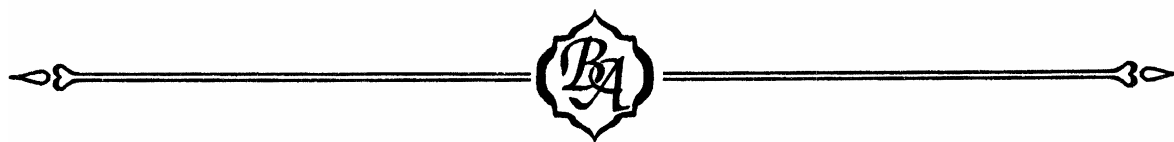
В путешествии К.Г. Маннергейма подстерегало много опасностей. Во время пребывания в окрестностях Яркенда полковник и его спутники болели, и, по-видимому, весьма тяжело. Маннергейм жестоко простудился. Возможно, у него было воспаление легких. Медицинскую помощь путешественникам оказал шведский миссионер, доктор Густав Ракет⁴², проживавший в Яркенде.

К.Г. Маннергейм познакомился с Ракетом в самом начале своей поездки, когда он помогал путешественнику перевести на английский «турецкую грамматику». К.Г. Маннергейм поддерживал отношения с Г.Р. Ракетом в продолжение всей экспедиции, переписывался и обменивался подарками⁴³. Видимо, по инициативе барона доктор был награжден ценным подарком от имени российского императора.

В октябре 1908 г. Министерство императорского двора препроводило в 1-й департамент Министерства иностранных дел «высочайший подарок – золотой портсигар с изображением государственного герба, украшенный бриллиантом, всемиростивейше пожалованный проживающему в г. Яркенде протестантскому миссионеру в Китае шведскому подданному доктору г. Ракету, за медицинскую помощь и содействие, оказанное барону Маннергейму и сопровождавшим его лицам во время пребывания в Китае, в негласной командировке по высочайшему повелению, покорнейше прося препроводить таковой императорскому российскому консулу в Кашгаре для доставления по принадлежности доктору Ракету»⁴⁴. Не ожидавший столь высокой благодарности доктор ответил восторженным письмом, адресованным консулу в Кашгаре: «Милостивый государь. Имею честь благодарить Вас за прекрасный дар – золотой портсигар с бриллиантом – который Вы вручили мне от имени его императорского величества русского царя. Я поистине горжусь, будучи столь почтен за незначительные услуги, кое я мог оказать одному из подданных его величества»⁴⁵.

Военно-политическим результатом двухлетнего путешествия Маннергейма был «Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин в 1906 – 1908 г. полковника барона Маннергейма», помеченный грифом «Не подлежит оглашению»⁴⁶. Пятнадцать экземпляров этого отчета в сопровождении секретного письма были направлены Генштабом в Министерство иностранных дел, которое переправило часть этих отчетов в российские консульства в Китае⁴⁷. Основное содержание отчета состояло в тщательно разработанном стратегическом плане захвата двух северных провинций Китая в случае войны.

Результаты «военно-научного» путешествия Маннергейма были оценены. Он удостоился приема у императора, а затем получил в командование Владимирский улан-

ский полк имени Великого князя Николая Николаевича, расквартированный в Польше, служба в котором, а тем более командование, считались очень престижными. Через два года он стал командиром Его императорского величества лейб-гвардии уланского полка, располагавшегося в Варшаве.

Научные результаты экспедиции долгое время не публиковались. Первоначально свет увидела только краткая информация в «Трудах Финно-угорского общества в Гельсингфорсе»⁴⁸. Первая мировая война, события 1917–1919 гг. в Финляндии, процесс становления нового государства, развитие его политико-дипломатических связей, к которым имел непосредственное отношение К.Г. Маннергейм, и, наконец, Зимняя война с СССР 1939–1940 гг., которую вынес на своих плечах маршал, – все это отвлекало бывшего путешественника от научных штудий. К тому же значительная часть коллекций, вывезенных К.Г. Маннергеймом из Азии, хранилась в Варшаве, и получить их в смутные времена Великой войны и революций было весьма затруднительно. Но в 1940 г., когда Маннергейм был назван «спасителем Суоми», в Стокгольме был прекрасно издан двухтомный труд «*Resa Genom Asien*»⁴⁹ – в голубой обложке с золотым тиснением, золотым обрезом и родовым гербом на обложке.

В этом объемном труде (около 1000 стр.) значительную часть занимает описание древностей – петроглифов, каменных курганов, каменных баб, различных развалин и руин, древних пещерных городов и многих иных свидетельств прошлого. Имеются даже узко специфические археологические данные – фотофиксация расчистки древних сосудов. Двухтомник снабжен большим количеством иллюстраций – фотографий, планов и чертежей, составленных умелой рукой профессионального военного⁵⁰.

Особое значение опубликованным материалам придает то обстоятельство, что путь экспедиции пролегал через чрезвычайно интересные в археологическом отношении местности – в первую очередь Турфанскую котловину. Археологические открытия, сде-

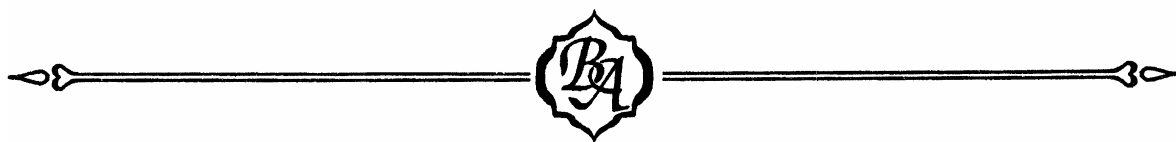
ланные в Турфане и Куче в конце XIX в., получили мировую известность. Они вызвали к жизни совершенно новое научное объединение – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Он был создан в 1903 г. в Петербурге при Министерстве иностранных дел. Как мы помним, именно председатель этого комитета академик В.В. Радлов информировал Генштаб об экспедиции П. Пеллио. А экспедиция К.Г. Маннергейма спустя всего несколько лет после эпохальных открытий в Турфане детально обследовала, в том числе, и этот район.

Коллекции финских музеев значительно увеличились в результате путешествия барона. В собрании Национального музея Финляндии числится около 1200 экспонатов, добытых путешественником. Им сделаны антропометрические замеры 165 человек восьми народностей. К.Г. Маннергейм выполнил 1350 фотоснимков. Научные результаты его путешествия сразу привлекли внимание ученых. Недаром археологические материалы экспедиции обрабатывал профессор А.М. Тальгрэн, манускрипты – профессор Й.Г. Рамстед. Коллекциями К.Г. Маннергейма занимались и другие известные ученые. В наши дни, в 1999 г., в Хельсинки была организована выставка, целиком посвященная его коллекциям.

«Археологическое прикрытие» разведывательной деятельности К.Г. Маннергейма не было фикцией, и обязанности, которые взял на себя барон перед Финно-угорским обществом в Гельсингфорсе, были выполнены им вполне ответственно. Не только археология оказывала помощь военной разведке, но и военное ведомство способствовало получению учеными новых материалов о древней истории этого интересного региона.

Примечания

¹ Дмитриев С.В. Поль Пеллио (1878–1945). От истории к легенде // Восток. Афро-Азиатские

общества: история и современность. М., 2009; Маннергейм К.Г. Воспоминания. Минск, 2004; Л.В. Власов. Маннергейм. М., 2005; Шкваров А.Г. Генерал-лейтенант Маннергейм. СПб., 2005; Photographs by C.G. Mannerheim from his Journey across Asia 1906–1908. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1990.

² Ольденбург С., Крачковский И., Успенский Ф. Записка об ученых трудах Поля Пеллио // Известия Российской академии наук. 1922. Сер. 6. Т. 16. С. 56.

³ Цит. по: Циперович И.Э. Академики-востоковеды Эдуард Шаванн (1865–1918) и Поль Пеллио (1878–1945) // Петербургское востоковедение. 1997. Вып. 9. С. 461.

⁴ Речь идет о Петре Кузьмиче Козлове (1863–1935), генерал-майоре (1916), путешественнике, академике АН УССР (1928), почетном члене РГО, участнике экспедиций Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского. В 1923–1926 гг. П.К. Козлов участвовал в экспедиции по Монголии, вел раскопки Хара-Хото и Ноин-Улинских курганов. См.: Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиогр. слов. / Авт.-сост. М.К. Басханов. М., 2005. С. 114–116.

⁵ Богаевский Б.Л. «Воинствующая история» во Франции // Проблемы истории материальной культуры. № 1–2. 1933. С. 34.

⁶ Напр., Киселев С.В. и Мерперт Н.Я. Из истории Кара-Корума // Древние монгольские города. М., 1965. С. 130–131, 132.

⁷ Юнтунен А., Шкваров А.Г. Экспедиция К.Г. Маннергейма в Китайский Туркестан (1906–1908 гг.) и российская геостратегия на Востоке // Известия Русского географического общества. 2008. Т. 140. Вып. 6. С. 51–56.

⁸ В.В. Радлов имел в виду Французский комитет в составе Международного союза по изучению Средней и Восточной Азии, созданный по решению XII съезда ориенталистов (Рим, 1899 г.). Штаб-квартира этого союза, учрежденная в 1903 г., находилась в Санкт-Петербурге и носила название «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Академик В.В. Радлов являлся председателем Русского комитета, генерал-майор Ф.Н. Васильев – его членом.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400, оп. 1, 1905 г., д. 3408, л. 5.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 3–4.

¹¹ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 5 об.

¹² АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 16.

¹³ Там же, л. 4.

¹⁴ К.Г. Маннергейм был не единственным русским офицером, обратившим на это внимание. В конце октября 1905 г. военный комиссар Мукденской провинции полковник М.Ф. Квещинский писал «Генерал-Квартирмейстеру при Главнокомандующем всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии», что противник своими военными успехами во многом обязан прекрасно налаженному сбору сведений о всех сторонах российской жизни, а не только военной. По мнению автора, России следовало начать всестороннее изучение стран Дальнего Востока – Китая, Японии, Кореи в географическом, этнографическом, военном и прочих аспектах. «Признав необходимость изучения Дальнего Востока... до сих пор правительством не было принято достаточно мер для устранения печальных недочетов в наших познаниях Дальнего Востока» (РГВИА. Ф. 400, оп. 1, 1905 г., д. 3384, л. 21–23).

¹⁵ Университет в Гельсингфорсе, основанный в 1828 г. по приказу Николая I, название «Александровский» получил в честь Александра I. В настоящее время университет Хельсинки.

¹⁶ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 7.

¹⁷ Улица в Париже, где помещалось французское Министерство иностранных дел.

¹⁸ История внешней политики России. В 5-ти томах. М., 1997. Т. II: Вторая половина XIX века. С. 294.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 21.

²⁰ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 6.

²¹ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 23.

²² Там же, л. 27.

²³ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 6.

²⁴ В то время 10000 франков соответствовали 3750 российским рублям.

²⁵ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 6 об.

²⁶ Там же, л. 6 об – 7.

²⁷ Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. СПб, 1999. С. 27.

²⁸ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 7.

²⁹ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 41–42.

³⁰ Антелль Герман Фритъоф (Antell Herman Fritjof) (1847–1893) – финский врач, коллекционер, благотворитель. Завещал свое значительное состояние, художественные, этнографические и археологические коллекции в дар финскому народу с целью создания Национального музея. За исполнением его воли следил специально соз-

данный совет. См.: Шлыгина Н.В. История финской этнологии. М., 1995. С. 41–42.

³¹ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 41, 46.

³² РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 51.

³³ *Mannerheim C.G. Across Asia from West to East in 1906–1908*. Keuruu, 2008. P. 158, 181–183, 249, 271, 296, 300–301, 342, 377, 379, 406, 424, 544, 596, 720–722.

³⁴ Ibid. P. 104.

³⁵ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 3413, л. 5 об – 6.

³⁶ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 61.

³⁷ Там же, л. 60.

³⁸ Там же, л. 61.

³⁹ Там же, л. 64.

⁴⁰ Там же, л. 67.

⁴¹ Там же, л. 69.

⁴² Ракет Густав Ричард (Raquette Gustaf Richard) (1871–1945) – врач, тюрколог. Образование получил в миссионерской школе в Стокгольме, в Стокгольме же изучал языки, медицину – в Каролинском институте. Как протестантский миссионер работал в Баку и Бухаре (1895–1896), Кашгаре (1896–1901), Яркенде (1904–1911), затем опять в Кашгаре (1913–1921), потом через Тибет и Индию вернулся в Швецию, где начал преподавать в университете Лунда. Один из наиболее известных ориенталистов своего времени, автор многих научных работ и словарей. См.: *Hultvall J. Mission and Revolution in Central Asia: The MCCS Mission Work in Eastern Turkestan 1892–1938*. Stockholm, 1981. Part III. P. 1–3, 5–8, 10–12, 14–17, 19–20 и др.

⁴³ *Mannerheim C.G.* Op. cit. P. 76, 124, 128.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 71.

⁴⁵ Там же, л. 73, 75.

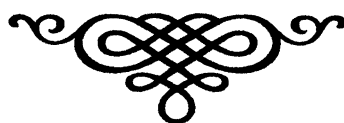
⁴⁶ Предварительный отчет о поездке, принятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин в 1906–1908 гг. полковника барона Маннергейма // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1909. Вып. LXXXI.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 148, оп. 487, д. 190, л. 77, 79.

⁴⁸ I Finsk-Ugriska sällskapetets annaler band XXVII har han publicerat «A visit to the Sarö and Shera Yögurs» vari han meddelar utdrag ur sin dagbok från vintern i Sarö och Shera Yögurs, ord-förteckning och antropologiska matningsresultat. (Цит. по: *Ignatius H. Carl Gustaf Mannerheim: Biografi-Tal-Telegram*. Helsingfors, 1918).

⁴⁹ *Mannerheim C.G. Resa Genom Asien. Fäit-marskalken Frihere C.G. Mannerheim daghöcker förda under hans resa Kaspiska Havet – Peking*. Stockholm, 1940.

⁵⁰ В 2008 г. в Финляндии на английском языке были переизданы дневники К.Г. Маннергейма, которые он вел во время путешествия, иллюстрированные только фотографиями экспедиции: *Mannerheim C.G. Across Asia from West to East in 1906–1908*.

Ю.Н. Тихонов

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1921 ГОДУ

Доклад полпреда Ф.Ф. Раскольников¹ в НКВД

Советско-афганские отношения длительное время были важнейшим фактором, определявшим не только стабильность ситуации в Центральной Азии, но и оказывавшим влияние на международные отношения в глобальном масштабе. Вследствие этого значение первого советско-афганского договора о дружбе в 1921 г. для развития как двухсторонних отношений, так и для укрепления суверенитета Афганистана трудно переоценить. Несомненно, данный договор был крупным поражением Великобритании в «Большой игре», в которую активно включилась Советская Россия. В связи с этим переписка советских полпредов с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным² является ценным источником информации о дипломатической борьбе за влияние на афганского эмира Аманулла-хана и «буднях» советских посланников в Кабуле.

Публикуемый ниже доклад полпреда Ф.Ф. Раскольников Г.В. Чичерину от 26 ноября 1921 г. ярко свидетельствует об улучшении советско-афганских отношений и воссоздает картину празднования Дня независимости Афганистана («тамаше»). Данный источник свидетельствует о том, что в центре советско-афганских отношений на тот момент все еще оставалась проблема антибританского сотрудничества (военные учения, вопрос о советских консульствах в Южном Афганистане, контакты с индийскими националистами в Кабуле). Отказавшись от создания «восточного фронта» мировой революции против Англии, большевики еще долгое время пытались поддержать мифическую, якобы назревавшую «революцию» в Индии.

Документ представлен в соответствии с правилами публикации архивных материалов: при сохранении стилистики в текст внесена в данном случае весьма незначительная орфографическая и синтаксическая правка согласно современной грамматике. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения и приводятся реконструированные слова.

Глубокоуважаемый
Георгий Васильевич,

Вы не должны удивляться тому, что в этом докладе, в нескольких местах, мне придется касаться таких фактов, которые могут Вам показаться мелочами. Но политика в Кабуле выражается настолько патриархально, общественная жизнь, вообще, так бедна, что даже ее малейшие проявления чрезвычайно ценны и симптоматичны.

Празднование независимости

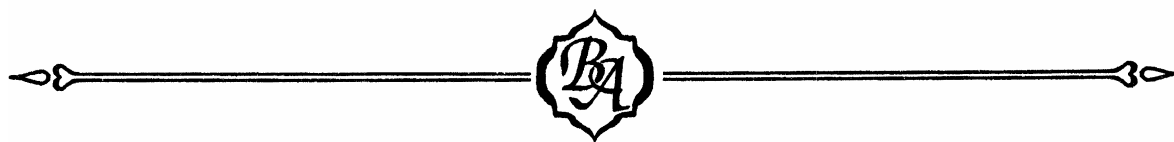
Праздник годовщины независимости Афганистана должен был состояться в авгу-

сте, но вследствие холеры он был отложен и пришелся на седьмое ноября, совпав, таким образом, с нашим праздником Октябрьской революции.

Целых четыре дня длились всевозможные развлечения, начиная от военных маневров и парадов и кончая комическими зрелищами вроде скачек слонов.

На празднествах присутствовали все послы, и мне впервые довелось познакомиться с Доббсом³.

Мы оба старались соблюсти правила официальной вежливости, но избегали разговоров, ограничиваясь самым необходимым, неизменно занимали места на разных сторонах эмирской трибуны.

Доббс был на празднествах в простом сером пиджаке, очевидно, для того, чтобы демонстративно подчеркнуть свое пренебрежение к афганскому празднику Независимости от Англии.

Между тем как наши сотрудники для придания торжественности были одеты во все черное.

На второй день праздника, когда эмир попрощался со мной, а затем с Доббсом, последний поспешно встал со своего места и вышел прежде эмира. Если на его костюм не было обращено внимание в силу того, что афганцы плохо разбираются в этикете, то прямая дерзость, шокирующая восточные нравы, конечно, бросилась в глаза и произвела неблагоприятное впечатление.

Центральным моментом празднеств были песни хора пограничного племени...⁴ Этот номер был организован по инициативе эмира. Певцов специально для этой цели привез из Хоста брат военного министра Надир-хана⁵. Таким образом, здесь была сознательно задуманная политическая демонстрация.

Все песни независимых пограничников от начала до конца были проникнуты резкой независимостью⁶ к Англии и англичанам. Понятные причины помешали мне сообщить в открытом радио их содержание во всей красочной полноте. Они в присутствии всего кабульского населения воспевали победу над англичанами при Хосте и предрекали их поражение в будущем: «Англичане уничтожают наши жилища, у них много золота, и они щедро его рассыпают, но, тем не менее, им не удастся нас победить. Подобно тому, как корова слизывает траву, так мы сотрем англичан с лица земли. Какая радость, что среди немусульман нашлись большевики, которые идут заодно с исламом. Англичане хотят натравить мусульман на индусов, но эмир это понял и поэтому идет против англичан».

Все эти куплеты прерывались неистовыми аплодисментами. Эмир ликовал едва ли не больше всех. Многочисленная толпа насмешливо посматривала на Доббса. Последний пробовал сделать вид, что песни к нему не относятся, и даже слегка поаплодиро-

вовал, но затем с перекошенным лицом, однако сохраняя большую выдержку, оставался на своем месте до конца зрелища.

По окончании торжества, когда я с сотрудниками представительства возвращался домой, пограничные племена устроили нам овацию и с приветственными возгласами бежали за нашим автомобилем.

Маневры впервые в истории Афганистана были организованы в европейском масштабе. Выводы военного значения даются в приложении⁷. Здесь мне хотелось бы остановиться только на их политической стороне. Совершенно очевидно, что маневры должны были демонстрировать обороноспособность Кабула против армий, действующих со стороны Индии. Красные, обороняющие Кабул, переходя в наступление, опрокидывают белых, наступающих от индийской границы, и оттесняют их. Очевидно, не желая наслаждаться таким зрелищем, Доббс на маневрах не присутствовал.

Нужно сказать, что чрезвычайно кстати, как раз в первый день праздников, прибыл кинооператор Налетный⁸. Преодолев враждебную афганскую подозрительность, на этот раз эмир разрешил снимать все, что угодно. Широко воспользовавшись этим, Налетный к зависти англичан сделал целый ряд интересных снимков, в том числе маневры и парад афганской армии, а также песни и пляски воинственных пограничных племен.

Впервые Афганистан был использован для кинематографических съемок.

На празднества были приглашены жены сотрудников и сотрудницы представительства; для Афганистана это большой шаг вперед: достаточно сказать, что эмир был впервые в обществе европейских женщин. К неудовольствию англичан он был чрезвычайно приветлив с нами, в частности, с Ларисой Михайловной⁹.

Во время скачек эмир предложил мне пари. Отказаться было неудобно. Когда он вторично обратился ко мне, то я ответил, что теперь очередь сэра Генри. На это эмир громко ответил: «Я не хочу с ним играть!» А когда Доббс по своей инициативе предложил ему пари, то эмир сказал: «У нас с Вами

пари окончены». Доббс, увидев в этом намек на англо-афганские переговоры, обиделся.

Между прочим, следует указать, что на «тамаше» в качестве гостя присутствовал также бывший бухарский эмир¹⁰. Афганский эмир и его сановники держались с ним демонстративно холодно, и, несмотря на его заискивания, все сторонились его, как зачумленного, и никто с ним не разговаривал.

Вручение верительных грамот

Вручение верительных грамот имело место 17 ноября в интимной обстановке, наедине с эмиром. Последний был подчеркнuto любезен и, принимая верительные грамоты, произнес краткую речь на тему о необходимости еще большего упрочения союза и дружбы между обоими государствами. В заключение он сообщил, что, не имея права распоряжаться казной государства, он из своих личных средств в знак дружеских чувств к Советской России жертвует в пользу голодающих 3000 карваров, т.е. 96 000 пудов зерна, и добавил, что если выпадут осадки и улучшатся виды на будущий урожай, то он пожертвует еще такое же количество.

Обещанное пожертвование по афганскому масштабу представляет чрезвычайно крупный подарок.

Несомненно, это не является простым актом филантропии, а отмечает определенный поворот руля на некоторый, может быть, небольшой угол в сторону Советской России.

Эмир сам не скрывает политического смысла этого акта. Он прямо сказал, что хочет пустить пыль в глаза англичанам, показать им истинную глубину русско-афганской дружбы.

Далее он намекнул на предстоящий отъезд сэра Доббса.

Когда я осторожно позондировал почву относительно английского оружия, то эмир признался, что всеми силами старается получить оружие, но англичане пока не дают. [Он сказал:] «Если бы мне удалось вырвать

у них оружие, то оно все пошло бы в Вазиристан»¹¹.

Разумеется, эти слова нельзя принимать за чистую монету, но они симптоматичны.

Консульства на инд[ийской] границе

В связи с этим снова усилился интерес афганцев к нашему договору, в частности, к параграфу о консульствах на инд[ийской] границе.

Эмир запросил меня об ответе российского правительства. Опираясь на Вашу шифровку от 5.09¹², согласно которой Вы считали возможным при известных условиях отказаться от немедленного отклонения консульств в Кандагаре и Газни, я довел об этом до сведения эмира. Сочтя момент неблагоприятным для обсуждения вопроса об афганских консульствах на русской территории, я обошел его молчанием. Само собой разумеется, что, когда афганцы поставят вопрос практически, мы не дадим им открыть консульства в большем числе, чем это предусмотрено Вашей шифровкой.

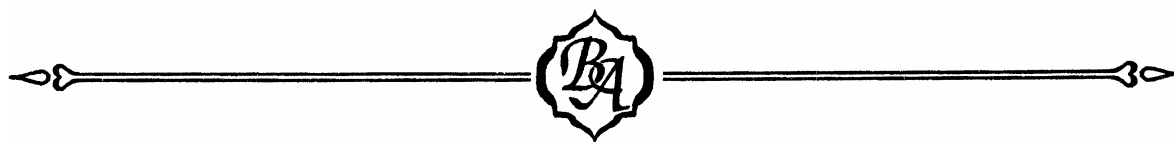
Некоторые разногласия возникли по поводу слов «в настоящий момент», которые были включены в мою первоначальную редакцию.

Эмир сильно упрашивал меня отказаться от этих слов, принимая их по существу, но ссылаясь на то, что они произведут неблагоприятное впечатление на меджлис¹³.

Ввиду того, что при таком деликатном положении, как сейчас, нужна сугубая осторожность, чтобы напрасно не раздражить и не отталкивать от себя афганцев, я стал настаивать, чтобы точки над «и» были непременно поставлены, и нашел возможным указанные слова исключить.

Практически мы не отказываемся от этих консульств на вечные времена, а сохраняем за собой по договору формальное право в любой момент, когда мы сочтем это целесообразным, настаивать на открытии кандагарского и газнийских консульств.

Эмир конфиденциально дал мне обещание, согласившись подтвердить его письменно, о предоставлении нам при изменив-

шейся обстановке консульств не только в Кандагаре и Газни, даже в Хосте, Дакке и Джалалабаде.

При этом он много говорил о необходимости соединенными... усилиями вести в Индии революционную пропаганду, которая должна иметь, с одной стороны, коммунистический, а с другой стороны, панисламистский базис.

Наконец, он повторил мне то, что при недавних аудиенциях не раз говорил т. Сурицу¹⁴: если бы мы гарантировали ему получение из России всех нужных Афганистану товаров, то договор с Англией стал бы излишним.

На это я ему предложил заключить торговый договор, где мы можем гарантировать обеспечение по мере возможности снабжения Афганистана товарами на случай закрытия индийской границы.

Здесь он чрезвычайно оживился и просил меня как можно скорее представить проект торгового договора.

Мое положение несколько затрудняется тем обстоятельством, что мне еще не известно Ваше мнение относительно проекта, составленного товарищем Ивановым¹⁵.

Интерес к событиям в Восточной Бухаре

Получив сведения о восстаниях в Восточной Бухаре¹⁶, афганское правительство стало усиленно предлагать Юсуф-заде¹⁷ помощь для восстановления порядка и спокойствия.

Конечно, еще раз были повторены избитые доводы о присутствии в Бухаре Красной Армии и рекламировались мусульманские войска Афганистана, которые должны быть более близки и родственны исповедующей ислам Бухаре.

Юсуф-заде, которому его убожество на этот раз не помешало понять, что под флагом предложения дружеской помощи скрывается контрабанда военной оккупации, по его словам, категорически отказался от предлагаемых услуг и отпарировал упреки, обращенные в сторону русских войск в Бухаре ссылкой на наш военный союз.

Ввиду того болезненного интереса, который продолжают проявлять афганцы, не исключена возможность, что под самыми дружественными предложениями они могут сделать сумасбродную попытку навязать свою помощь бухарскому советскому правительству, поставив его перед совершившимся фактом появления афганских войск на территории Бухары.

Конечно, мало оснований, что без серьезного уклона в сторону определенного англофильства афганцы пожелают сейчас рисковать своими отношениями с Россией и Бухарой, однако, ввиду явных империалистических тенденций Афганистана и резких неожиданностей его колеблющейся политики, нужно все предусмотреть и ко всему подготовиться.

Кушкинский пограничный инцидент

Одна из шифровок товарищу Цукерману¹⁸ сообщила о крупном пограничном инциденте в ночь на 29 октября, когда обычный бандитский налет был поддержан афганскими солдатами, обеспечившими разбойничьей шайке благополучный побег.

Тотчас же получивши эти сведения, я отправил министру¹⁹ ноту протеста с категорическим требованием смещения и наказания виновных.

По-видимому, афганцы сами испугались происшествия на границе, так как в ответ мною тотчас было получено обещание провести расследование. Кроме того, в виде встречного иска они поспешили прислать мне 56 страниц неудобочитаемого текста о нападениях джемшидов²⁰ на афганскую территорию.

Эмир со своей стороны обещал мне, независимо от Министерства иностранных дел, произвести следствие.

Военный министр третьим лицом неофициально сообщил, что пограничный полковник Абду Рахим-хан²¹ будет уволен. Последний является ответственным за целый ряд пограничных недоразумений. Бывший гератский консул т. Саулов²² мне рассказывал, что, когда их агент получил дос-

туп к канцелярским книгам гератского генерал-губернатора, там была усмотрена графа «Доходы от продажи баранов, захваченных на русской территории».

Несомненно, что все эти грабежи происходят при содействии полковника Абду Рахим-хана и под прямым покровительством гератского генерал-губернатора.

Но также очевидно, что центральное правительство в этих деяниях не замешано и если сочувствует им, то лишь в тех случаях, когда они удачно сходят с рук.

Есть основания думать, что на этот раз чересчур зарвавшиеся официальные лица, склонные к легкой наживе, понесут заслуженное наказание. Конечно, если окажется справедливым, как указывает вридконсул [временно исполняющий делами консула] тов. Равич²³, что в возникновении столкновения замешаны наши кушкинские товарищи, то мое положение в этом вопросе станет крайне неловким.

Кстати, Георгий Васильевич, в Вашем письме от 27 июля Вы из моего гератского письма делаете заключение, что, по моему мнению, дело о джемшидах улажено путем создания смешанной комиссии.

Я не хотел быть так понят.

Я совсем не питал иллюзий, что стоит лишь образовать смешанную комиссию – и все набеги прекратятся. Я думаю, что совершенно прекратить их даже в лучшем случае не удастся. Смешанная комиссия выдвигалась мною... для выявления нашего миролюбия и для успокоения афганцев.

Взаимоотношения с афган[ским] правительством

Взаимоотношения с афган[ским] правительством не оставляют желать ничего лучшего. У эмира я бываю довольно часто, и наши беседы носят неизменно дружественный характер. Разумеется, влияние, приписываемое мне английскими газетами, сильно преувеличено. О социально-политическом положении Афганистана, об его внутренней политике нам говорить почти не приходится. Все наши беседы исчерпываются темами внеш-

ней политики. Здесь я не останавливаюсь ни перед чем для ослабления английского влияния и для усиления нашего. Достаточно того, что эмир всегда внимательно меня выслушивает и, во всяком случае, считается с моим мнением. Но и здесь никакого исключительного влияния, при котором я чувствовал бы себя хозяином положения, разумеется, нет. Афганистан еще не наслаждался завоеванной недавно независимостью и слишком упоен национальной гордостью, чтобы на теперешней стадии государственного бытия мог нести свою политику под диктовку иностранного представителя.

В этом отношении Афганистан совершенно не похож на Персию, которая в течение целого ряда лет уже привыкла к роли слепого орудия в руках той или иной иностранной державы.

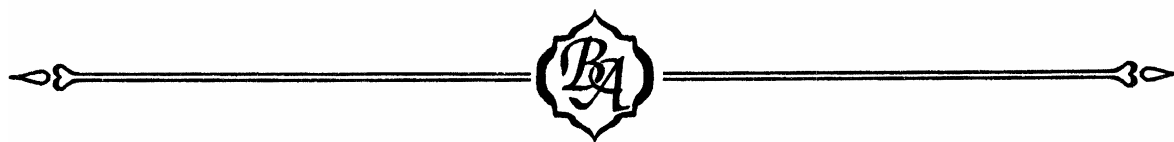
Отношения с министрами, не исключая даже Махмуда Тарзи²⁴, также отличные. Следы конфликтов... закрытия радиостанции, сейчас совершенно исчезли.

Особенно в последнее время тон официальной афганской переписки заметно изменился в сторону еще большей приторности обычных восточных любезностей. Даже сопроводительное письмо к 56 страницам уголовного материала пересыпано самыми дружественными слезами. Если взять пачку последних писем министра и сличить их с предыдущими, то, судя по радикальному изменению тона, со стороны можно подумать, что произошла смена кабинета и у власти стало более благожелательное нам Министерство.

Положение индийской колонии

Несмотря на кое-какие благоприятные симптомы, колония индийских революционеров в Кабуле по-прежнему мрачно оценивает положение.

Эта психология безнадежного скепсиса в значительной степени обусловлена непрочностью их положения, циркулирующими слухами, что после ратификации договора с Англией начнутся репрессии против индусов. Слово в подтверждение этих базар-

ных разговоров министр полиции, друг Джемала²⁵, повел кампанию против наших индийских товарищей. Это, по всей вероятности, происходит не без влияния Абдул Латифа²⁶, продажного индуса, служащего в афганской полиции и разводящего отчаянную склоку с остальными индусами.

Между прочим, этот Абдул Латиф числится официальным представителем абдуравовской «Революционной ассоциации»²⁷.

Необходимо как можно скорее лишить его представительских полномочий.

В связи с опасностью, угрожающей индийским товарищам в случае ратификации англо-афганского договора, сейчас по инициативе вновь создавшейся в Кабуле организации «Слуги Индии» среди них ведется кампания за эмиграцию в Персию.

Племенные представители, приезжающие за помощью к афганскому правительству, не встречая отклика, в отчаянии доходят до того, что даже распродают оружие.

На фоне этих явлений настроение индусов и пограничников удрученное.

В случае притеснений наиболее влиятельная группа во главе с Абайдулло²⁸ собирается эмигрировать в Россию.

Нам очень важно заблаговременно знать Ваше мнение относительно желательности приезда в Россию индусских товарищей, в случае если они станут обращаться к нам за визой.

Англо-индийская печать

В заключение хочу обратить Ваше внимание на резко изменившейся тон англо-индийской печати. Два-три месяца тому назад я был вынужден послать Вам шифровку с указанием на возмутительный тон ее нападок. В самом деле, тогда они не хотели мириться ни на чем, кроме свержения советской власти, и горячо восставали против оказания помощи голодающим.

В настоящий момент положение радикально изменилось. Статьи о свержении большевиков исчезли со столбцов всех газет словно по мановению волшебного жезла. Уже нет больше красноречивых тирад о

том, что большевики не люди, а существа, сделанные «из грязи» (подлинное выражение «Инглишмена»²⁹).

В настоящее время их общий тон сводится к тому, что Советская Россия, пораженная голодом, по-видимому, всерьез отказалась от агрессивности на Востоке, что она до полумиллиона сокращает Красную Армию, что она сейчас не имеет сил для возбуждения мировой революции.

Ввиду того что вся индийская печать, за исключением оппозиционной, инспирируется английской бюрократией, можно думать, что индийское правительство со слов Доббса, не имеющего против нас [компрометирующего] материала, очевидно, уверилось в нашей «лояльности» по отношению к британскому правлению в Индии.

Между тем как индийская работа, поскольку позволяют обстоятельства, нами ведется по своему масштабу, во всяком случае, не уступая тому, что делалось прежде, при товарище Сурице.

Очевидно, принятая нами конспиративность является удовлетворительной. Но если паче чаяния последует какой-нибудь провал, то, я полагаю, у Вас не должно быть иного выхода кроме моего немедленного отозвания.

Выводы

Афганская политика, в общем, чрезвычайно проста и шаблонна. Она постоянно колеблется между нами и англичанами. При этом мы явственно чувствуем на себе все ее перебои. Улучшение отношений с англичанами тотчас же дает себя знать либо задержкой ратификации договора, как в июне – июле, либо закрытием радиостанции в сентябре.

Параллельно этому, в случае улучшения отношений с нами, англичане тотчас ощущают рефлекс в виде подготовленного выступления на грандиозных празднествах хора пограничных племен с антибританскими песнями.

Итак, в последнее время целый ряд осязательных фактов, как «тамаша», крупное

пожертвование на голодающих, заискивающий тон афганской официальной переписки, демонстрирует нам улучшение ситуации в нашу пользу. Как далеко пойдет осложнение с англичанами и не последует ли вслед за этим новый резкий скачок афганской кривой в неблагоприятную сторону – сказать невозможно.

Вообще, полностью охватить и точно осознать всю глубину политического смысла этой перемены чрезвычайно трудно, ввиду сугубой конспиративности, которой окружен сейчас ход переговоров с англичанами. [...] Даже подавляющее большинство министров не посвящается в закулисные тайны переговоров. При полном отсутствии общественной жизни в Кабуле положение наших агентов, доставляющих нам информацию, является чрезвычайно затруднительным.

Поэтому выводы приходится делать из ограниченного комплекса официальных бесед и разговоров и частью строить их на догадках.

Конечно, такое положение только временное. Тот или иной исход не в меру затянувшихся переговоров с англичанами, как блеск молнии, сразу осветит все положение. До сих пор, давая известный простор интуиции, можно догадываться, что, по-видимому, отношения с англичанами сейчас испытывают какие-то затруднения.

Весьма важно, что ратификация подписанного Доббсом договора наткнулась на сопротивление в Лондоне³⁰. Кроме того, несомненное влияние оказали последние события в Индии, особенно принятие Конгрессом³¹ по предложению Ганди³² тактики пассивного сопротивления.

Неоспоримый рост революционного движения в Индии, усиливающийся вопреки правительственным репрессиям, заставляет Афганистан задумываться над прочностью английского владычества. Перед лицом назревающей индийской революции Афганистан боится оттолкнуть от себя Советскую Россию, чтобы, лишившись ее поддержки, не очутиться в будущем между двумя огнями, которые при их враждебном отношении

с Афганистаном могут испепелить эмират пламенем революции.

Поэтому афганское правительство стремится сейчас застраховать свой строй сближением с Советской Россией, которое должно усилиться параллельно дальнейшему развитию событий в Индии, беременной революцией.

В общем, несмотря на подозрительно-пристальное наблюдение афганского правительства за состоянием Восточной Бухары, несмотря на взгляды наших индийских товарищей, сейчас положение позволяет сделать более оптимистические выводы.

Лишенная постоянства, зигзагообразная политика Афганистана переживает крайне интересный момент. Много груза положено на ту или иную чашку колеблющихся весов.

Сейчас весы, хотя еще чрезвычайно слабо, но ощутительно, начинают перевешивать наши гири.

Остается внимательно наблюдать и изучать положение для того, чтобы интенсивно воздействовать на него.

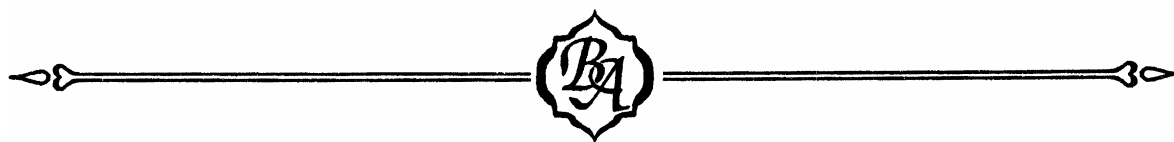
С коммунистическим приветом

Раскольников

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 154. Д. 98. Л. 42–49. Машинописная копия.

Примечания

¹ Раскольников (наст. фамилия Ильин) Федор Федорович (1892–1939) – советский военный и партийный деятель, дипломат. Член ВКП(б) с 1910 г. В 1917 г. – член Петроградского ВРК и комиссар при Морском генеральном штабе. В 1918 г. – зам. наркома по морским делам, член РВС Восточного флота и РВСР, командующий Волжской флотилией. В 1919–1920 гг. – командующий Волжско-Каспийской флотилией и Азербайджанским флотом. В 1920–1921 гг. – командующий Балтийским флотом. Советский полпред в Афганистане с 16.7.1921 по 6.2.1924. До 1928 г. – зав. Восточным отделом ИККИ (под псев. Петров). До 1930 г. – член коллегии Нар-

компроса РСФСР и начальник Главного управления по делам искусств. В 1930–1938 гг. – советский полпред в Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934), Болгарии (1934–1938). Невозвращенец. 1939 г. – убит (?) в Ницце.

² Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник 1-го конгресса Коминтерна. В 1922 г. возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. В 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. – на пенсии.

³ Доббс Генри Роберт Конвэй (1871–1934) – британский дипломат. 1920–1921 гг. – глава особой миссии для восстановления «добрососедских» отношений с Афганистаном после третьей англо-афганской войны 1919 г. Ему не удалось сорвать ратификацию советско-афганского договора 1921 г. и установить контроль над внешней политикой Афганистана. Но в ходе конференции в Муссури Англия смогла заставить Аманулла-хана признать «линию Дюранда» в качестве границы между Индией и Афганистаном, а также добиться от афганцев обещаний не допускать антибританскую деятельность в Афганистане. Итогом переговоров, которые вел Доббс, стало заключение англо-афганского договора 1921 г. До 1923 г. – секретарь (министр) иностранных дел в правительстве Британской Индии.

⁴ Название племени в тексте неразборчиво. Здесь и далее многоточием отмечены части текста, которые невозможно прочесть.

⁵ Надир-хан, Мухаммад (после коронации – Надир-шах) (1883–1933) – афганский военный и политический деятель. Внес решающий вклад в победу Афганистана в войне с Англией в 1919 г. В 1919–1924 гг. – военный министр, реформатор афганской армии. В 1924 г. отказался руководить подавлением мятежа пуштунских племен в Хосте. В 1924–1926 гг. – посол во Франции (фактически был в почетной ссылке). С 1926 г. был в отставке и проживал в Ницце. После бегства Амануллы из Кабула в 1929 г. вернулся в Афганистан, с помощью пуштунских племен захватил Кабул и в октябре того же года провозгласил себя королем. В 1933 г. был убит амануллистом.

⁶ Так в тексте.

⁷ Данный документ не публикуется.

⁸ Налетный Марк Васильевич (1894 – ?) – советский кино- и фотодокументалист, снявший в 1921 г. первый российский документальный фильм об Афганистане.

⁹ Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926) – участница Гражданской войны, писательница. Член РКП(б) с 1918 г. В 1917–1918 гг. – комиссар Генерального морского штаба. До 1920 г. – политработник Волжско-Каспийской военной флотилии. С 1918 г. по 1923 г. – гражданская жена Ф.Ф. Раскольниковы, с которым в 1921–1923 гг. находилась в Афганистане. Сестра И.М. Рейснера.

¹⁰ Речь идет о Сеид Алим-хане (1880–1944) – последнем эмире Бухары. Правил Бухарским эмиратом с 1910 г., унаследовав власть от своего отца. С сентября 1920 г. скрывался в Восточной Бухаре, пытаясь возглавить сопротивление частям Красной Армии. В 1921 г. эмигрировал в Афганистан, увезя с собой несколько сот каракулевых овец и увезя свою знамению коллекцию драгоценных камней. Афганское правительство предоставило ему статус гостя, поселило недалеко от Кабула и выделило небольшое денежное содержание.

¹¹ Вазиристан – район на индо-афганской границе, племена которого до 1925 г. оказывали вооруженное сопротивление британским войскам.

¹² Документ не публикуется.

¹³ Парламент Афганистана.

¹⁴ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923–1934 гг. – посол в Турции. В 1934–1937 гг. – посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с амануллистами. С 1937 г. советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

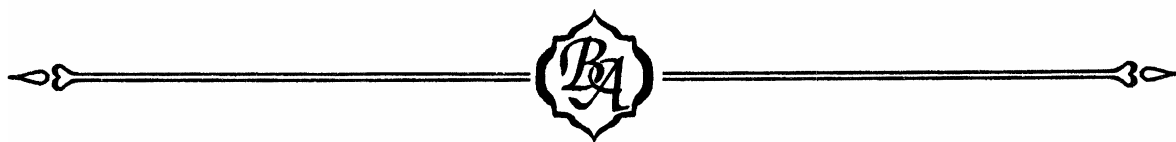
¹⁵ Вероятнее всего, речь идет о секретаре советского полпредства в Кабуле Г.А. Иванове.

¹⁶ Речь идет об авантюре младотурецкого деятеля Энвер-паши, возглавившего в 1921 г. басмаческое движение в Восточной Бухаре.

¹⁷ Юсуф-заде (? – ?) – полпред Бухарской Народной Советской Республики в Афганистане.

¹⁸ Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) – советский дипломат. В 1921–1922 гг. – зав. Отделом внешних сношений НКВД в Ташкенте. В 1922–1931 гг. – зав. Отделом Среднего Востока НКВД. До 1937 г. – зав. Первым Восточным отделом НКВД. Репрессирован.

¹⁹ Иностранных дел.

²⁰ Джемшиды – племя, проживавшее в северо-западных районах Афганистана. Из-за нежелания подчиняться эмирским властям часть джемшидов переселилась на советскую территорию в районе Кушки, откуда они неоднократно совершали набеги на афганскую территорию. «Джемшидский вопрос» в советско-афганских отношениях был полностью урегулирован в начале 1920-х годов.

²¹ Личность не установлена.

²² Саулов Саул Аронович (1896–1939) – советский дипломат и разведчик. В 1918 г., в период германской оккупации Украины, стал членом большевистского подполья. В 1919 г. вступил в РКП(б). В 1919 г. – уездный комиссар финансов в Лубнах, участник подавления мятежа атамана Григорьева, в период отступления Красной Армии из Украины был уполномоченным по эвакуации ценностей из Полтавской губернии. С сентября 1919 г. в Москве. В начале 1920 г. командирован на дипломатическую работу в Туркестан: сотрудник по особым поручениям (помощник военного атташе) в советском полпредстве в Бухаре. После взятия Бухары Красной Армией в 1920 г. – начальник политотдела Бухарской группы войск. В 1921 г. – советский консул в Герате (март–сентябрь), а затем секретарь представительства НКВД в Ташкенте. В 1922–1923 гг. – зам. уполномоченного НКВД в Кульдже. С 1923 г. – референт подотдела Среднего Востока НКВД. В 1925 г. окончил Восточный факультет Военной Академии им. М.Фрунзе. До 1927 г. – 2-й секретарь полпредства СССР в Турции. В марте 1927 г. переведен в распоряжение ИНО ОГПУ, оставаясь под дипломатическим прикрытием. С 1928 г. – вице-консул в Стамбуле. До 1938 г. работал в центральном аппарате ИНО НКВД (помощник начальника отделения, старший лейтенант госбезопасности). Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

²³ Равич Николай Александрович (1899–1976) – советский дипломат и деятель культуры, писатель. В 1919 г. – начальник Бюро печати правительства Украинской ССР. С 1920 г. – начальник Секретно-информационного отдела Западного фронта. С 1921 г. – генеральный консул в Герате. С 1926 г. – генеральный консул советского посольства в Турции. В 1928–1937 гг. – старший редактор Театральной секции Музтреста. В 1937 г. и 1948 г. подвергался арестам. До 1954 г. отбывал наказание в ГУЛАГе. Реабилитирован.

²⁴ Махмуд Тарзи (1866–1935) – афганский министр иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. Выступал против заключения советско-

афганского договора 1921 г., так как считал более выгодным для Афганистана сотрудничество с Великобританией. С 1922 г. – посол во Франции. Идеолог младоафганского движения. Тесть Амануиллы-хана. В 1929 г. – эмигрировал из Афганистана вместе с Амануиллой.

²⁵ Джемаль-паша Ахмед (1872–1922) – один из лидеров младотурок. В годы Первой мировой войны военно-морской министр и командующий 4-й турецкой армией в Сирии. Руководитель подавления арабского освободительного движения в Палестине, Ливане, Сирии. В 1915 г. был одним из организаторов геноцида армян в Османской империи. В 1918 г. бежал в Германию. В 1919 г. командованием английских оккупационных войск в Турции заочно приговорен к смертной казни. В том же году прибыл в Советскую Россию с целью организации военной акции против Британской Индии. В 1920–1921 гг. был главным советником в афганской армии. В 1922 г. убит дашнаками в Тифлисе.

²⁶ Абдул Латиф (? – ?) – индийский националист, представитель «Индийской революционной ассоциации» в Кабуле в 1921–1922 гг. С 1922 г. – секретарь гератского генерал-губернатора. Сотрудничал с советским полпредством в Кабуле.

²⁷ Речь идет об «Индийской революционной ассоциации», лидером которой был Абдул Раб Барк.

²⁸ Так в документе. Речь идет о Моулави Обейдулле (Маулана Убайдулла Синдхи) (1872–1944) – мусульманском теологе и деятеле национально-освободительного движения Британской Индии. С 1915 по 1922 г. в эмиграции в Афганистане. Военный министр «Временного правительства Индии» в Кабуле. До 1922 г. возглавлял кабульское представительство ИНК и тайно сотрудничал с советским посольством. Был близок к М. Надир-хану. В 1922 г. был вынужден уехать в СССР. Длительное время жил в Турции (1922–1926) и Хиджазе (1926–1939). В 1939 г. вернулся на родину.

²⁹ «Инглишмен» («Англичанин») – газета английской администрации в Британской Индии. Выходила на английском языке с 1830 г. в Калькутте.

³⁰ Речь идет об англо-афганском договоре 1921 г., который был подписан 22.11.1921. Согласно ему Англия признавала полную независимость Афганистана; предусматривался обмен дипломатическими представителями; граница между Афганистаном и Британской Индией оставалась по «линии Дюранда». Договор содержал также ряд важных для Афганистана положений: беспопынный провоз товаров через Индию в Афганистан и открытие афганских торго-

вых представительств в Пешаваре, Кветте и Парачинаре. Этот договор способствовал общей стабилизации англо-афганских отношений.

³¹ Индийский национальный конгресс (ИНК) – националистическая партия, созданная в 1885 г. ИНК был главной оппозиционной организацией индийской национальной буржуазии.

³² Ганди, Мохандас Карамчанд (Махатма) (1869–1948) – лидер ИНК и индийского национально-освободительного движения в 1917–1948 гг.

А.В. Антошин

КАК СССР ПЫТАЛСЯ ПРОНИКНУТЬ В ЕГИПЕТ

Версия белоэмигранта

Внешняя политика СССР в Африке в 1920–1930-е годы – весьма дискуссионная тема в исторической литературе. Известна ее интерпретация, предложенная советскими историками. Свой взгляд на данную проблему имели и белоэмигранты. К сожалению, в распоряжении исследователей имеется довольно ограниченный круг трудов представителей антибольшевистской эмиграции, посвященных анализу советской политики в Африке. Тем ценнее те источники, где эмигрантское видение данной проблемы представлено довольно обстоятельно. Среди них – мемуары Анатолия Львовича Маркова, находящиеся на хранении в знаменитом Гуверовском архиве войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США). Личность этого человека, яркая и неоднозначная, вызывала разноречивые оценки современников.

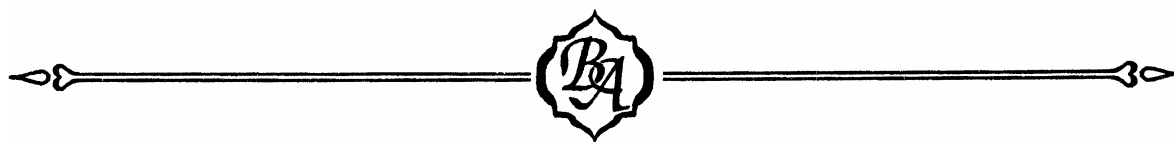
А.Л. Марков родился в 1893 г. в Щигровском уезде Курской губернии, был внуком писателя Е.Л. Маркова и племянником знаменитого черносотенца Н.Е. Маркова (Маркова 2-го). Окончив Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище, в 1914–1915 гг. воевал на фронте Первой мировой войны, был ранен. Участник Белого движения, служивший в знаменитом 1-м офицерском (Алексеевском) конном полку, он, как и многие его товарищи, был вынужден эмигрировать из страны. В феврале 1920 г. А.Л. Марков вместе с женой и маленькой дочкой погрузился в Новороссийске на пароход «Саратов», эвакуировавший раненых и больных чинов Добровольческой армии. Британские военные власти направили пароход в Александрию. Это и определило судьбу русского офицера, прожившего в «северной столице» Египта более 30 лет. Позднее Марков написал о своей жизни в Египте весьма любо-

пытные мемуары «В изгнании», отрывки из которых в 1957 г. публиковались в газете «Русская жизнь» (Сан-Франциско).

Как свидетельствуют эти воспоминания, хранящиеся в архивной коллекции А.Л. Маркова¹, сначала русские солдаты и офицеры проходили карантин в предместье Каира, в квартале Аббасия, в центре расположения британских войск. После карантина русских отправили в палаточный лагерь в Телль аль-Кебире. Маркова, человека весьма амбициозного и целеустремленного, лагерная жизнь не устраивала. Он понимал, что необходимо искать какой-то выход из сложившейся ситуации. И вскоре удача улыбнулась ему: когда однажды в лагерь приехала жена британского военного командующего в Египте леди Конгрив, возглавлявшая Комитет помощи русским беженцам, Марков попросил помочь устроить его в школу шоферов. Благодаря посредничеству леди Конгрив он и один из его товарищей попали на английские курсы военных водителей. Им удалось вырваться из лагеря, и для них началась новая жизнь. Они были очень хорошо приняты британскими офицерами, которые даже «устроили обед с обильным возлиянием» в их честь. А.Л. Марков подписал контракт на 6 месяцев с жалованием 8 фунтов в месяц, ему было выдано британское военное обмундирование.

В декабре 1920 г. лагерь перевели из Телль аль-Кебира в предместье Александрии Сиди-Бишр. Когда у Маркова закончился контракт, он также переселился туда. В июне 1922 г. лагерь в Сиди-Бишр закрыли, а его обитателей вывезли в Болгарию. В Александрии остались всего около 200 русских, в том числе и Марков с семьей.

Пытаясь интегрироваться в египетское общество, Марков поставил перед собой цель получить разрешение на право рабо-

тать таксистом, для чего требовалось знание арабского языка и города Александрии, «раскинувшегося на расстоянии 25 верст». После ряда провалов на экзаменах по арабскому языку ему все-таки удалось его сдать, но таксистом он пробыл недолго. Уже осенью 1922 г. русский консул в Александрии А.М. Петров рекомендовал Маркова на службу в англо-египетскую полицию, где нужен был человек со знанием русского языка.

На наш взгляд, в коллекции Маркова в Гуверовском архиве особый интерес представляет весьма объемная рукопись «Записки о прошлом». 3-й том этого труда, «Воспоминания о службе в египетской политической полиции», написан в Александрии в 1934 г. В нем Марков весьма подробно характеризует все обстоятельства его службы, которая развивалась непросто, изобиловала спадами и подъемами.

Сначала русский белоэмигрант был назначен на службу в портовую полицию Александрии. В его служебные обязанности входили паспортная и караульная служба в порту. «Служба, – вспоминал он, – была хотя и не легка, однако престиж европейцев стоял еще высоко, и мое самолюбие редко страдало от того, что мне, ротмистру Российской императорской службы, пришлось стать почти солдатом в полубутафорской экзотической стране»².

Однако через несколько месяцев у Анатолия Львовича появился шанс вновь включиться в антибольшевистскую работу. В 1923 г. ему предложил участвовать в его акциях авантюрист Фуад-бей – сын бывшего великого визиря Турции, занимавший при последнем султানে пост министра полиции. Такое прошлое обусловило его тесные связи с некоторыми членами египетского правительства. Дополнительным фактором, который во многом обуславливал его особый интерес к российским проблемам, было его происхождение из русских осетин Кантуковых. Марков помнил его еще по временам Гражданской войны, когда Фуад-бей был видным деятелем Республики горцев Кавказа и вел переговоры с Врангелем. Русский

белоэмигрант отмечал, что сын бывшего великого визиря привык к «широкой жизни», но поскольку прежних источников доходов у него уже не было, он был вынужден искать новые. Одним из таких «способов зарабатывать» и стали для него антибольшевистские акции. В реальности же, указывал Марков, «серьезной советской работы в то время в Египте не существовало» (межгосударственные отношения были разорваны после 1917 г. – А.А.), поэтому запугивание египетского правительства докладами Фуад-бея о кознях большевиков являлось «чистейшим блефом». Долго это продолжаться не могло. В итоге весной 1924 г. Фуад-бей и его кузен, бывший турецкий офицер-авиатор Орхан-бей, бежали из Египта с казенными деньгами и были объявлены в розыск. Любопытен, однако, во всей этой истории еще один факт. Рассказывая о Фуад-бее, Марков не раскрывает, в чем состояла его роль в этой антибольшевистской акции, какие поручения давал бывшему ротмистру Белой армии бывший член правительства Республики горцев Кавказа.

Через некоторое время после краха акции Фуад-бея в жизни Маркова произошел крутой поворот. Он был вынужден покинуть службу в полиции, т.к. белоэмигрант, по его собственному признанию, «не скрывал своих антисемитских и антимасонских взглядов» и открыто, в присутствии сослуживцев, читал литературу, содержащую выпады в адрес евреев. Между тем начальником Маркова стал Стэнбек, выходец из семьи российских евреев, переселившейся в Австралию. Вскоре у них возник острый конфликт, и Маркову пришлось уйти со своего поста. Около года он работал таксистом.

Однако в мае 1925 г. Маркову предложили вернуться на службу в Главное полицейское управление во «вновь организованный специальный отдел по борьбе с большевизмом»³. Он подробно описал структуру политической полиции Египта, указывая, что фактически во главе ее находился британский офицер майор Ансон, «видный агент Интеллидженс-сервис», около двух лет работавший в Скотланд-Ярде «по вопро-

сам большевизма». Отдел получал специализированную советскую прессу («Новый Восток», «Революционный Восток», «Торговля СССР с Востоком» и др.), советские книги, касающиеся Египта и стран Северо-Восточной Африки. Все это внимательно анализировалось, изучались возможные пути проникновения СССР в данный регион. Кроме того, Марков имел штат агентов, осведомителей, в том числе и в среде русской эмиграции. Его мемуары показывают, что он не брезговал самыми различными методами, вплоть до перлюстрации личных писем, за что, очевидно, подвергался критике со стороны некоторых представителей русской колонии. Отвечая своим критикам, он писал: «Идея, которой я руководствовался с первого дня моей работы на египетской службе в политической полиции, была – нанесение возможно большого вреда большевизму и его руководителю – советскому правительству, где и как только можно и насколько позволяют мои силы и возможности, и в этой работе все средства были хороши, лишь бы вся моя деятельность хоть бы на шаг подвинула освобождение России от проклятого красного ига»⁴.

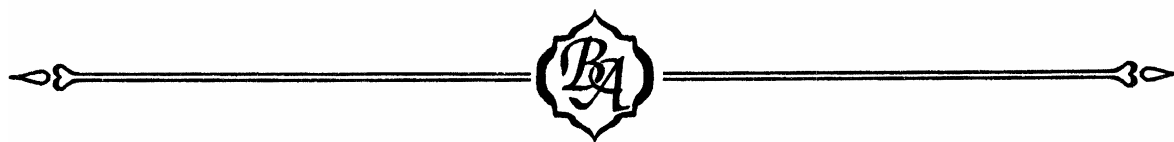
И, надо сказать, возможности принять участие в борьбе против большевизма у Маркова были. Как выясняется из его мемуаров, в 1920-е годы, СССР пытался наладить контакты с Египтом. В 1923 г. в Александрию прибыл первый «агент» советского правительства. Это был Лазарь Глезер (как подчеркивает Марков, еврей), бывший харьковский адвокат, имевший палестинский паспорт. В 1924 г. он открыл представительство Аркос (Англо-русского коммерческого общества) в Александрии. Как утверждает Марков, коммерческая деятельность Глезера была «более чем скромной», в основном он занимался «налаживанием связей и путей для московского проникновения в Египет». По словам Маркова, местные евреи «шли ему (Глезеру. – А.А.) в этом навстречу»⁵.

Новым фактором, который резко усилил большевистскую активность в Египте, было, как указывал Марков, прибытие в качестве агитационного судна парохода «Профин-

терн», вокруг которого «митинги на всех языках велись беспрерывно». Однако терпение египетских властей не было бесконечным. Благодаря усилиям Маркова и его единомышленников, обративших внимание на опасность коммунистической пропаганды для существовавших в стране властей, Глезер был выслан в Палестину.

В 1926 г. в Александрию прибыл гражданин США Игнатий Григорьевич Семенов. Однако Марков, который, если судить по его мемуарам, ощущал себя кем-то вроде главы антибольшевистской контрразведки в Египте, подчеркивал, что о Семенюке «уже на борту парохода стало известно, что американец этот – русский еврей по происхождению, является советским эмиссаром». Игнатий Семенов имел документы от Внешторга и Совторгфлота, заявлял о намерении открыть фирму «Рюссотюрк». Очевидно, не без влияния Маркова, египетская полиция попыталась почти сразу же выслать Семенюка, но все доказательства его «шпионской» деятельности в пользу СССР были собраны путем «перлюстрации его переписки» (которую, видимо, организовал тот же Марков). Между тем такие действия были незаконными, и предъявить собранные таким путем доказательства было невозможно. Поэтому власти вынуждены были разрешить Семенюку жить в Египте, а полиции было дано указание собрать доказательства легальным путем. Вскоре выяснилось, что Семенов создал в Александрии широкую сеть агентуры, среди которой Марков называет В.Н. Александри – уроженца Кишинева. О том, какими методами создавал советский резидент эту сеть в Египте, «антибольшевистский контрразведчик» высказался достаточно определенно: «Советские “сих дел мастера” знают средства заставить слушаться беспрекословно самых строптивых экземпляров, которые в короткий срок обставляются умелыми руками так, что они превращаются в покорных овечек и им остается только два выхода: беспрекословное послушание воли начальства или самоубийство»⁶.

Через некоторое время, в результате «оперативных мероприятий», удалось уста-

новить, что в качестве конспиративной квартиры представитель Внешторга использовал ресторан некоего беженца Таранченко. После этого Марков смог добиться высылки Таранченко из Египта в Советскую Россию. Совершенно очевидно, что многие члены русской колонии в Александрии упрекали Маркова в том, что, благодаря его усилиям, пострадал по сути невинный человек. Более того, как свидетельствуют мемуары Маркова, этот случай не был единичным. «Каждый раз при аресте того или иного лица, замешанного в большевизме, – признавался он, – я неизменно теми или иными лицами обвинялся в провокации, доносах и т.д.». Однако сам бывший капитан Добровольческой армии, который, как мы указывали, руководствовался принципом «цель оправдывает средства», не сомневался в своей правоте: «Всегда считал и буду считать этот свой шаг правильным. Моральный террор, быть может, средство жестокое и моралистами недопускаемое, но в политике часто совершенно необходимое»⁷.

Однако главная задача оставалась нерешенной: необходимо было убрать из Египта самого Семенюка, чему мешал его американский паспорт. Маркову удалось создать в Александрии отделение т.н. Лиги Обера (широко известной организации по борьбе с Коминтерном). Печатным органом Лиги стала каирская газета «Ле ревэй», начавшая кампанию против Семенюка. В итоге в 1928 г. он вынужден был покинуть Египет.

В середине 1920-х годов, по мнению Маркова, стало ясно, что все попытки Москвы вести работу в Египте «окончились неудачей». Анализируя причины этого, белоэмигрант указывал, что условия для советского проникновения в Египет, выстраивания там своей агентуры были неблагоприятными: «Коммунисты-египтяне считались единицами, были поименно известны полиции и находились под ее постоянным надзором, иностранные же агенты, даже владеющие арабским языком, были в Египте бесполезны, т.к. могли работать только среди европейцев, в двух-трех больших городах»⁸.

Тут на выручку Советскому Союзу, утверждал Марков, пришли изменения в экономической конъюнктуре. С 1926 г. цены на мировом рынке на хлопок стали падать. Между тем хлопок был главным экспортным товаром Египта. Воспользовавшись этой ситуацией, СССР предложил Египту контракты на закупку хлопка. Фактически, как утверждал Марков, это предложение было сделано для того, чтобы создать юридическое основание для направления в Египет новых советских агентов. В 1927 г. туда прибыла советская делегация. Верный своим взглядам, Марков подчеркивал, что она включала «четыре иудея»: В.А. Колли, Вишняка, Мейера и Рухима Мельца. Однако при них «для соблюдения декорума рабоче-крестьянской республики состоял лохматый, корявый и полуграмотный парень Федор Малахов, простой фабричный рабочий». Любопытно, что, как показывает анализ мемуаров Маркова, белоэмигрант по-разному относился к этим представителям СССР. Единственный русский по национальности в этой делегации – Ф.Ф. Малахов – вызывал у него даже симпатию. Вот как Марков характеризовал Малахова: «Жену свою он, по собственному выражению, “смерть как любил”, и каждую Пасху аккуратно просил у нас разрешения съездить в Каир, чтобы в секрете от своих сослуживцев поговорить в греческой церкви. Однажды на мой вопрос, зачем ему ездить “на праздники” в Каир, раз для него, как коммуниста, праздников нет, он без обиняков признался, что “коммунист-то я, так сказать, официально, а в семье у нас мы все праздники празднуем”». Особенно любопытно следующее замечание бывшего капитана Добровольческой армии о Малахове: «Письма его к родителям в Россию были классическим образцом солдатского письма на родину, состоявшим сплошь из одних “низких поклонов”»⁹. Совершенно очевидно, что переписка советского представителя в Египте перлюстрировалась полицией Александрии.

По данным Маркова, очередным советским агентом в Александрии стал «шеф» Текстильимпорта А.Н. Васильев – «старый революционер по профессии». В 1929 г. он

принял в качестве хлопкового эксперта на работу в Текстильимпорт некоего художника с латышским паспортом Уго Рудольфа. В апреле 1929 г. на основе донесений полиции весь состав Текстильимпорта в Александрии был арестован. При аресте выяснилось, что Уго Рудольф – это Рудольф Пинес, брат Эдуарда Пинеса, резидента Иностранного отдела ГПУ на Ближнем Востоке, работавшего в Турции. В свою очередь, Рудольф Пинес, по данным А.Л. Маркова, был резидентом ГПУ в Египте¹⁰.

По словам Маркова, чтобы усилить свои позиции в Египте, Советский Союз в 1931 г. резко увеличил закупки у этой страны хлопка. Для этого советское руководство задумало довольно сложную коммерческую операцию, которая, однако, закончилась неудачей. Не имея денег для того, чтобы заплатить за весь заказанный хлопок, СССР рассчитывал добыть необходимую сумму от продажи леса одному из крупных трестов Египта. Однако, как пишет Марков, в срок этого леса Москва доставить не сумела, кроме того, его «спецификация» оказалась совершенно непригодной для египетского рынка. Разразился скандал. Для того чтобы исправить положение, в Египет прибыл товарищ председателя Текстильимпорта Воробьев. Самое любопытное, что Марков, не стесняясь, тут же приводит письмо Воробьева из Египта жене, где товарищ председателя Текстильимпорта критиковал политическую и социально-экономическую систему Египта¹¹. Иными словами, и личные письма Воробьева, как, очевидно, и многих других людей, оказывались в руках сотрудника полиции Александрии. Впрочем, и Воробьеву, как утверждал Марков, не удалось добиться существенного усиления позиций СССР в Египте. К началу 1930-х годов советское влияние в стране оставалось весьма ограниченным.

Следует отметить, что мемуары А.Л. Маркова являются интересным источником не только по истории советской политики в Египте. Отдельные их сюжеты посвящены истории национального коммунистического движения в Египте. Так, белоэмигрант подробно описывал судьбу «пионеров

большевизма в Египте» – семьи Розенталь, члены которой были потомками евреев, эмигрировавших из России в конце XIX в., рассказывал об их деятельности по пропаганде в Египте социалистических идей¹².

Маркову удалось довести эту часть своих мемуаров только до начала 1930-х годов. В полиции же Александрии он проработал около 30 лет, уйдя в отставку в 1952 г. В плане оценки взглядов Маркова характерен такой факт: в 1930-е годы он был лидером египетского отделения Организации русских фашистов. Естественно, события революции 1952 г., приход к власти Насера не могли не отразиться на жизни старого белоэмигранта, который, как и многие его товарищи, вскоре начал стремиться к отъезду из страны. Однако лишь в 1958 г. Маркову удалось уехать в США, в Сан-Франциско, где в 1961 г. он и ушел из жизни. В годы эмиграции Марков был достаточно известным автором многочисленных статей и рассказов, своеобразным экспертом в Русском зарубежье по странам Востока. Многие из его работ вышли под псевдонимом «Шарки».

Как относиться к творчеству Маркова? Бесспорно, Анатолий Львович был весьма пристрастным исследователем, для которого на первом плане стояли интересы антибольшевистской борьбы. И находясь на посту сотрудника политической полиции Александрии, он продолжал вести ту борьбу, которую начал в рядах Добровольческой армии. Несомненно, он стремился где-то и приукрасить свою деятельность, создать себе имидж могущественного главы антибольшевистской секретной службы в «северной столице» Египта. Важен, однако, тот факт, что аналитические статьи и записки Маркова постоянно публиковались в ведущих изданиях Русского зарубежья, и многие эмигранты именно на основании его работ судили о ситуации в странах Востока в 1920–1950-е годы.

Примечания

¹ Hoover Institution Archive (HIA). Anatolii L. Markov writings. Box 2. В изгнании (Воспоминания).

² Там же. Вых. 4. Записки о прошлом. Т. 3. Воспоминания о службе в египетской политической полиции. Л. 1.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 52.

⁷ Там же. Л. 47–50.

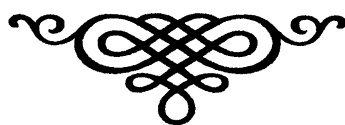
⁸ Там же. Л. 121.

⁹ Там же. Л. 127.

¹⁰ Там же. Л. 137. Этот сюжет Марков впоследствии развил в мемуарах «На службе египетского короля». См.: Восточный архив, № 2 (24), 2011, с. 70–72 (*прим. ред.*).

¹¹ Там же. Л. 147.

¹² Там же. Л. 19–39.

Н.А. Семенченко

РУССКАЯ ОБЩИНА В ПАЛЕСТИНЕ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

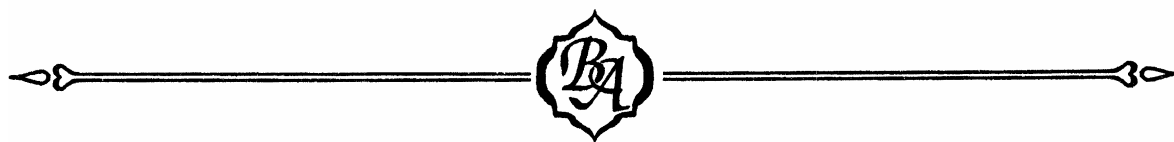
Традиция паломничества православных россиян в Святую землю восходит еще к XI в. Столетиями оно было настоящим подвигом во имя веры. Продолжалось паломничество месяцами, а то и годами, и лишь единицы могли отправиться в столь дальний путь. По окончании Крымской войны в 1856 г. ситуация изменилась. Было создано «Русское общество пароходства и торговли» (РОПиТ), которое открыло прямую судоходную линию между Одессой и палестинским портом Яффа. В феврале 1858 г. в Иерусалиме открылось русское консульство, во главе которого был поставлен представитель РОПиТ.

Еще до Крымской войны, в 1842 г., в Иерусалиме была учреждена Русская духовная миссия. 31 января 1858 г. туда прибыла вторая Русская духовная миссия. После войны Оттоманская Порта дала право иностранцам приобретать собственность в ее владениях, и в декабре 1859 г. русские купили земельный участок в 637 кв. м в черте Старого города. Это было первое русское приобретение недвижимости в Иерусалиме и в Палестине в целом.

В мае 1882 г. было создано Императорское православное палестинское общество (ИППО), председателем Совета которого был избран великий князь Сергей Александрович. Согласно уставу, первая и главная функция Общества заключалась в организации паломничества в Святую землю и обустройстве русских паломников в Палестине. Для выполнения поставленных перед Обществом задач необходимы были помещения и участки, так что в мае 1886 г. ИППО купило вблизи уже существовавшего Русского подворья земельный участок и приступило к сооружению своего собственного подворья. Старое подворье, построенное в 1864 г., было рассчитано на 800 паломников. В действительности оно нередко было вынужденно

вмещать до 2000 и более человек. К концу же века на пасхальные праздники в Иерусалим стекалось до 7000 тысяч русских богомольцев. Второй не менее важной причиной была острая необходимость в хозяйственных службах на русских постройках, которая стала еще больше ощущаться с увеличением числа паломников. Спустя три года, в мае 1889 г., был поднят флаг Палестинского общества на угловой башне нового подворья, названного Сергиевским в честь великого князя Сергея – первого председателя ИППО. А в ноябре 1890 г. подворье было торжественно освящено и открыто для пользования¹. ИППО делало многое, чтобы облегчить пребывание паломников в Палестине, благодаря чему паломническое движение стало развиваться еще быстрее. И в 1910–1912 гг. в Палестине находились ежегодно до 10000 русских паломников.

Однако вскоре наступили другие времена. Летом 1914 г. началась Первая мировая война. Поначалу жизнь Русской духовной миссии, сотрудников ИППО и всех русских людей в Иерусалиме, да и на территории всей Палестины, шла сравнительно спокойно. Со стороны турок не ставилось никаких препятствий. Тем временем из Палестины в Россию уходили последние русские пароходы. ИППО, с согласия генерального консула, в августе 1914 г. уведомило паломников, что оно снимает с себя заботу о них, и предложило им выехать из Палестины в Россию. В Мариинском подворье, например, сам управляющий подворьями Г.Н. Селезнев лично обошел все комнаты, сделал перепись проживающих и уговаривал их уезжать. Часть паломников отправилась с этими пароходами на Родину. Но многие остались, надеясь, что войны с турками не будет, а если будет, то будет непродолжительной, более того, они были уверены, что война закончится победой России. Последний паро-

ход (итальянский) с русскими паломниками отошел на Константинополь (Стамбул) 26 августа 1914 г., и с тех пор прямые связи Русской Палестины с Россией были прерваны на несколько десятилетий.

29 октября 1914 г. в войну вступила Османская империя на стороне Германии и Австрии. Русский консул вынужден был покинуть Палестину. Русские люди в Палестине оказались на территории враждебного государства, многие из них были высланы или интернированы. Интересы России было поручено представлять испанскому консулу. В декабре 1914 г. турецкие власти в Палестине потребовали от всего русского мужского населения покинуть Святую землю и выехать в Александрию. Начальник Русской духовной миссии архимандрит Леонид (Сенцов), весь состав миссии, настоятельницы русских женских общин и старшие сестры обителей также были высланы из Палестины. Вместе с ними была эвакуирована и группа русских паломников – всего 95 человек². Руководство ИППО и все российские сотрудники Общества также должны были покинуть Святую землю.

Основные русские храмы в Иерусалиме были закрыты, Сергиевское подворье, паломнические приюты, другие русские здания в центре Иерусалима были заняты турецкими войсками. Согласно сведениям, доставленным в 1916 г. французскому правительству из Египта и переданным российскому послу в Париже, «русские учреждения на Масляной горе в Иерусалиме (церковь и женский монастырь) не были тронуты, как и учреждение в Гефсимании. Турки не вошли и в Эйн-Карем. Большие здания русских учреждений в Иерусалиме, известные под названием “Москобия”, были заняты военными. Заки-паша, бывший военный губернатор, разместил там свои офисы, а несколько офицеров расположились в больших квартирах. Подпорная стена большой эспланады Москобии была разрушена, чтобы расширить дорогу, ведущую от яффских ворот к итальянскому госпиталю и к большому еврейскому кварталу»³. Оставшиеся в Святом Граде, но изгнанные из своих обите-

лей русские монашествующие, паломники и члены Духовной миссии и Палестинского общества терпели большие лишения.

18 декабря 1914 г. Англия объявила, что Египет отделяется от Турции и переходит под английский протекторат. Участие Египта в войне оказало значительное влияние и на русскую общину в Палестине. После вступления Турции в войну в Египет из Палестины хлынул поток беженцев с российскими паспортами, к ним присоединились и высланные турками другие русские. Согласно указу российского военного руководства от 1915 г., военнообязанные россияне должны были либо немедленно вернуться в Россию, либо поступить на службу в войска союзников. Однако для россиян, находившихся в Палестине, и для тех, кто бежал в Египет, возвращение в Россию в условиях войны было практически невозможно.

В 1917 г. в Палестину победоносно вступили английские легионеры во главе с генералом Алленби. Освобождение Иерусалима английским генералом началось с отвоевания у турок стратегического места в центре Иерусалима – русских построек. Согласно 13-й статье Мандатного декрета, мандат на Палестину получила Англия, и соответственно, она приняла на себя покровительство над всеми святыми местами. К тому времени произошли большие изменения на политической карте Ближнего Востока. Германия, а вместе с ней и Турция, потерпели поражение в войне; принадлежавшие Османской Порте области были от нее отторгнуты, и некоторые из них были переданы державам-победительницам как мандатные территории.

По окончании военных действий в 1919 г. в Иерусалим из Египта возвратились члены Духовной миссии, представители ИППО, паломники, а также монашествующие. Россияне, оставшиеся в результате войны в вынужденной эмиграции на Ближнем Востоке, также смогли вернуться в Иерусалим. Однако ситуация в городе совершенно изменилась. В ходе войны и в первые послевоенные годы положение жителей Иерусалима было крайне тяжелым. Город ис-

пытывал большие трудности во всем: недостаток в питьевой воде; нехватку продовольствия, грозившую с голодом; недостаток медикаментов, топлива и т.д. Положение русских было особенно тяжелым.

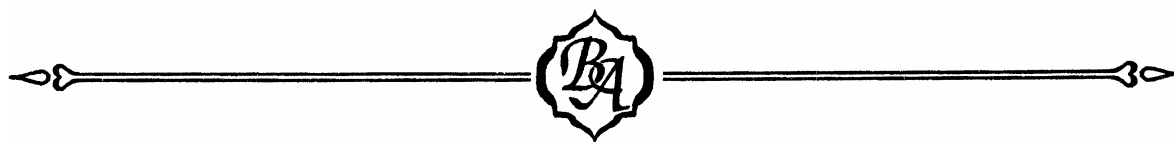
Вследствие революционных событий 1917 г. и гражданской войны связь Русской Палестины с Россией полностью прекратилась, а из-за отсутствия дальнейшего российского финансирования Русская православная церковь в Палестине впала в крайнюю нужду. Заботу о ней и о русских взяла на себя образованное в 1920 г. в Константинополе временное Высшее церковное управление и немногочисленная русская эмиграция.

Иерусалимская администрация ИППО и Управление подворьями Общества во главе с уполномоченным, бывшим вице-консулом В.Е. Антиповым, после войны были восстановлены. Однако администрация ИППО получила у англичан в свое пользование лишь отдельные комнаты в Сергиевском подворье. Большая часть зданий была занята английскими административными органами. На Русском подворье разместились суд британской мандатной администрации, больница, тюрьма, бараки и склады британской жандармерии. Англичане воспользовались безвыходным положением русских учреждений и их беззащитностью и установили для себя мизерную арендную плату. Полученные от аренды средства были направлены на погашение долгов, на поддержку русских людей, оставшихся в Палестине, а главное, на содержание зданий, составлявших русское имущество. Так, согласно смете расходов по ремонту, содержанию и охране имущества ИППО, составленной управляющим подворьями 7 сентября 1919 г., на содержание Александровского подворья выделено 300 египетских фунтов, Вениаминовского – 60, Сергиевского – 520; на охрану Хайфинского подворья выделено 72 египетских фунта, бейт-джалского построения – 72, иерусалимских участков – 144, назаретских учреждений – 120. Всего расходы по смете составили 7000 египетских фунтов⁴.

В письме русскому посланнику в Египте от 8 сентября 1919 г. с объяснительной запиской о подворьях и русской земле в Иерусалиме Г.Н. Селезнев описал ущерб, который нанесли турецкие солдаты русскому имуществу. Палестинское общество предъявило счет по нанесенным убыткам от германо-турецких бесчинств в Иерусалиме в размере 6 млн. франков. Сумма всех убытков по разным пунктам в Палестине составляла не менее 20 млн. франков⁵. Надо отметить, что Палестинское общество так и не получило этих денег.

В своем письме Г.Н. Селезнев сообщал также, что «40 русских женщин живут в доме Сирианской церкви, против Сергиевского подворья. За это помещение нужно платить 50 египетских фунтов в год. Также много живет народа по монастырям и частным квартирам, переплачивая из своих скудных средств, в общем, большие суммы, которые пригодились бы им на пропитание. Я не имею денег для уплаты за помещения в Сирианском доме»⁶. Именно в то тяжелое время для Русской Палестины и появилось грустное понятие «русские женщины», а затем и «бедные русские женщины».

Большую часть паломников обычно составляли женщины, причем пожилого возраста. Женщины же составляли и значительную часть паломников, оставшихся в Палестине после начала Первой мировой войны, поскольку многие мужчины были захвачены в плен или интернированы. Положение этих женщин было весьма и весьма тяжелым. Свидетельством тому может служить обращение Ольги А. Чуб от 28/19 декабря 1917 г. к российскому посланнику в Египте: «Честь имею просить Вас, Ваше превосходительство, помочь нашему бедственному положению. Я, русская женщина, проживаю с дочерью в Иерусалиме (18 лет). В настоящее время нахожусь без куска хлеба. Просим Вас помочь нам. Я обращалась сколько раз в Консульство за помощью, но мне ответили, что не могут помогать мне. Мы без помощи погибаем с голоду. Я имела двух сыновей, которые меня кормили. Они находятся в плену 3 года. Сыновья мои служили

на Русской почте, первое время мы имели помощь от консула, но потом консул прекратил нам помогать, помогал нам турецкий паша немного. Но в настоящее время мы погибаем, помогите нам, не дайте погибнуть голодной смертью. Припадаю к Вашим стопам и молю Вас Богом, не оставьте сию просьбу»⁷.

Другим живым свидетельством царившей в Иерусалиме ситуации является обращение 11 русских женщин к российскому консулу в Александрии от 3 мая 1918 г. Приводим это обращение целиком:

«Всепокорнейше просим Вас, Ваше Высокопревосходительство, обратить внимание на бедственное положение русских женщин, проживающих в Иерусалиме, и, если можно, им помочь. На то надеемся, что Вы по своей сердечной доброте не оставите этой просьбы без внимания. Так как г. Иерусалим был центром военных действий, то и был ограблен турками, жители были вынуждены уехать отсюда и по се время не возвратились, а оставшиеся здесь люди так обеднели, что сами ищут себе работы для дневного проживания, и с трудом, а то и вовсе не могут найти. Нам же, русским, тем паче труднее найти себе здесь работу для того, чтобы хотя на хлеб добыть что-нибудь, а об остальном, т.е. о какой-либо жизни, или обуви, или одежде, и говорить нечего. В настоящее время имеются общественные работы, поправка проезжих дорог, но эта работа для женщин, да еще таких слабых, как наши, не идет. Потому что там надо разбивать камни и носить их, но ведь это непосильный труд для женщин, а наши русские поневоле идут и на такую работу, получают в день только 4 пиастра, которые на один только хлеб в день и довольноно.

В холодное дождливое время простуживались, заболели и умирали, потому что не имели хорошей обуви и одежды, а в настоящее время от сильной жары заболевают и тоже умирают. Так что русские женщины желали бы работать, но здесь нет работы для них, а потому всепокорнейше просят Вас разрешить желающих и способных к ра-

боте принять в Александрии для приискания себе занятия к существованию.

Хотя до нас дошли некоторые слухи о положении посольства и консульства в Египте по случаю внутренних беспорядков в России, но мы не просим материальной помощи или содержания нас, но только одного разрешения и ходатайства Вашего у иерусалимского губернатора о выезде нашем из Иерусалима. Ожидаем Вашего благосклонного внимания и ходатайства за нас. При сем прилагаем список русских женщин, желающих выехать»⁸.

На ответном документе, датированном 19 мая 1918 г., консул поставил свою резолюцию: «Будут приняты в Православный дом в Александрии».

После окончания войны часть русских женщин, бывших паломниц, надеялась вернуться в Россию. За помощью они обращались к управляющему русскими подворьями в Иерусалиме Г.Н. Селезеву. Он пытался помочь им. 23 сентября 1919 г. Селезев направил управляющему русскими делами в Константинополе Б.С. Серафимову письмо за № 6 со следующим текстом: «Несколько десятков русских женщин, застигнутых войною в Иерусалиме, желают ныне возвратиться в Россию, но, не имея средств на оплату за переезд на пароходе, просят перевезти их до Новороссийска или Одессы бесплатно. У Управления подворьями совершенно нет денег, и помочь им в этом отношении мы ничем не можем. Покорнейше прошу Вашего содействия к перевозу русских из портов Яффы или Хайфы до ближайшего русского порта транзитом через Константинополь». Г.Н. Селезев даже предложил способ отправления их. «Порты Палестины регулярно посещают итальянские и греческие пароходы, на которых можно было бы отправить наших паломниц до Константинополя, а оттуда уже на русских пароходах в Одессу или Новороссийск. Если их нельзя забрать всех на одном пароходе, то можно отправить на каждом отходящем в Константинополь пароходе группами от 5 человек. Выезд будет разре-

шен только лицам, приехавшим из местностей, освобожденных от большевиков».

Заявили о своем желании выехать в Россию около 100 человек, но, как отмечал Селезнев в письме Управляющему русскими делами в Константинополе Б.С. Серафимову, наверно поедут меньше: «кто заболел, кто не успел собраться, кто раздумал, а в Великороссию нетрудоспособных и мы не пустим. Вещей при них будет мало, преимущественно ручной багаж»⁹. В ответ на это письмо Б.С. Серафимов написал, что предложенный Селезневым «способ перевозки паломниц постепенно, небольшими группами, возможен только в случае восстановления по сирийскому побережью рейсов русских пароходов. Ни одно иностранное пароходное общество не согласится на бесплатную перевозку»¹⁰.

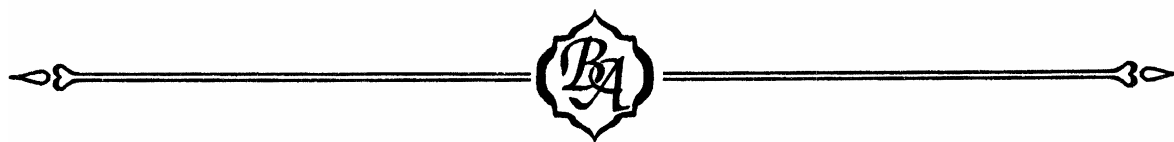
Управляющий русскими подворьями в Иерусалиме Г.Н. Селезнев докладывал и российскому посланнику в Египте А.А. Смирнову о тяжелом положении русских женщин и пытался защитить их интересы. В обращении к Смирнову от 16 сентября 1919 г. Селезнев напомнил, что «в Иерусалиме находятся русские паломницы, внесшие до войны в кассу конторы Управления подворьями ИППО деньги на сбережение. Эти вклады до сих пор не возвращены владельцам денег по разным причинам. Ныне они обращаются ко мне с просьбою вернуть принятые на хранение деньги, и, указывая на свое бедственное положение, просят выдать их хоть частями, достаточными для поддержания их существования. Принимая во внимание бедственное положение этих престарелых женщин и обязательства ИППО возвратить вклады по первому требованию вкладчиков, внесших суммы на хранение, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство о передаче Управлению подворьями в Иерусалиме суммы ИППО, находящиеся на учетах и хранении российского консула в Александрии»¹¹.

В письме в Управление иностранных дел при Главном командовании вооруженных сил Юга России (вероятно, после 2/15 июля 1920 г.) Селезнев докладывал, что «в

Иерусалиме проживают около 450 русских женщин; в том числе в Горнем – 70, на Елеоне – 20, в Вениаминовском подворье – 35, 40 человек в частном доме против Сергиевского подворья, нанятом для них еще в 1915 году. Остальные разместились в греческих монастырях и на частных квартирах. В Александрии в отдельном нанятом для них доме помещается 60 человек, и человек 20 у разных лиц в прислугах. За время войны русские женщины перенесли в Иерусалиме массу всяких невзгод: голодали, зябли, распродали последние вещи, одежду, белье. Работали каменщиками на шоссе на дорогах, в рабочих артелях Американского красного креста. В доме Сирианского монастыря из 70 женщин в один год умерло 20, и много скончалось в греческих монастырях и на частных квартирах, главным образом вследствие истощения как результата хронического недоедания»¹².

Летом 1920 г. в Константинополе были освобождены многие русские пленники. Прибывший в Турцию Г.Н. Селезнев писал, что «большинство освобожденных пленных состоит из служащих подворий, надеющихся возвратиться в Иерусалим. Некоторые успели выехать в Россию по приезду в Константинополь, некоторые умерли в плену. Переноса бедствия плена, служащие подворий Общества продолжали находиться в тяжелых материальных условиях»¹³. Но руководство Общества не могло оказать им всю необходимую помощь. Согласно архивным материалам ИППО, управляющий подворьями только с 15 мая по 15 июля 1921 г. выдал из средств общества пособия 119 бедным русским женщинам, которые проживали в Иерусалиме. ИППО выдавало также Русской духовной миссии средства для раздачи пособия бедным женщинам, проживавшим тогда на Елеоне и в Горнем¹⁴.

Положение Русской духовной миссии (РДМ), за помощью к которой также обращались русские женщины, было весьма сложным. В 1918 г. в Москве скончался начальник РДМ архимандрит Леонид, должность начальника Миссии временно исполнял иеромонах Мелетей. В 1920 г. Высшее

церковное управление утвердило его в должности в.и.о. начальника Миссии в сане иеромонаха, затем игумена. 13 апреля 1921 г. полномочным представителем Высшего церковного управления в Иерусалиме был назначен архиепископ Анастасий. В 1921 г. сформировалась Русская православная церковь за границей (РПЦЗ). Представители РДМ в Иерусалиме и ИППО признали РПЦЗ правопреемницей Русской церкви за пределами России, а Собор ее епископов – высшим церковным авторитетом.

Установившаяся с 1922 г. Британская мандатная администрация в Палестине, со своей стороны, признала законным статус заграничной церкви, а Палестинское общество – самостоятельной общественной организацией. 17 апреля 1924 г. митрополит Антоний – основатель и первый Предстоятель РПЦЗ – посетил Иерусалим. Его письма дают достаточно грустную картину не только состояния миссии того периода, но и положения русских женщин в Палестине. «Почти все огромные и многочисленные корпуса подворья, равно и помещения его бывшего начальника, заняты английскими правительственными учреждениями. А квартирная плата за них составляет единственную доходную статью русской миссии, состоящей ныне из 10–12 лиц в священном сане и монашеском чине. Вся паства нашей миссии состоит из двух женских монастырей... и еще 300 старых женщин, задержанных в Палестине войной 1914 года, а затем революцией. Эти старушки, а равно и монахини обеих обителей, содержатся более на средства нашей миссии, чем на собственные труды. Хотя и трудятся очень усердно, но трудятся на камне среди чужих людей, иноверцев, боящихся переплатить лишнюю копейку в пользу бедной поденщицы или продавщицы своих ручных изделий»¹⁵.

В другом своем письме митрополит Антоний писал: «Богослужение в часовне Св. Гроба начинается в полночь православной утреней и непосредственно следующей за ней литургией; затем служатся литургия армянская, католическая и т. д. Но еще за пять часов до утрени, т.е. в семь часов вечера, ро-

тонда, посреди которой стоит часовня, наполняется русскими женщинами, остающимися здесь до конца литургии, т.е. до трех часов полуночи. Они-то, после целодневных трудов, всю ночь посвящают молитве: беспрерывно поют и читают каноны и акафисты, а затем утреню и литургию. Эти женщины поклонницы живут в великом подвиге и в великой нужде; это своего рода обитель неусыпающих»¹⁶.

Нестабильная ситуация в духовной миссии не могла не повлиять на настроение русских в Иерусалиме. Поэтому своим архипастырским визитом в Святую землю митрополит Антоний внес духовно ободряющую струну не только в души 400 членов миссии и насельников монастырей, но и всех русских в Святом Граде.

В российском дипломатическом корпусе за рубежом по-разному реагировали на события в России и на Октябрьскую революцию. Так, российский посланник в Египте А.А. Смирнов и его подчиненные отказались признавать Советскую власть и были уволены со своих постов приказом Наркома иностранных дел от 9 декабря 1917 г.¹⁷ Поскольку Советскую власть не признавало и правительство Египта, то официальные отношения между двумя странами были прерваны и, как оказалось впоследствии, более чем на четверть века. Египтяне еще шесть лет продолжали считать бывших царских дипломатов законными представителями России. Правда, они больше выполняли консульские функции, чем политические, защищали интересы русской общины в Египте и в Палестине. К тому же в консульстве в Александрии находились денежные средства ИППО и РДМ. Более того, Российская миссия в Египте в праве была распоряжаться русскими казенными суммами, хранившимися в испанском консульстве в Иерусалиме.

6 октября 1923 г. правительство Египта заявило об отказе и далее признавать российские дипломатические и консульские представительства и о прекращении выплаты заимообразных пособий на их содержание. Более того, оно объявило об отмене ка-

питуляционных прав в отношении российских граждан¹⁸. Таким образом, находившимся в Палестине русским людям практически не к кому было более обращаться за помощью и защитой. До Константинополя, где находилось ближайшее российское консульство, было очень далеко. Волей-неволей часть русских постепенно стала устраивать свою жизнь в Палестине. Но не всем им сопутствовала удача. Большинство русских женщин, бывших паломниц, продолжало бедствовать.

Долгие годы Палестинское общество и принадлежавшие ему подворья оставались единственным местом, где многие русские женщины Палестины могли получить помощь и укрытие. В начале Второй мировой войны бедные русские пополнили состав монастырей Русской духовной миссии. Управление подворьями продолжало поддерживать и русских женщин, переехавших в монастыри. Так, например, 12 июня 1940 г. было выдано Русской духовной миссии в Иерусалиме для раздачи пособия бедным русским женщинам, проживавшим на Елеоне и в Горнем, с 15 июня по 15 июля 1940 г. 37600 палестинских фунтов¹⁹.

Много такта и дипломатического искусства требовалось от руководителей Духовной миссии и Палестинского общества, чтобы научить простых, порой не молодых русских паломниц беречь русское имущество в Палестине. Проживание в подворьях было бесплатным, но вместе с тем оно было организовано четко и корректно. Были установлены общие правила пользования жильем во всех подворьях.

Согласно этим правилам, право на проживание в зданиях подворий Православного палестинского общества выдавалось «Канторою Общества». Без такого разрешения никто не мог быть допущен в общежитие даже на одну ночь.

При получении разрешения на поселение в подворье все были должны дать расписку, которая подтверждала их проживание в том или ином подворье и их обязательство выполнять установленные Обществом правила. Нарушавшие эти правила

могли быть выселены из помещения. Для примера приводим расписку Елены Раствинской²⁰: «Я, нижеподписавшаяся, Елена Раствинская, настоящим подтверждаю, что я занимаю часть комнаты № 18 в здании, известном под именем Вениаминовского подворья с разрешения и допущения Православного Палестинского Общества, полученного мною от управляющего подворьями в Иерусалиме, и что я буду отведенное мне помещение содержать в чистоте и надлежащем порядке и буду выполнять установленные и могущие быть установленными в будущем Православным Палестинским Обществом правила относительно пользования помещением и порядка в общежитии.

Иерусалим, 15/28 мая 1940 г. (подпись)»

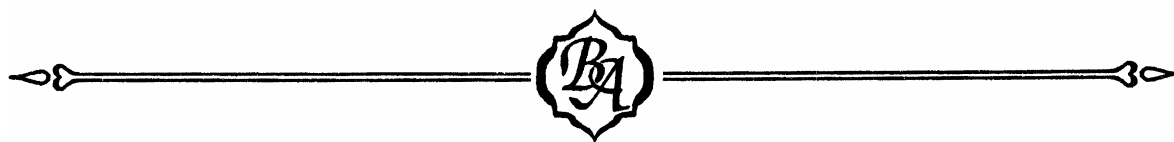
Распределение коек между жильцами проводилось канторой Общества. Все жильцы должны были соблюдать тишину, порядок, чистоту и опрятность. В каждой из общих комнат устанавливалось ежедневное дежурство по уборке комнаты. В комнатах воспрещалось: стирать, готовить еду, кипятить воду и т.д. Для этих целей были отведены специальные места.

Подворья запирались в 8 вечера и открывались в 8 утра. К восьми утра помещения должны были быть убраны.

В течение долгих лет русские женщины продолжали получать от Палестинского общества разные виды пособий. Так, например, за период с 15 мая по 15 июня 1937 г. по иерусалимским спискам 128 женщин получили пособия в сумме 53200 палестинских фунтов (п.ф.). По Елеонскому списку пособия получили 34 женщины – 12350 п.ф., по Горненскому списку 21 женщина – 8700 п.ф., сохранились еще более 20 отдельных расписок на общую сумму в 8200 п.ф.²¹

На бедственное положение русских указывают сохранившиеся в архивах многочисленные прошения о помощи, которые они подавали²².

Из дневника кассы Управления подворьями ППО в рубрике «Помощь бедным» мы узнаем о разных видах помощи, которую оно оказывало русским. Кроме оказания ма-

териальной помощи, Палестинское общество оплачивало посещение врачей бедными больными русскими женщинами, оказанную им медицинскую помощь, проведенные в больницах операции, оплачивало расходы на выписанные врачами лекарства и т.д. Управляющий подворьями в помощь русским людям по возможности создавал для них рабочие места, обеспечивавшие их заработной платой. В Управлении работали бухгалтер Управления, секретарь-администратор, секретарь Управления, письмоводитель, постоянный рабочий при конторе, уборщица конторы и т.д.

За помощью в Палестинское общество обращались не только женщины. Приводим текст прошения Семена Кожурова²³: «По обстоятельствам настоящего времени я не могу иметь постоянной и хорошо оплачиваемой работы, почему нахожусь в довольно тяжелом положении, так как заработки носят чисто случайный характер, и мне с женой и дочерью Марией 9 лет приходится нуждаться, ввиду чего прошу Управление общества помочь к праздникам Пасхи приобрести дочери Марии ботинки, платье и что-либо из белья, так как, повторяю, мои заработки едва достаточны только на пропитание, а уж об одежде и обуви не приходится и рассчитывать. К сему добавляю, что дочь моя Мария учится в еврейской школе, так как русских или других христианских пока нет, и ей необходимо быть чисто и по форме одетой, на что у меня нет никакой возможности, почему и прошу Управление подворьями пойти мне на помощь и оказать соответствующую поддержку.

Иерусалим, 15.4.49. (Подпись)».

Как явствует из резолюции, просителю было выдано 5 фунтов.

Из приведенного прошения видно, с какими трудностями сталкивались русские семьи. Другой пример – это обращение за помощью П. Фатнева от 20 апреля 1949 г. Он был обвинен в убийстве, вернее, нанесении увечий эмигранту из СССР А. Габриели при превышении самообороны. П. Фатнев был судим и в обеих инстанциях оправдан безусловно. Он обратился к

Управлению Общества с просьбой оказать ему единовременную помощь и взять его на службу постоянным рабочим при Управлении подворьями²⁴.

О том, что в Палестине проживают русские люди, советскому руководству было известно. Так, в проекте памятной записки Народного комиссариата иностранных дел посольству Великобритании в мае 1943 г. говорится, что «согласно имеющимся в распоряжении Народного комиссариата данным, в Палестине проживают в настоящее время около 400 советских граждан. Отсутствие в указанной стране советского консульства и невозможность поддержания личного контакта с ближайшим консульским учреждением СССР (генконсульство СССР в Стамбуле) создали такое положение, при котором большинство советских граждан в Палестине не имеет должным образом оформленных документов о совгражданстве»²⁵. Еще в октябре 1941 г. посол СССР в Турции т. Виноградов выдвигал в телеграмме от 04.10.41 предложение об открытии в Палестине советского консульства. На что заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозов ответил, что «постановка этого вопроса по нашей инициативе нам не выгодна, так как англичане могут попросить разрешение на открытие консульства в Баку или во Владивостоке»²⁶.

В 1945 г. представитель Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации майор Семин учел 206 человек, подлежащих репатриации в СССР²⁷. Среди этих людей были и паломники, которые не потеряли надежду вернуться на родину. Но вопрос об их репатриации принял затяжной характер, требовавший разрешения дипломатическим путем. Майор Семин был отозван, а работа по выявлению и репатриации советских граждан была возложена в 1946 г. на посланника в Египте т. Щиборина.

Ситуация на Ближнем Востоке накалялась. На повестке дня мирового сообщества стоял вопрос о будущем Палестины. Отсутствие прямой связи между Русской Палестиной и Россией сохранялось. Война между

арабами и Израилем коснулась и русских, проживавших в Палестине. Из письма одной из монахинь Гефсимании, отправленного в Духов день 1948 г., мы узнаем, что «в первые дни войны между Израилем и арабами погибло 8 русских людей, мужчин и женщин, которые остались в так называемом “Русском дворе”. Их бомбили арабы, приняв их за евреев... Теперь, после ранений и увоза на допрос, вернулось пятеро уцелевших. Все они совершенно разбиты нервно». Спустя несколько дней она пишет: «Сейчас перемирие и обмен пленными. Надеемся и мы выручить своих из Русской миссии, где м. Феофиласт уже умер от ран и еще двое раненых. В богадельне тоже заведующая и одна из старушек ранены. Добиваемся повсюду, но Красный Крест трудно заинтересовать. А за наших русских кто вступится? И за места наши?»²⁸ 14 мая 1948 г. было провозглашено государство Израиль. Палестина была разделена. Разделена оказалась и Русская Палестина. В результате первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Иерусалим стал разделенным пограничным городом.

Сразу после провозглашения государства Израиль СССР признал новое государство де-юре и установил с ним дипломатические отношения. Советское государство и Московская патриархия были признаны израильским правительством владельцами той части русской собственности, которая находилась на территории Израиля. Значительная часть русских владений, монастырей и храмов, расположенных в Восточном Иерусалиме (в том числе в Старом Городе), оказалась на территории, управляемой Иорданией. Они остались в ведении Зарубежной Русской Православной Церкви. С судьбой русского имущества и русских владений неразрывно были связаны судьбы их обитателей – священнослужителей, монахинь, бывших российских граждан, в том числе и русских паломников.

Накануне провозглашения независимости Израиля управляющий подворьями Антипов в панике переселился на Александровские подворья. Опека и охрана Сергиев-

ского подворья были поручены члену Совета, и.о. секретаря Общества В.А. Самарскому, который в 1948 г. в одиночестве остался на подворье. Вскоре на русское подворье в Иерусалим пришли новые арендаторы – представители израильских административных и военных структур. 20 мая 1948 г. израильские власти назначили уполномоченного по делам русского имущества на территории Израиля, в том числе и в Иерусалиме. Им был И. Рабинович. На деле он занимался не столько вопросами самого имущества, сколько проблемами русских, большинство из которых проживало в русских подворьях, а также других русских, приехавших в Палестину и сохранивших связи с русскими учреждениями. Многие еще имели на руках просроченные царские паспорта.

Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем и прибытие советских дипломатов воспринималось представителями сохранившейся, но разделенной русской общины неоднозначно. Дипломаты занимались, прежде всего, вопросами, касающимися отношений между двумя странами. Другой проблемой, которая занимала их, было возвращение русской собственности. Судьба бывших паломников и российских граждан не стояла на повестке дня. Сами русские с трудом могли обращаться в советское консульство, поскольку оно находилось в Тель-Авиве, а большинство русских обитало в Иерусалиме. Следует учесть и тот факт, что все они были пожилыми, нередко больными и нетрудоспособными. Изучая их личные карточки, составленные Самарским в 1949 г., мы видим, что на учете в подворьях, находившихся на территории Израиля, было около 50 русских, из них большинство женщин в возрасте от 65 до 82 лет. Кроме того, зная о статусе Православной церкви в СССР, они достаточно сдержанно отнеслись к новому советскому главе Духовной миссии.

О переезде этих людей на родину не могло идти и речи. Во-первых, состояние их здоровья ставило под сомнение возможность такого переезда. Во-вторых, после

стольких лет разлуки у них не было никакой информации о своих близких в России. В-третьих, они были настолько бедны, что не могли бы осуществить такой переезд. Таким образом, русские паломники, оставшиеся в Палестине после Первой мировой войны, доживали свой век далеко от России и от своих родных и нашли свой последний покой в земле Палестины.

Примечания

¹ *Хитрово В.Н.* Русские паломники Святой земли. Издание Императорского православного Палестинского Общества. С.-Петербург. 1905, с. 29.

² Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), ф. 317, оп. 820/1, д. 657, л. 129 об.

³ АВПРИ, ф. 797, оп. 17, д. 8, л. 1.

⁴ АВПРИ, ф. 317, оп. 820/3, д. 250, л. 11–12.

⁵ Там же, л. 13–15.

⁶ Там же, л. 17.

⁷ Там же, д. 249, л. 4.

⁸ Там же, л. 22.

⁹ Государственный архив Израиля. Ф. 837/2 – П. Письмо Г.Н. Селезнева Управляющему русскими делами в Константинополе Б.С. Серафимову, № 6, от 23 сентября 1919 г.

¹⁰ Государственный архив Израиля. Ф. 837/2 – П. Письмо Б.С. Серафимова Селезневу Г.Н. № 2442 от 3 ноября 1919 г.

¹¹ Там же. Письмо российскому посланнику в Египте от 16 сентября 1919 г.

¹² Государственный архив Израиля. Ф. 837/2 – П.

¹³ Государственный архив Израиля. Ф. 837/2 – П. Состояние имущества ППО после 1-й Мировой войны 06.10.1919 – 02.11.1923. Письмо Г.Н. Селезнева в Управление иностранных дел (без даты).

¹⁴ Государственный архив Израиля. Ф. 839/12 – П.

¹⁵ *Потапов Виктор, протоиерей.* Русская Православная Церковь за границей и судьба Русской Палестины: 1921–1948 гг. // <http://rp.orthost.ru/ipro/gr/1>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959, с. 43–44.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 201, л. 25.

¹⁹ Государственный архив Израиля. Ф. 837/7 – П. Дневник кассы Управления подворьями ППО 01.06.40 – 31.05.41. Л. 3. Помощь бедным.

²⁰ Там же, ф. 839/11 – П.

²¹ Там же, ф. 839/12 – П. Выдача пособий V–VIII. 1937.

²² Там же, ф. 839/11 – П.

²³ Там же.

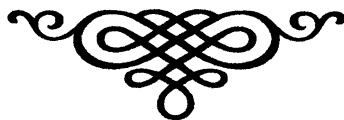
²⁴ Там же.

²⁵ АВП РФ, ф. 0118, оп. 6, п. 3, д. 1, л. 4–5 // Советско-израильские отношения. Сборник документов. Том 1, 1941–1953. Книга 1, 1941 – май 1949. М., 2000, с. 73.

²⁶ Там же.

²⁷ Трагедия Русской духовной миссии в Палестине (письмо из Гефсимании) // <http://rp.orthost.ru/rdm/ra/4>

²⁸ Там же.

Н.Л. Крылова

ДЕТСТВО МЕЖДУ БАРАКАМИ И ЦЕРКОВЬЮ

Из тунисских воспоминаний Никиты Шполянского

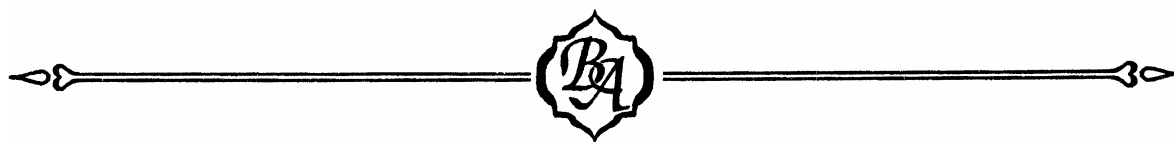
Для Никиты Ростиславовича Шполянского тунисский период жизни начался, когда ему исполнилось шесть лет. В 1944 г. семья Шполянских с годовалым ребенком на руках вслед за отступающей немецкой армией покинула родную Латвию¹. Для нее началась бесконечная цепь перемещений из одного беженского лагеря к другому, все дальше, на юго-запад, через Германию и «холодную, горную и лесистую Австрию»². Лишь спустя пять лет, весной 1949 г., мытарства семьи закончились в Тунисе, где отцу Никиты предложили работу по контракту и где Шполянские прожили восемь лет, а затем переехали в Алжир.

Семья Шполянских оказалась в Тунисе в период, когда русская колония, по данным газеты «Русская мысль», насчитывала порядка 900 человек. Она уже не была чуждым элементом для аборигенов, «завоевала самое дружеское расположение туземного населения и ныне пользуется большим уважением в стране»³. В тот, послевоенный, период жизнь русских колонистов, попавших в Тунис в основном на борту кораблей Черноморской эскадры в начале 1921 г., оставалась еще довольно оживленной. Главным образом – благодаря ее духовно-религиозной составляющей: возрождению приходской жизни в храме Александра Невского в Бизерте после его реставрации (1949 г.), всенародно объявленному в то же время сбору средств на возведение церкви Воскресения Христова в Тунисе.

Одновременно это был и неоднозначный период в жизни общины, когда возросшие патриотические чувства вызвали переоценку отношений представителей белой эмиграции к Советской России, героически сражавшейся и победившей во Второй мировой войне, период, который тунисский ис-

следователь Х. Каздаглы назовет «пересмотром русскими Туниса собственной национальной идентичности»⁴. В эти годы местный православный священник о. Николай Афанасьев организовал сбор средств в помощь СССР и в пользу Красной Армии. Появлению просоветских настроений в немалой степени способствовала и открывшаяся русским эмигрантам возможность оформления советского гражданства и последовавшая за этим организация новой русской ассоциации политического толка – Союза патриотов СССР («Был такой у нас Пилипенко, он организовал этот союз, а это, конечно, отразилось на настроениях в русской общине, начались серьезные разногласия политического, идеологического свойства»⁵). А еще – акция сотрудника Посольства СССР в Алжире по выдаче первых советских паспортов русским эмигрантам в Тунисе. Позже послевоенный ажиотаж русской диаспоры вокруг событий на их исторической родине начал спадать, чему во многом способствовала деятельность нового священника, о. Феодосия (в миру Бориса Трушевича). Церковная жизнь русских вошла в свое «нормальное» русло, число прихожан росло, переставая приносить неудобства как властям, так и самим русским Туниса⁶.

Маленький Никита Шполянский не был свидетелем бомбардировок Туниса, но он застал еще разрушенную осенью 1942 г. Бизерту с сильно пострадавшим от бомбардировок храмом Александра Невского, а затем был очевидцем всех этапов возведения русскими эмигрантами церкви Воскресения Христова в столице страны. Разрешение на строительство церкви было получено в 1953 г., тогда же был заложен первый камень в ее фундамент, а в 1956 г. состоялось торжественное освящение храма. Юному

Никите Шполянскому посчастливилось застать в послевоенном Тунисе еще единое национально-культурное и религиозное сообщество наших соотечественников. Воспоминания Никиты Шполянского наполнены картинками оживленной жизни русского прихода конца 1940-х годов (его самого «забрали в прислужники: когда в приходе был архиерей, я (Н. Шполянский. – Н.К.) служил жезлоносцем»⁷), поскольку родители, особенно мать, были глубоко преданы православной церкви. Зафиксированные свидетельства, возможно, не всегда четки и точны историко-хронологически (что вполне допустимо для воспоминаний детства), но в целом отчетливо воспроизводят канву жизни мальчика-эмигранта на фоне основных событий середины прошлого века в Тунисе.

Вторая мировая война для русской эмиграции первой волны тесно связана с появлением в их уже как-то более или менее организованной жизни на чужбине нового поколения русских – так называемых «перемещенных лиц». Отношение к этим людям было очень разным, что объяснялось множеством причин историко-культурного свойства, социальными характеристиками участников этих взаимоотношений, патристическими импульсами.

Несмотря на кочевое детство, постоянные переезды, частую смену крова и ландшафта – природного, социального, культурного – воспоминания Н.Р. Шполянского ярко и последовательно воспроизводят полотно именно африканского периода жизни его семьи. Свои впечатления о жизни в Тунисе Никита Ростиславович в основном изложил в своем эссе «28 лет спустя. Новая волна», вошедшем в сборник «Русская колония в Тунисе. 1920–2000».

Ниже приводятся два текста, специально подготовленные Шполянским для нашей статьи весной 2010 г. и весной 2011 г. в Париже. И в этом новом ракурсе его воспоминания (отчасти – что совершенно естественно – перекликающиеся с уже опубликованными) выгодно отличаются скрупулезностью и тщательной отделкой информации, обеспеченной как цепкой детской памятью

и наблюдательностью, так и искренней и нескрываемой любовью подростка к природе принявшего его края, к творчеству.

Часть первая.

Дом и соседи вокруг Матильдевилля

Мы приехали в Тунис в апреле 1949 г., с родителями и бабушкой Евгенией. Отвели нам квартирку в три комнаты в бараке бывшего лагеря военнопленных в местечке Матильдевилль, на южном выезде из Туниса, на шоссе в Загуанн⁸. Дали нам четыре кровати, ведро, миску и кувшин из гальванизированной жести...

В нашем длинном бараке жило десяток семей, беженцев, как и мы. Там с нами жили семья греков Ставро, венгерцы Варга, венгерцы Юхатз (их отец был инженер, с четырьмя дочками, моими подругами – Мартой, Хугги, Марией и Маргаритой, младшей), семья югославов Зуппанс со взрослыми детьми Карлом и Каролиной, семья поляков Томашевских, у которых сын Бертран никогда не выходил из дому, и каждый день родители секли его. Были и русские соседи, Самохотовы, без детей, он – мастер на все руки, электрик, механик. Был и холостой сосед, Евгений Иванович Грохольский, токарь и тоже мастер на все руки: сапожник, повар, водопроводчик, садовник и т.д. О нем я еще немного расскажу позже. И еще муж и жена Выверковские. Вот весь наш барак, и в нем мне жилось неплохо. Вокруг барака уже росли деревья, и по земле стелилось странное растение, у которого листья и стебли треугольного сечения и наполнены соком, как огурчики. Летом оно цветет, как лотосы. Повсюду росли колючки типа дикого артишока, в человеческий рост. Сам цветок съедобный, если удалить колючки: с товарищами мы часто этим лакомились. В зарослях этих колючек я любил проделывать туннели и в них прятаться.

За восемь лет нашего присутствия здесь моя бабушка Евгения развела вокруг дома пышный сад, с фруктовыми деревьями, частично высеваемый самостоятельно, из выплунутых косточек. Там росли и давали

плоды абрикосы, персики, сливы, разные сорта винограда, миндаль, герани, «ночные красавицы»⁹, вьюнок, душистый горошек, капюсины¹⁰ и другие цветы и плоды. Бабушка была по профессии домашняя учительница. Она меня и научила русскому «правописанию», географии и русской истории. По найденным мною ее письмам знаю, что она не осталась с мужем в Риге, потому что он к ней относился несправедливо и презрительно. Она любила рисовать, любила поэзию. От нее мне остались несколько тетрадок со вклейками русских стихотворений из «Календаря русского инвалида» и записями вроде дневника или семейной хроники. На школьный праздник, который устраивался в конце года, она рисовала и мне давала рисовать обложки для программ этого вечера. Она меня научила вышивать крестиком, и под ее руководством я сделал подушечку для иголок, с двумя вышитыми фигурками «крестьян» и петушков...

В наших квартирах не было уборных: это оборудование было организовано в соседнем бараке, где было шесть кабин. Вначале не было проточной воды: ходили с ведрами за водой к единственному крану возле уборных. Потом водопровод провели во все квартиры. Тогда закрыли общий кран на улице, возле уборных, куда тоже приезжали арабы, из соседнего поселка, и наполняли свои глиняные гаргулэты¹¹, привязанные на спины ослов. Арабы этот кран периодически отвинчивали, чтобы получать воду. И не раз были из-за этого драки. Также долго не было электричества: освещались керосиновыми лампами. Когда появилось электричество, то оно сначала было бесплатное, потом нам поставили счетчики. Помню, как отец делал проводку электричества в квартире, в картонно-жестяных трубках.

Климат в Тунисе сравнительно теплый, зимой вот только идет дождь проливной и очень редко выпадает жалкий снежок. Дожди уносят землю со склонов, и она оседает и закупоривает канализацию. Каждый год, зимой, бывают наводнения, так как отсутствовали водохранилища, которые могли бы вбирать этот избыток воды.

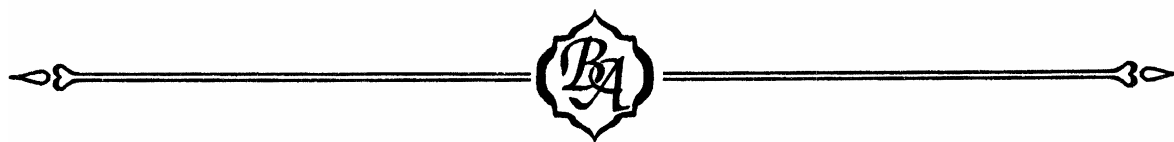
Отапливались керосиновыми печурками «дэмон»¹², и этого хватало для совсем неизолированной квартиры, где потолок был из картона толщиной в один сантиметр! Летом духота, жара в 40°C в тени. Жестяная крыша, накалившая днем на солнце, ночью продолжает греть комнаты, заснуть невозможно! К тому еще присасывались комары! Отец решил «улучшить» это состояние дел и нарезал ворох колючих стеблей дикого артишока. Мы его подняли на крышу и расстелили более-менее регулярным слоем по жести, привязали проволокой, на удивление соседей. Эта импровизированная изоляция мало изменила микроклимат квартиры, потому что чердак был общим: горячий воздух распространялся по всей длине чердаков барака.

На другом конце барака венгры построили на дворе глиняную печь. Там собирались все хозяйки и пекли разные народные выпечки, мама пекла крендели на именины...

Как только погода становилась потеплее, мы снимали туфли и ходили босиком, несмотря на всякие колючие растения. Почти каждый вечер после умывания ног я вынимал занозы из ступней, но зато выработался рефлекс: все время следить, кудаставишь ноги, когда идешь пешком...

В соседних бараках жили бедные сицилианцы, евреи, югославы. Сицилианцев было большинство. Так я научился одновременно французскому и итальянскому языкам. С арабами у меня было меньше контактов: по-арабски я запомнил несколько выражений и... ругань. Сицилианцы были очень вспыльчивыми, ссорились из-за пустяков. А когда наставала жара, то, по-видимому, их терпимость совсем исчезала: в жару у них часто бывали драки.

В наше «село» весь год приезжали всякие торговцы, мастера, музыканты. Приходил дед с бубном и что-то припевал. Приезжал пекарь на тележке. На ослике приходили арабы и привозили яйца. Приходили торговцы всевозможных фруктов и овощей, толкая перед собой двухколесную тележку, переполненную товаром. Ходил слесарь: он

носил в маленькой жаровне паяльник на углях и по заказу запаивал дырявые проржавленные кастрюли и прочие железные сосуды. Я всегда с любопытством смотрел, как он работает. Приходил старьевщик и скупал старую одежду, за копейки. Он выкрикивал: «Робба веккиа! Робба веккиа!» Ходили торговцы семечками или ягодами. Это для нас, детишек, было самым привлекательным товаром, когда в кармане отыскивалась монетка в пять сантимов. Они выкрикивали: «Сименса, глибетт, какаует, пуа шии»¹³ и несли на голове короб с дивным, желанным, вкусным лакомством. Летом привозили лед в изолированной кабине, на телеге с двумя лошадками. Лед продавался на вес: торговец отсекал по заказу кусок льдины, и каждый уносил спешно этот «кусочек холода» к себе в ящик-ледник.

Зимой привозили керосин в цистерне на колесах, которую тянула лошадка. Керосин продавался из ведра, измерялся объем и вливался в какую-нибудь канистру.

Иногда проходила женщина-гадалка и тоже выкрикивала одну и ту же непонятную арабскую фразу: «Ха ли тагедзах, ха ли тагедзах».

Меня записали в первую школу в соседнем поселке Бельвю (*эколь премьер де Бельвю*)¹⁴. То не была самая близкая к дому школа, но ее посещали в большинстве своем французские дети, и там уровень учебы был выше. Туда я доходил за 35 минут. В первые годы отец нанял араба Тахара и тот меня носил в школу на плечах! Когда я подрос, то ходил самостоятельно, а в последний год даже ездил туда на велосипеде.

Мне не удавалась французская грамматика с орфографией, и отец попросил помощи у знакомых русских, у семьи Воробьевых-Городниченко. Там их бабушка, мама и дочка Ольга мне давали уроки грамматики «сверхурочно», но до сих пор я неумело пишу по-французски!

В конце года всегда был школьный праздник и спектакль, к которому каждый класс готовился весь год: учили песни и готовили театральные выступления. Помню, как играл роль «станционного зрителя»,

а другой раз «поваренка». На этом вечере также выдавали призы лучшим ученикам.

В последнем классе со мной случился травмирующий случай: каждую неделю, по четвергам, мы всем классом выходили на полдня на свежий воздух, на природу, вблизи школы, на холмы и луга. На сей раз мы остановились неподалеку от школы, на лугу, где паслось стадо баранов. За ними следили мальчишки-арабы, с которыми я был знаком. Они сидели в тени там же, где играли ученики моего класса. Я к ним присоединился и сел возле них, снял сандалии (было уже довольно жарко). Почему-то это возмутило мою учительницу, и она меня привела к директору школы с претензиями касательно моих босых ног! Директор мне велел в наказание стоять босиком под стеной, во дворе школы, на виду у всех, с сандалиями, повешенными вокруг шеи. Я чувствовал себя сильно униженным, а главное, не за что...

Наши отношения с соседями были мирные, но в гости друг к другу мы не ходили. Венгерцы Юхатзы мне одалживали иллюстрированные книжки: Пиноккио, сказки Грима, католический журнал «Бернадетт» для детей.

В школу Бельвю я ходил с дочками Юхатз, но возвращался всегда один, по своим любимым закоулкам: я шнырял повсюду и знал все местные европейские поселки и арабские аулы. Иногда заходил к товарищам арабам: у них гостеприимство – это не сказка: меня всегда принимали как почетного гостя. Когда мама-арабка пекла хлеб, она обязательно мне давала плюшку душистого хлеба «хобз табуна». Это я вспоминаю не без эмоций, так как арабы были все бедные и щедрые для тех, кто с ними дружил. *Хобз табуна* печется в домашней самодельной глиняной полусферической печи. Печь накаляется древесным костром, и лепешки теста размером в две ладони налепляются изнутри на свод печи. Когда они отлепятся и падают, то они готовы к употреблению. Хлеб пахнет так приятно оливковым маслом и копотью!..

Бельвю – это значит «красивый вид» по-французски. Этот поселок находился на

холме, и оттуда был славный вид на г. Тунис и на залив. Я часто возвращался из школы после уроков вдоль самого хребта этого холма Джебел Карубба; на другом склоне была каменоломня, и разработки дошли до самой вершины холма. Там начинался отвесный утес. Лунный грандиозный пейзаж с видом на Бен Арус¹⁵, на цементный завод и вдаль на залив, а в глубине виднелся вулкан Бу Курнин. Я ходил всегда один, там никого не встречалось. Это был мой мир: ветерок дует с моря, поют жаворонки в небе, а в бездне тарахтят бурильные установки. Когда посчастливится, то бывают взрывы мин и осыпается целый склон скалистого грунта.

Иной раз, по той же тропинке, но уже на другом склоне, на краю арабского аула, я заходил на дубильный завод, где отделявали бараньи и коровьи шкуры. Меня никогда никто не прогонял, а, наоборот, принимали с удивленной улыбкой. Шкуры сложены в громадных каменных бассейнах, в каком-то млекообразном растворе. В другом месте рабочие арабы скоблят бараньи шкуры, удаляют остатки мяса с внутренней, сырой, стороны шкуры. Они работают перед верстаком, на котором висит шкура. И скоблят большим ножом с двумя рукоятками.

Домой я приходил всегда намного позже соседских детей, но пополнял по дороге «знания» по моему вкусу.

На самом коротком пути в школу был винный завод: там, в громадных цистернах, созревало вино, а в соседнем цеху делали деревянные бочки. Я не раз наблюдал за этой работой.

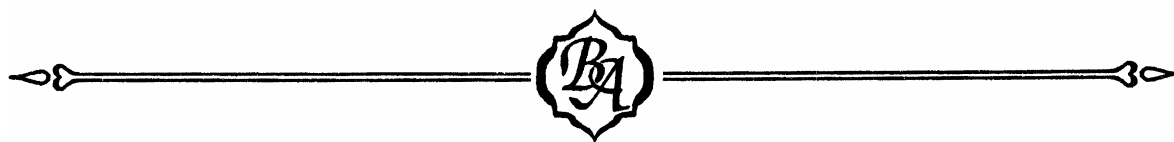
Евгений Иванович Грохольский жил возле нас, в соседней комнате. Это был очень живописный человек: мастер на все руки, по профессии токарь, едва говорящий по-французски. Он не любил моего присутствия и меня прогонял, когда я подкрадывался и смотрел в открытую дверь. Иногда злобно, а иногда шутя. Дома он часто чинил обувь или что-то шил из кожи. Для отца он так сшил большой портфель. А меня он гнал и говорил: «Уходи, ты меня сглазишь!» Он жил в своих воспоминаниях: когда я тайком за ним наблюдал, то видел, как он о чем-то

бормотал и усмехался, иногда мне казалось, что я слышу имя какой-то таинственной женщины... Через пару лет Евгений Иванович уехал на другую работу, на стекольный завод в Сауафф. Время от времени он приезжал в отпуск и привозил моим родителям в подарок связку кур! Он их разводил там, на заводе, в тунизийской глуши...

Супруги Самохотовы тоже были нашими самыми близкими соседями. Фелонила Карповна, жена Самохотова, меня баловала: как испечет какое-нибудь лакомство – крендель или торт, или баклажанную икру – то обязательно мне даст кусочек! А ее муж, Вадим Васильевич, мне просто казался волшебником: у него был аппарат «вольтметр», он им мог измерить напряжение аж до 1000 вольт! Можете себе представить, как это меня потрясало?! Еще у него был «трансформатор» со многими выходами с разным напряжением – от 120 вольт до 6-ти. Это было волшебство! Но и это не все: он – единственный среди наших жителей-эмигрантов, который дерзнул купить автомобиль, сам его отремонтировал и сам научился им управлять! С ним и Грохольским на этой невероятной машине «Рено» мы поехали на зиморье, в Гамарт.

Моими лучшими тунисскими товарищами были Джузеппе и Роберто Франчезе. Они принадлежали многочисленной семье (только детей 12 душ!) соседей-сицилианцев. Отец был художник-декоратор. Жили они в соседнем полуцилиндрическом бараке, в двух комнатах. Они были самые бедные из всех нас. Тем не менее их мама не раз меня приглашала на ужин. На ужин они ели только макароны и малость хлеба. А отец запивал все это вином.

Моя бабушка нанимала Роберто как помощника в саду: он ей выкапывал камни там, где она делала новую клумбу. Иногда мама им отдавала мое белье, из которого я уже вырос. А с Джузеппе у нас были разные игры, игры, связанные с сезоном, то есть зимние и летние игры. И это, как мне кажется, требует отдельного рассказа. Мы, как всякие дети, нуждались в играх и игрушках, а поскольку их у нас не было да и быть не

могло из-за бедности наших семей, мы все это создавали сами.

Париж, апрель – май 2010 г.

Часть вторая.

Детская технология

Мы, дети, наверное, были очень бедны, но этого не осознавали: голодным я сам никогда не бывал, и наше детское творчество не прекращалось. Наши игры постоянно требовали от нас изобретательности и мастерства. Многие для игр я строил сам или видел, как это делают мои товарищи. В редких случаях кто-то покупал сырье или отдельные детали, но чаще всего мы их собирали сами или крали, если было очень нужно...

Так, охотничий инстинкт проявляется у мальчишек очень рано (он, возможно, в нас всегда есть). Мы ловили птиц и для этого «варили» липучку из резиновой воздушной камеры велосипеда, которую поджигали, и капающий коптящий резиновый сок собирали в какую-нибудь скорлупу. Затем этим клеем намазывали веточки, на которых разные птички, приманиваемые рассыпанными зернами, садились раз и навсегда. Они прилипали и улететь уже не могли. Тогда мы их снимали с веток и сажали в самодельные клетки.

Мы строили всякое оборудование и оружие, чтобы ловить птиц и стрелять, во все стороны (редко в самих птичек; птичка в клетке – это было для ублажения ее пением, ведь это так просто и изумительно красиво – пение пичужки весной). Под руководством подростков мы строили клетки простые и двойные, клетки-ловушки. В них нижний этаж был как простая клетка, а в верхнем этаже, в потолке, была дверца с механизмом, придерживавшим ее открытой, пока птичка не клюнет внутреннюю кормушку. Тогда дверца захлопывается. Птичка поймана!

Или еще: кто-то из нас находил на берегу моря, у рыбаков, сети. Мы их подрезали так, чтобы форма походила на четырех-

угольник. Затем точили колья из камыша. Где-то находили веревочки из шпагата и привязывали сеть по углам. Когда сооружение было готово (это могло длиться несколько дней, пока не соберем весь таке-лаж), вся наша банда с энтузиазмом шла в далекое поле, где и натягивалась сетка. Подсыпали зернышки и, притаившись, ждали с трепетом. Воробьи очень скоро находили зерно. А мы на них сбрасывали сетку... и т.д.

И, конечно, почти каждый носил с собой рогатку, как свое оружие, вместе с ножиком. Обычно саму рогатину срезали с какого-нибудь оливкового дерева (предпочтительно самую симметричную). Еще нужен был кусок кожи для ушек и для самого кармана, куда закладывается «пуля». И самое главное: хорошую пару резинок. Самая лучшая резина была серая, с квадратным сечением. Но и красная резина от автомобильной воздушной камеры тоже подходила. Стреляли по чем попало, редко использовали для охоты. Чаще для стрельбы в цель: по котам и собакам, по фонарям, по изоляторам на столбах. По птицам гораздо реже.

Развлекались изготовлением пращи. Она делалась из веревки толщиной в мизинец и кожи для кармана. Концы заплетены: на одном – петля, на другом – утолщение. Посередине, на уровне кармана, веревка разделялась на три шнурка, на которых пришит кожаный карман. Однако праща служила больше пастухам, они с удивительной точностью могли запустить камень величиной с кулак в корову в 100 шагах.

Постоянными спутниками игр были стрелы, лук, копья. Лук делался из оливковой или пальмовой ветки. Срезались побочные веточки. Вырезалось горлышко на толстом конце, чтобы придержать тетиву, натягивалась тетива – и лук готов. Стрелы делались из лучинок, остроганных, или из тонкого тростника. Делали набалдашник на одном конце из смолы, которой покрывались крыши местных домов. Смолу расплавляли в консервной жестянке и туда макали концы стрел. На другом конце стрелы делали оперение из куриных перьев и вырезали лож-

бинку для опоры тетивы. Стрельба делалась в какую-то цель, но никогда не служила для охоты. Гавайское копье делали уже позже, из рукоятки метлы, длиной в один метр. Оперение делалось из картона. Острие из жести. На заднем конце вырезали ложбинку для захвата веревочки, с помощью которой выбрасывается это копье. Благодаря этой веревочке запуск копья удивительно мощным получался...

В своих играх мы использовали все, что катится. Например, превращали в обруч велосипедное брошенное колесо, что, правда, в то время было редкостью в Тунисе. Вынимали втулку и спицы. Из толстой проволоки делали вилку, чтобы толкать и направлять обруч. Бывало, что обручем служила и простая автомобильная шина.

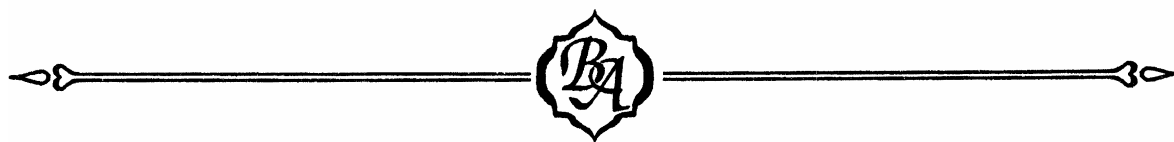
Еще мы сооружали управляемый вездеход. Его колеса делались из жестяных крышек от консервных банок. Они прикреплялись гвоздем на деревянную ось. К середине оси приделывалась штанга от руля. Этим рулем и можно было направлять колеса вездехода.

Одним из самых наших привлекательных изделий была тележка на подшипниках. Оно требовало долгих приготовлений и часто ломалось. Руль был самой хрупкой частью. На этих тележках мы бешено ездили по покатым улицам, по дорогам и даже дома по комнатам. Это было опьянение от меткости, шума и скорости. Бывали даже гонки. Но самокат считался еще классом выше: достать железки для шарнира руля было довольно трудно. Но потом какое удовольствие! Набор подшипников и шарнир для самоката считались очень ценными товарами среди детей. Однако собственно велосипед не был широко распространен в то время в Тунисе, это даже была редкость. Мне его подарил Олег, сын Елизаветы Яковлевой Никитиной, той, что пела в хоре, в церкви. Но велосипед был слишком велик для меня: рама для взрослого, а мне было всего 10 лет. Поэтому я научился ездить на наемных велосипедах, поменьше. При этом, когда едешь на велo и тебе 10 лет, то хочется, чтобы этот зверь шумел, рычал и т. д. Мы по-

этому приделывали спереди к рулю пачку картона, зажатую щипцами для белья. При движении картон в контакте со спицами колесá хрипел, свистел, и нас было слышно на всю улицу. Наши «велo» были разнообразными, залатанными, но очень живописными: мы их красили по-профессиональному, пульверизаторами, которые обычно служили для борьбы с комарами. Каждый вечер перед сном мама шикала по всей квартире пахучим керосином «Флайтокс» и для этого употребляла портативный пульверизатор с резервуаром. А мы вместо ядовитого «Флайтокса» туда вливали не менее ядовитую краску с растворителем. Наши «велo» потом были как новенькие!

Я вспоминаю, что потребностям в разного рода играх и изобретениях для них не было предела. В ход шли все подручные материалы, даже растительные. Так, для изготовления запруды нашим запасом трубопроводов была... тыква: у тыквы стебли полые, и мы их срезали, где можно, и по этим трубочкам проводили воду, из лужи в лужу, от запруды в запруду.

В своих развлечениях мы использовали и «летающие объекты». Змеи делались из плотной оберточной бумаги, которую натягивали на крестовину – рамку, сделанную из тростника, расколотого пополам, и по периферии которого натянут был шпагат. Хвост в два метра длиной был сделан из шнура, на который навязывались смятые бумажные ленточки. Хвост кончался каким-то грузом (камнем в форме яйца). Змей мы запускали одного над другим, и так просиживали по полдня под синим небом. Иногда отправляли «телеграмму» вдоль шнура: округленный листок бумаги с дыркой в центре. Ветер «телеграмму» возносил от нас до самого змея, там, на высоте. Бывало, при очень сильном ветре или по неосторожности змей (точнее, моток шнура) вырывался у нас из рук, и змей улетал с ветром: его было не догнать. А вот для создания вертолета нужно было иметь деревянную катушку, толстый гвоздь для оси, деревянную рукоятку и кусок жести для пропеллера. Два гвоздика. И веревочку. Вырезался пропеллер из жести консерв-

ной банки. В катушку вонзались два гвоздика. Толстый гвоздь служил осью для катушки, которая крутится свободно на нем. Пропеллер надевался на гвоздики, торчащие из катушки. На катушку наматывался шнурок. Если дернуть за шнурок, пропеллер взлетал на высоту четырехэтажного дома. Это было чисто мое собственное изобретение.

Однажды мне подарили игру «Меккано», состоящую из всевозможных металлических жестяных частей: реек, пластинок, осей, колесиков, зажимов, блоков и т.д., которые можно всячески связывать болтиками. Это было настоящим счастьем! Я построил ветряк, главной частью которого была динамо с фонариком. Я установил ветряк у нас на крыше барака. Когда дул сильный ветер, лампочка зажигалась.

Еще мы играли в *дзыгу*, это волчок, который запускается с силой, при помощи шнурка, плотно намотанного вокруг волчка. Его бросают с силой, как камень, на землю. Шнурок заставляет волчок крутиться при разматывании. Игра состоит в попытке расколоть волчок противника острием, вокруг которого вращается волчок. Играли в стеклянные шарики, размером в маленький орешек, в абрикосовые косточки: от стенки, по перпендикулярной линии ставят ряд стопок из четырех косточек. Каждый игрок ставит то же количество стопок. Затем по очереди каждый игрок бросает от черты в трех метрах свою косточку, наполненную свинцом, так, чтобы сбить самую ближайшую стопку. Если удачно собьет, то он собирает все оставшиеся стопки до стены.

Летом, когда цветет мальва, мы собирали пучок листьев мальвы и связывали этот букет очень тесно. Он нам служил для игры в помпон. Соревновались так: подбрасывали его ногой, подряд, и считали удары, кто дольше всего будет его подбрасывать, не уронив на землю. А зимой мы себе делали «вязальщик» из катушки и нескольких гвоздей. У мамы просили клубки шерстяной разноцветной нитки. И долгими часами вязали шерстяной разноцветный шнурок. Потом мне мама из этого шнурка сшила скуфью, такую теплую и пеструю.

И так проходили часы и дни. И, конечно, играли в футбол. Лазили по редким деревьям и по фермам барачков шестиметровой высоты, влезали на дома.

А один из моих тунисских товарищей соорудил портативное кино: в картонной коробке вырезал окошко. Из какого-то журнала комиксов повырезал ленты комиксов и, слепив их подряд, сделал что-то вроде фильма. Фильм он закрутил на ось, которая пронизывала коробочку «кино». Затем он нам показывал последний фильм и брал за это 5 сантимов! (цена одного фунта семечек).

В Тунисе лето очень жаркое: Роберто изобрел рубанок, чтобы делать «*джелати*», то есть мороженное. Он этим рубанком стругал лед и нам его продавал в какой-то чашечке, опрысканный клубничным сиропом, за пару сантимов.

Однажды к нам в лагерь приехали итальянцы и привезли сицилианских марионеток. Собрали детей в темную комнату и стали показывать спектакль про рыцаря Ролана де Ронсевё. Эти марионетки двигались не веревочками, как обычно, а двумя стальными стержнями, и спектакль состоял из многих битв, где рыцари безжалостно рубились и кричали. Этот эпический сказ нас, детей, поразил, и мы после этого месяцами воспроизводили эти «бои» и строили рыцарей, уже по-своему: из дерева и жести...

В те времена родители много курили. Мама курила папиросы марки «Кравен», с удивительно чарующим благоуханием! Я тоже захотел закурить. Мама мне не запретила. Вот я и пошел себе делать люльку, как у казаков: отпилил брусок соснового дерева, просверлил его как следует, на остове грузовика отломал кусок медной трубочки от подачи горячего и собрал самую невероятную люльку. А само курево, табак, махорку — где ее взять? Я знал, что в Тунисе мальчишки собирают окурки на улицах и в автобусах и продают извлеченный из них табак. Так я и сделал: пошел на стоянку автобуса, собрал окурки, вылушил нужное мне количество табака, самого крепкого, и запалил первый заряд! После нескольких затяжек закашлялся, но потом как-то приспособился и запалил

второй и третий заряды. Потом почувствовал странное, необыкновенное головокружение, тошноту, мигрень. Меня всю ночь тошнило и мутило. На следующий день я окончательно вылечился от курения, на всю жизнь. Спасибо тебе, мама!

Родители были очень привязаны к русской православной церкви, они каждую субботу и воскресенье бывали в русской церкви в Тунисе, в арабской части города. Это не было короткой прогулкой: туда пешком, на трамвае и троллейбусом нужно было добираться более полутора часов. А я – нехотя – должен был прислуживать в алтаре. Когда в Тунисе бывал епископ, то я ему служил как жезлоносец. А родители – оба – пели в хоре. По четвергам, когда свободный от школьных занятий день, я ходил на уроки «Закона Божия» под руководством священника того времени (иногда это был Владыка о. Нафанаил или о. Митрофан). В доме, где жил священник, в Монфлери, я встречался с русскими детьми¹⁶. Нас возили по римским развалинам и катакомбам, но это был единственный случай возможных контактов с русскими моего возраста. Родители иногда принимали русских гостей, но в основном бездетных. Так что у меня не сложились отношения с русскими детьми в Тунисе.

Единственную попытку как бы соединить детей сделал Виктор Бенедиктович Скульский. Он жил в Бизерте, работал в арсенале Ферривилль. Был человеком спортивным, атлетическим. И еще поэтом. Каждое лето он отправлялся во Францию, в лагерь витезев. Одним летом он собрал пять детей и организовал поездку к витезев в Ла Напуль, возле Канн.

На следующий год он организовал «лагерь» уже в самой Бизерте, в своем доме. Нас там было четверо: Ксения, его дочь, Коля Гозер и его сестра, и я. Ходили купаться в клуб «Нотик», ездили на велосипедах за канал в лес Руммель, где собирали грибы, лазили под соснами, а потом грибы квасили. Он нас даже водил на бизертскую «корниш»¹⁷, где скалистый живописный морской берег. Там, впервые в жизни, я увидел такие плюшки асфальта¹⁸, сбитые волнами от ка-

кого-то морского нефтяного загрязнения: мы купались, но, выходя из воды, увидели, что наши ступни все залепились густым черным мазутом.

Париж, март 2011 г.

Детские воспоминания Н.Р. Шполянского о жизни в Тунисе на этом заканчиваются. Представив их, мы выполнили поставленную задачу – иллюстрировать подлинными авторскими текстами своеобразие и особенности социализации индивида в социально-исторической ситуации, определяемой как эмиграция в Африку. Тем не менее законы жанра требуют соответствующего ему финала. Поэтому мы обратились к словам Н.Р. Шполянского, которыми он завершает свои воспоминания, опубликованные в сборнике «Русская колония в Тунисе», и которые удивительным образом созвучны духу и настроению данных текстов. «Восемь лет детства провел я под тунисским солнцем. Живя в скромном бараке, дружа с босяками и прислуживая православной церкви. Тунис! Ты мой родной город... Люблю твоих людей. Твою жару, грязь и пыль, море, изобилие плодов, искренность и дружбу...»¹⁹.

Примечания

¹ В опубликованных воспоминаниях Н.Р. Шполянский рассказывает о своих предках: «Шполянские были землевладельцами из-под Киева. Дед Леонтий, агроинженер, в 20-х годах переселился из Киева в Латвию, где у него было владение в Латгалии... Дед представлял крестьянскую партию и был не раз избран в депутаты. Он отказался покинуть Латвию и прожил там всю остальную свою жизнь... Мой отец Ростислав Шполянский закончил в Риге инженерный политехникум как инженер-строитель, а мать Рената Оскаровна после гимназии сдала диплом модистки и открыла швейную мастерскую женской моды. Они поженились, и в 1943 году у них родился сын, которого назвали Никитой». (См.: *Шполянский Н.Р.* 28 лет спустя. Новая волна //

Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник. М., 2008. С. 218.

² Шполянский Н.Р. Указ. соч. С. 218.

³ «Русская мысль» от 3 июня 1949 г. С. 9. М. Панова в своей книге предполагает, что число русских в Тунисе того периода несколько завышено (см.: Панова М. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны». М., 2008. С. 133.

⁴ «Rawafid revue universitaire de Tunis»/ 1997, № 36. Р. 55.

⁵ Из интервью А.А. Манштейн-Ширинской (Тунис, Бизерта, июнь 2007 г.). Есть информация о создании активистом русской диаспоры Пилипенко ассоциации политического толка под названием «Союз патриотов СССР» («Union des Patriotes de l'U.R.S.S.») (См.: Панова М. Указ. соч. С. 165). Однако у К.В.Махрова в «Библиографическом справочнике» к сборнику «Русская колония в Тунисе» другая информация об общественной деятельности Пилипенко: «Пилипенко Николай Владимирович, лейтенант флота, в Бизерту прибыл с Русской эскадрой на миноносце “Дерзкий”... Был членом Союза ветеранов войны и Союза взаимопомощи русских эмигрантов» (С. 332). Данных о создании им Союза патриотов СССР у К.В. Махрова нет.

⁶ Панова М. Указ. соч. С. 168.

⁷ Шполянский Н.Р. Указ. соч. С. 223.

⁸ Город, из которого ведет акведук римских времен. Примерно в 30 км от г. Туниса (прим. Н.Р. Шполянского).

⁹ Цветы, раскрывающиеся только ночью (прим. Н.Р. Шполянского).

¹⁰ Местное однолетнее растение без запаха (прим. Н.Р. Шполянского).

¹¹ Сосуды для перевозки воды (прим. Н.Р. Шполянского).

¹² Печурка с фитилем посередине, сконструированная по принципу керосиновой лампы (прим. Н.Р. Шполянского).

¹³ «Семечки подсолнечные, семечки тыквенные подсоленные, арахис, горох» (смесь арабского с итальянским языком. Прим. Н.Р. Шполянского).

¹⁴ В эту школу ходила раньше и Ольга Городниченко-Каминад (прим. Н.Р. Шполянского).

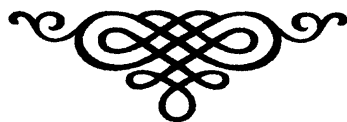
¹⁵ Поселок с цементным заводом. Кажется, одно время там работал отец Ольги Городниченко-Каминад (прим. Н.Р. Шполянского).

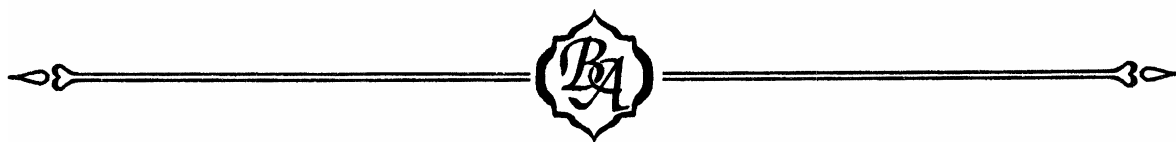
¹⁶ Возможно, с Потапьевыми или Пиловицкими (прим. Н.Р. Шполянского).

¹⁷ Местное взморье (прим. Н.Р. Шполянского).

¹⁸ Сгустки застывшего гудрона (прим. Н.Р. Шполянского).

¹⁹ Шполянский Н.Р. Указ. соч. С. 225.

В.В. Беляков

ВСТРЕЧИ С НАСЕРОМ

Из архива советского дипломата

Личность многолетнего руководителя Египта Гамалы Абдель Насера (1918–1970) и сейчас, десятилетия спустя после его кончины, привлекает внимание и самих египтян, и исследователей во многих странах мира. Ведь именно в период длительного нахождения Насера у власти (1952–1970) были заложены основы современного Египта. Каждый новый документ, каждое новое свидетельство добавляют штрихи к многокрасочному портрету этого выдающегося государственного деятеля. Подобная оценка, несомненно, относится и к публикуемому тексту. Его автор – видный советский дипломат Владимир Михайлович Виноградов (1921–1997)¹. В описываемый период он занимал пост заместителя министра иностранных дел СССР.

Впрочем, воспоминания В.М. Виноградова касаются не только Насера, но и советской ближневосточной политики того времени, о которой и по сей день ведутся споры. Из текста очевидно, что, оказывая Египту военную помощь, Советский Союз одновременно настоятельно советовал президенту Насеру занять более реалистичную позицию, которая облегчила бы поиски путей политического урегулирования арабо-израильского конфликта. Несомненный интерес представляет и рассказ очевидца об атмосфере, в которой проходили советско-египетские переговоры на высшем уровне.

Текст воспоминаний, как и весь объемный архив В.М. Виноградова, хранится у его старшего сына, Александра Владимировича, и был любезно предоставлен им для публикации.

* * *

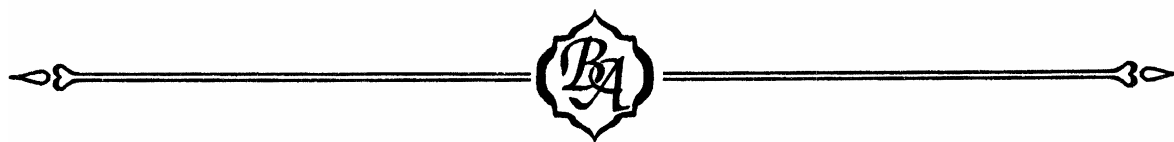
Впервые я увидел Насера при необыкновенных обстоятельствах. В феврале 1970 года мне было поручено вызвать к себе посла

Г.А. Насер и В.М. Виноградов. Каир, март 1970 г.

Египта в Москве Галеба². Галебу я сказал: «Сейчас половина первого дня, по просьбе президента Насера я сообщаю вам, что через час он прибудет в Москву с секретным визитом, и мы с вами прямо из Министерства поедем на аэродром встречать его».

Галеб не удивился, он знал, что Насер не доверяет шифрам своей дипломатической службы, а может быть, и некоторым работникам этой системы. Действительно, Насер просил так сделать, чтобы о его визите из египтян в Москве знал только один посол. Мы с Галебом вместе поехали на аэродром, и там впервые я увидел Насера.

Переговоры в Москве были успешными, Египту было предоставлено новое вооружение для ПВО, и на временной основе должны были быть направлены в Египет и советские расчеты³.

По возвращении в Каир Насер и не думал прекращать так называемую «войну на истощение»⁴ – продолжалась перестрелка через канал, а израильтяне наносили воздушные удары по тыловым районам Египта. Эта обстановка к практическим результатам в виде изменения неуступчивости Израиля не вела, она лишь накаляла атмосферу. Жертвы, главным образом с египетской стороны, были явно напрасными.

Советский Союз в это время вел довольно интенсивные переговоры с американцами с целью нахождения подходов для политического решения ближневосточного конфликта. Дело подвигалось плохо ввиду неуступчивой позиции США, полностью и во всем поддерживавших Израиль. Но и арабы, в условиях ожесточенной позиции Израиля, также проявляли экстремизм, не соглашались на многие, казалось бы, разумные формулировки в политическом урегулировании.

Накопился ряд вопросов: как далеко могут пойти египтяне в формулировании состояния, которое должно наступить за выводом израильских войск со всех оккупированных ими в 1967 году арабских территорий? Согласны ли они лишь на «прекращение состояния войны» или будут готовы пойти на установление «состояния мира»? Когда может наступить такое состояние? Проект плана-расписания урегулирования предполагал, что вывод израильских войск будет проходить в две стадии. Когда может наступить, предположим, состояние мира – лишь тогда, когда последний израильский солдат покинет египетскую территорию, или, может быть, после того, как будет выполнена первая фаза вывода этих войск? А после полного вывода войск – какие обязательства могла бы взять на себя египетская сторона в формулировании условий мира? Например, могла бы она пойти на принятие обязательства не допускать со своей терри-

тории враждебных действий против Израиля? Наконец, был и вопрос о целесообразности продолжения «войны на истощение», эта «война» мешала поискам урегулирования, а в практическом плане мешала вводу советских подразделений ПВО. Нельзя ли было ее прекратить, хотя бы на время?

Все эти и ряд подобных вопросов было решено обсудить с Насером, хотя раньше наш замысел состоял в том, чтобы попытаться договориться с американцами в предварительном порядке, а потом уже информировать Насера для получения его подтверждения или каких-либо корректив. Насер весьма болезненно относился ко всяким формулировкам, которые, как ему казалось, ослабляют позицию Египта. Мой министр⁵ отказался ехать, поскольку ему уже несколько раз приходилось говорить на подобные темы с Насером, и не все беседы протекали гладко. Он назвал мою кандидатуру, которая была принята.

Так я получил поручение попытаться договориться с Насером по ряду важных и щепетильных вопросов. Перед отлетом наш министр сказал мне, что если удастся выполнить поручение хотя бы на 10%, то это уже будет успехом. Не очень-то вдохновляющее напутствие! И мы полетели к Насеру.

Это был мой первый визит в Каир, в марте 1970 года. Когда прилетели – узнали, что у Насера умер отец и он сможет принять нас через пару дней. Эти два дня мы посвятили тому, чтобы попытаться в предварительном порядке договориться по всем вопросам (разумеется, кроме вопроса о возможности прекращения «войны на истощение») с министром иностранных дел Риадом⁶. Мы довольно много заседали с Риадом и, как нам показалось, вроде бы убедили его, хотя, как всегда, с его стороны была в наличии изряднейшая доля скептицизма, неверия ни в какие, кроме военных, средства для достижения урегулирования. В конце наших бесед единственно, что мог Риад обещать нам – доложить содержание всех разговоров Насеру. И только.

Насер принял нас в Гелиополисе⁷, в своем доме, который расположен на террито-

рии воинской части. Обстановка внутри весьма простая и скромная.

Насер встретил нас весьма радушно. Усадив меня рядом с ним на диван, сказал, что прочитал досье, которое передал ему Риад о его переговорах со мной. И он полностью согласен с нашей постановкой вопроса. Он пояснил, что мы правы: если уж говорить о мире, то в полную силу, а не так – шепотком. Он человек мира – пусть все это видят. Поэтому у него нет возражений относительно того, что если израильские войска уйдут из оккупированных земель, Египет будет считать себя не просто в состоянии прекращения состояния войны, но и в «состоянии мира» с Израилем. Да, он знает, что такое его решение не будет, мягко говоря, популярно не только в ряде арабских стран, но и в самом Египте. Могут найтись недовольные, но он уверен в своей правоте. И не только в правоте, но и в крепости своего положения. Положение и авторитет президента Египта сейчас таковы, сказал он, что я могу позволить себе принимать даже решения, которые первоначально могут быть не поняты народом и потому непопулярны у него.

Что касается времени наступления состояния мира, сказал Насер, то я понимаю озабоченность советских друзей тем, чтобы выбить из рук наших общих противников козырь о воинственности Египта и его желании уничтожить Израиль. Действительно, некоторые могут утверждать, что Израилю не следует выводить свои войска, потому что он не будет знать, какое же состояние будет после их вывода – состояние мира или какое-нибудь другое. Чтобы снять это сомнение, он готов согласиться с нами на то, чтобы состояние мира наступило сразу же после выполнения первого этапа вывода израильских войск, но при условии, что второй этап – окончательный вывод – не будет продолжительным по сроку. Тогда израильтяне смогут выводить окончательно свои войска уже фактически в состоянии мира. Это большая уступка с арабской стороны, поскольку она теоретически означает, что Египет согласится быть в со-

стоянии мира с Израилем. Хотя еще какое-то время на территории Египта будут находиться израильские войска, но в процессе вывода.

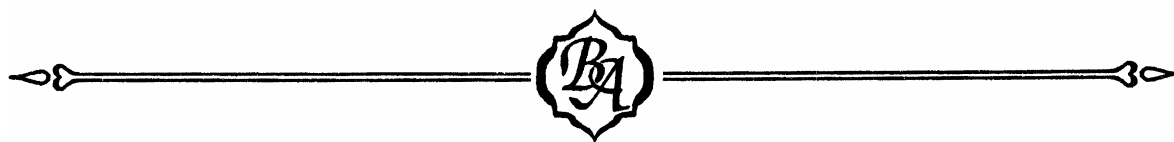
Что касается вопроса об обязательствах сторон в условиях мира, то он понимает, что и здесь надо выбить из рук противника козырь об агрессивности Египта, поэтому он согласен на такую запись, среди прочих, что страны будут не допускать враждебных действий со своих территорий против другой стороны. За это меня могут поругать палестинцы, сказал Насер, но я этого не боюсь, поскольку речь будет идти об «окончательных условиях мира», в которых найдется место и для решения вопроса о палестинцах.

Я поблагодарил Насера за его решение, сказал, что оно поможет нам в дальнейшей борьбе за интересы арабских стран.

Далее я сказал, что имею еще одно деликатное поручение, которое не имел возможности обсудить с Риадом. Я изложил наши доводы и оценки по поводу «войны на истощение». Это был самый трудный момент. С этой «войной» Насер связывал многие свои политические лозунги, ее он использовал для своих политических ходов как внутри страны, так и во внешней политике.

Насер внимательно выслушал все мои доводы, к которым я, разумеется, заранее готовился. В заключение я упомянул и о предстоящем прибытии советских воинских частей.

Насер задумался, помедлил, внимательно посмотрел на меня, как-то прищурился, а потом сказал: «Ну что ж, я согласен на прекращение огня, только ненадолго. Если израильтяне и американцы за это время не сделают каких-либо реалистических шагов в направлении урегулирования, мы снова начнем эту войну. Разумеется, об этом разговоре израильтяне и американцы не должны знать. Вы им можете сказать, что если бы Израиль прекратил налеты по глубине Египта, то вы полагаете, что Египет мог бы пойти на прекращение войны на истощение. А если меня спросят, дал ли я на это согласие, то я отвечу, что такого и разговора не было». Насер рассмеялся.

Я вздохнул облегченно (про себя, конечно). Поручение было выполнено на 100%.

Далее в ходе беседы Насер стал развивать тезис о том, что весь ближневосточный конфликт представляет собой не конфликт между арабскими государствами и Израилем, а фактически конфликт между СССР и США. Арабо-израильский конфликт является как бы производным от этого основного мирового советско-американского конфликта.

Конечно, принятие такого тезиса привело бы к неправильным выводам не только теоретического, но и чисто практического порядка. Сразу же подумал – почему Насер поднял этот вопрос, не для проверки ли собственных убеждений в обратном, поскольку изложенный им тезис широко бытовал в националистических кругах Египта.

Я сказал Насеру, что не согласен с его рассуждениями. Насер удивленно посмотрел на меня и сказал: «Вот как?» Он предложил мне высказать мое мнение.

Я сказал, что Советский Союз не является и не будет являться участником арабо-израильского конфликта, который представляет собой конфликт между силами национального освобождения, прогрессивными силами, возглавляемыми Египтом, и реакционными силами – Израилем, который поддерживается Соединенными Штатами. Поскольку арабо-израильский конфликт – это борьба сил прогресса с реакцией, то неудивительно, что Советский Союз поддерживает прогрессивные силы, а США, также в силу своей классовой природы, поддерживают реакционные силы. Насер внимательно слушал, пытался выставить дополнительные аргументы, но в конце концов согласился с тем, что было сказано мной. Мне и до сих пор неясно, зачем он задал этот вопрос, а потом согласился. Правда, по окончании разговора он сказал, что ему в Египте до сих пор пока никто не противоречил, а я, дескать, первый. Сказал он как бы в шутку, но, видимо, так в действительности и обстояло дело.

Позднее мне говорили, что Насер был доволен разговором и тем, что у нас был

спор. Сам он, конечно, не любил, когда ему перечили, но окружавшие его люди, зная это, впадали в другую крайность – они только поддакивали ему, а это вызывало у него раздражение.

По окончании беседы Насер пригласил фотографов, которые сделали ряд снимков на память, проводил до выхода из дома, тепло распрощался и снова позировал с нами перед фотографом. Насер предложил мне остаться дня на три – посетить Луксор, Асуан, осмотреть достопримечательности страны – ведь я был в Египте впервые, но мне надо было возвращаться в Москву. Обещал ему еще раз приехать в Каир.

Конечно, я не предполагал тогда, что через три с половиной года Хейкал⁸ скажет мне, глядя на эту памятную фотографию с подписью Насера: «Насер несколько раз после вашего отъезда говорил – не понимаю, почему я так много сделал уступок Виноградову». А я тоже не знаю. Но это действительно были уступки, но которые были на пользу самому Египту.

Насер мне явно понравился. От него веяло какой-то силой и уверенностью. Здесь было не только радушие гостеприимного по воспитанию или положению хозяина. В нем чувствовался задор, даже задиристость в разговоре. Он, видимо, хотел расположить к себе дружелюбием, может быть, испытать собеседника острым поворотом разговора – не смутится ли.

Летом 1970 года Насер вновь приехал в Москву – лечиться. На Внуковском аэродроме при встрече меня поразил его болезненный вид. Широкоплечий, высокий, большой по телосложению, но лицо не то что смуглое, а какое-то серое болезненное, а в глазах спрятанная боль. А ему приходилось улыбаться и жать руки встречающим. Не знаю, узнал ли он меня, думаю, что нет – проскользнул взглядом, правда, пожал руку, улыбнулся, но улыбался он ведь всем...

На беседах в Кремле Насер вел себя так, как если бы был в самой хорошей компании: непринужденно, свободно. Он легко откликался на шутки, был внимателен и даже очень, когда слушал, что ему говорят со-

ветские руководители. Но когда дело касалось его просьб, то он применял такой метод: сначала излагал положение, которое служило обоснованием причин его просьб, рассказывал при этом с подкупающей искренностью, как бы говоря: смотрите, у меня от вас тайн нет. А затем создавалась такая ситуация: я вам все рассказал, как обстоит дело, вот вы и решайте. Это был метод всегда несколько обезоруживающий, но приводивший к хорошим для него результатам. Действительно, это была та необходимая, при таких дружественных отношениях, которые существовали между СССР и Египтом в то время, настоящая искренность, а не желание любыми способами что-либо урвать.

Во время переговоров мне приходилось сопровождать его в автомашине, поэтому беседы с ним в машине были всегда интересны для познания его как человека. Он очень обрадовался, когда узнал, что у нас, когда мы были помоложе, было увлечение одной и той же спортивной игрой – баскетболом. Да и в настоящем оказалось одинаковое хобби – кинолюбительство⁹. Насер жаловался, что вот только времени ему не хватает, чтобы привести в порядок все снятые им киноплёнки. А это общая беда всех кинолюбителей.

Завел он однажды разговор о нашем радио. «Почему ваше радио так неумело подаёт международные новости – поздно и неинтересно, а главное – неоперативно. Как много вы теряете на этом. Я постоянно имею с собой транзисторный радиоприёмник, который настроен на международную службу Би-Би-Си. Через каждый час англичане передают новости, кратко, четко на 7–10 минут. Поэтому весь мир и слушает их. Почему бы вам не наладить такие передачи, для нас было бы интереснее слушать Москву, чем Лондон».

В другой раз он задал вопрос: «Почему вы не хотите, чтобы мы в полный голос говорили о советской военной помощи Египту? Ведь наши враги знают о ней, почему не надо знать об этом вашим и нашим друзьям? Раз эта помощь известна врагам, надо,

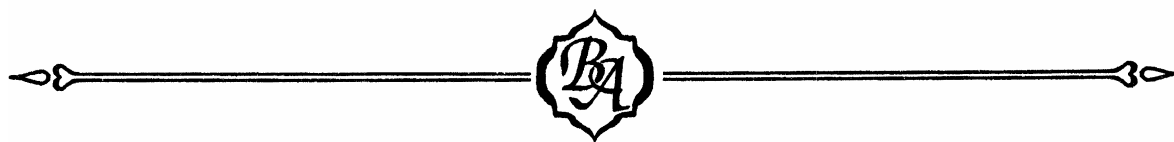
чтобы о ней знали друзья. Политически, я уверен, мы теряем на этом».

Во время нахождения в Москве он получил сообщение о гибели пяти пилотов, в том числе и советских, в Египте. Они были сбиты израильтянами. Что было самым досадным, так это применение израильскими пилотами самых простейших маневров. Другими словами, наши и египетские пилоты попали в элементарную ловушку, да к тому же в этом сильно были виноваты службы наземного наведения. Насер очень тяжело переживал гибель пилотов, постоянно говорил мне, что знал всех их лично. Да и не так много у Египта квалифицированных пилотов.

Когда Насер находился на лечении, закончился рекордный тогда полет в космос Николаева и Севастьянова¹⁰. Насера и всех, кто его сопровождал, пригласили на большой прием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Днем мне позвонили и сказали, что Насер хочет наградить Николаева и Севастьянова высшей египетской наградой – орденами «Большое ожерелье Нила»¹¹ и тут же на приеме вручить им эти ордена. Меня попросили выяснить ситуацию на этот счет. Я попытался согласовать этот вопрос с кем надо, но всюду наталкивался на возражения: дескать, награждение может быть принято, но вручать награды на приеме в Кремле не надо. Так и передали Насеру. Тот обиделся и сказал, что не поедет на прием в Кремль, сказался больным. Пришлось посылать в Барвиху¹², где находился Насер, нашего посла С.А. Виноградова¹³. Тот поехал, прямо сказал президенту, что **надо** поехать. И Насер прибыл на прием, правда, приказав своим адъютантам все же прихватить с собой ордена. Так они и пришли – с большими коробками. Я пытался было на самом приеме уговорить соответствующее начальство, объясняя обстановку: ведь Насер стоял и ждал, что ему разрешат наградить героев. Мне это было удалось, но потом сказали – все это разумно, но поздно.

И больше Насера я не видел.

Пришлось исполнить лишь печальную обязанность – участвовать в составе совет-

ской делегации, которую возглавлял А.Н. Косыгин¹⁴, на похоронах Насера, когда именно в связи с его смертью меня назначили послом в Египте.

Все это было неожиданно, как всякая смерть. Известие в Москве было получено вечером 29 сентября 1970 года¹⁵. Мне было сказано немедленно прибыть в Министерство, где мы вместе с В.В. Кузнецовым¹⁶ сидели почти целую ночь над различного рода документами в связи со смертью Насера. А утром было заседание Политбюро [ЦК КПСС], где совершенно неожиданно для меня было объявлено о моем назначении послом в Египет. Со мной на эту тему никто до этого не говорил. Но дело было даже не в этом, хотя и это обстоятельство не с лучшей стороны характеризовало нашего министра – ведь наверняка он сообщил руководству о том, что со мной был разговор. Когда я попросил не назначать меня послом в Каир только по одной причине – неподходящим климатическим условиям, воцарилось всеобщее недоумение. Но решение было принято, и через два часа я уже летел в Каир, в голове все никак не укладывалось то, что произошло со мной.

Когда приземлился наш самолет, в Каире было совсем темно. Беспокойство ночи уже передалось нам, когда самолет еще подруливал к вокзалу. Где-то угадывались толпы людей в свете прожекторов кинохроники, мелькали возбужденные лица. Сразу нас куда-то завертело, закружило, никакого порядка, даже видимости его на аэродроме не было. Ощупью спустились по трапу. Встречал плачущий Садат¹⁷ и другие руководители. А.Н. Косыгина куда-то увели, охранники его рванулись в темноту. С трудом мы выбрались, нащупали первую попавшуюся машину, влезли вместе с М.В. Захаровым¹⁸, попросили, чтобы везли туда, где будет А.Н. Косыгин. Приехали в резиденцию посла, то бишь в мою новую резиденцию...

Вся страна находилась в каком-то иступленном отчаянии. Толпы людей ходили по улицам, на лицах растерянность, собираются кучками, о чем-то говорят, оживленно жестикулируя. Ездят на крышах автобусов,

трамваев. Говорят, было много случаев, когда люди с отчаянья бросались с мостов в Нил или с крыш вагонов.

Посольство окружено стеной солдат, у которых в руках деревянные щиты и палки – говорят, от нападения толпы, все может быть, могут быть и недруги.

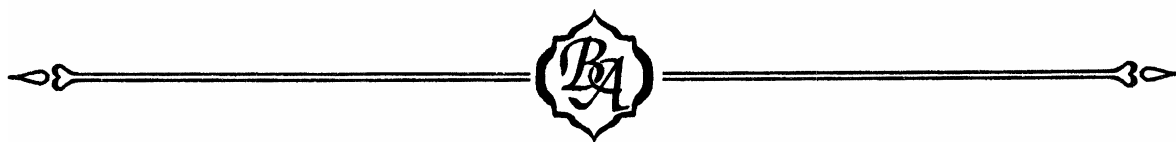
В тот же день поехал к Хейкалу. Плачет, говорит, что не может себе представить, как это случилось. Невероятно еще и то, что еще и суток не прошло после смерти Гамала, а его лучшие друзья – советские люди уже прибыли на похороны. Потом Хейкал вдруг говорит: «Вы, наверное, не знаете, но Насер очень уважал вас. Когда в течение долгого времени, после смерти вашего посла¹⁹, в Каире не было советского посла, Насер говорил мне: давай попросим, чтобы к нам прислали Виноградова. Я отвечал ему, что полностью согласен с его мнением, но так не делается – послов не выбирают. Если попросить, то может даже получиться обратное – его ни за что не пришлют, таков обычай».

Я вздрогнул: не узнал ли Хейкал о моем назначении? Когда же он мог узнать: ведь мы только что прибыли, и А.Н. Косыгин еще ни с кем не встречался. Нет, не мог он знать.

Когда я рассказал Хейкалу, что меня назначили послом в Каир, он от удивления не мог долго ничего сказать. Наконец, промолвил: «Не может этого быть, это просто невероятно, неужели исполнилась последняя воля Гамала?» И еще долго он повторял, как ошеломлен событием и что такая это была бы радость для Гамала.

На похороны пришлось ехать... на катере. Дело в том, что траурная процессия должна была начаться от дома, расположенного на острове Замалек²⁰, где находился ранее штаб революционного командования²¹. Через мост проехать оказалось невозможным, он был забит народом, и полиция решила сделать самое простое – развести его. Нам дали катер, сопровождал нас Хейкал²².

По приезде нас поместили в отдельную комнату, и при нас практически все время находились Садат и Али Сабри²³. Входили и

выходили разные люди, государственные деятели, здоровались с А.Н. Косыгиным. Да, Насер действительно был вождем «третьего мира», признанным лидером не только арабского мира, но почти всех развивающихся стран. К нему испытывали уважение и правительства капиталистических стран. Одним словом, скопление людей было невероятно большим. Короли и премьер-министры наступали друг другу на ноги.

Наконец, послышался шум вертолета: прибыло тело Насера. Все вышли из помещения. Посреди большого зала уже стоял гроб, покрытый государственным флагом Египта. На нем, рыдая, лежали несколько человек. Начала образовываться колонна – похоронная процессия, мы вышли наружу. Здесь с невероятной силой пекло жарчайшее египетское солнце, что еще больше взвинчивало атмосферу.

Наконец, показалось начало процессии, на орудийном лафете, влекомом шестеркой лошадей, гроб. Солдаты на лошадях и рядом – многие открыто плачут, громко рыдают. Солнце буквально обжигает, все мокрые. За лафетом идет много людей, нам приходится силой вливаться в шествие. Вскоре образуется сильнейшая давка, вместо процессии создается неуправляемая толпа, куда-то тянут, того и гляди, упадешь. Высокие гости стараются удержаться на ногах. Невольно думаю, а что же будет дальше. Ведь это только «избранная» часть процессии – иностранные гости. А ведь на улице должна присоединиться еще многотысячная толпа. Но ничего этого не происходит. Просто наша толпа останавливается, не выходя даже за пределы сада в Замалек. Несут в обратном направлении в кресле качающегося, как кукла, Садата – говорят, что ему стало плохо. Провожающие поворачивают обратно. Куда-то вдаль уходят кони, люди и гроб с телом Насера, оттуда слышен рев толпы, все смешалось, нам рекомендуют отправиться домой... Опять же на катере.

...22 октября 1970 года я вручал верительные грамоты новому президенту Египта Анвару Садату²⁴. После вручения грамот я направился к могиле Насера²⁵. Там уже жда-

ла большая группа работников посольства. Мы возложили на могилу Насера большой венок с надписью: «Гамалю Абдель Насеру от посольства СССР». Эта церемония привлекла большое число зрителей, не осталась она незамеченной и печатью. Мы отдали последний долг вождю египетского народа – великому вождю...

Личный архив В.М. Виноградова. Оригинал, машинопись с рукописной авторской правкой. Слева приписка от руки: «Февраль 1975, Москва».

Примечания

¹ Владимир Михайлович Виноградов участвовал в Великой Отечественной войне. Окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева и Всесоюзную академию внешней торговли. В 1948–1962 гг. работал в Министерстве внешней торговли СССР. В 1962–1967 гг. – посол СССР в Японии. С 1967 по 1970 г. – заместитель министра иностранных дел СССР. В 1970–1974 гг. – посол СССР в Египте. В 1974–1977 гг. – посол по особым поручениям МИД СССР. С 1977 по 1982 г. – посол СССР в Иране. В 1982–1990 гг. – министр иностранных дел РСФСР.

² Галеб, Мурад (1922–2007) – египетский дипломат и государственный деятель. С 1961 по 1971 г. – посол Египта в СССР. С сентября 1971 по январь 1972 г. – государственный министр по иностранным делам Египта, с января по сентябрь 1972 г. – министр иностранных дел Египта.

³ О пребывании советских зенитчиков в Египте см.: Тогда в Египте... Книга о помощи СССР Египту в военном противостоянии с Израилем. М., 2001.

⁴ «Война на истощение» была начата Египтом в 1968 г. и представляла собой периодические артиллерийские обстрелы израильских позиций на восточном берегу Суэцкого канала. Смысл ее состоял в том, чтобы, с одной стороны, нанести максимальный ущерб Израилю, чувствительному к потерям, а с другой стороны – поднять боевой дух египетской армии, потерпевшей поражение в июне 1967 г.

⁵ Андрей Андреевич Громыко (1909–1989), занимал пост министра иностранных дел СССР в 1957–1985 гг.

⁶ Риад, Махмуд (1917–1992) – египетский дипломат и государственный деятель. В 1964–1972 гг. – министр иностранных дел Египта, с 1972 по 1979 г. – генеральный секретарь Лиги арабских государств.

⁷ Гелиополис (*Маср аль-гедид*а. – арабск.) – северо-восточный район Каира, примыкающий к военно-воздушной базе Алмаза и международном аэропорту. Сосредоточение военных штабов и военно-учебных заведений. Основан европейцами в начале XX в.

⁸ Хейкал, Мухаммед Хасанейн (р. 1923) – египетский публицист. В 1957–1974 гг. – главный редактор ведущей египетской газеты «Аль-Ахрам», доверенное лицо Насера.

⁹ В 1960-е годы, до появления видеокамер, были популярны любительские узкоплёночные киноаппараты.

¹⁰ С 11 по 19 июня 1970 г. космонавты Андриан Григорьевич Николаев (1929–2004) и Виталий Иванович Севостьянов (1935–2010) на корабле «Союз-9» совершили 286 оборотов вокруг земли.

¹¹ Правильно – «Ожерелье Нила». Орден учрежден в 1915 г., из советских людей им был награжден в 1964 г. Н.С. Хрущев во время визита в Египет для участия в церемонии перекрытия Нила, а также космонавты Ю.А. Гагарин, В.В. Терешкова, А.Г. Николаев и В.И. Севостьянов.

¹² В Барвихе под Москвой находился санаторий, где отдыхали и лечились советские руководители.

¹³ Виноградов Сергей Александрович (1907–1970) – советский дипломат, с 1967 г. занимал пост посла СССР в Египте.

¹⁴ Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. В 1966–1980 гг. – председатель Совета Министров СССР.

¹⁵ Видимо, 28-го, а не 29-го. Насер скончался 28 сентября. Как следует из дальнейшего текста, советская делегация прибыла в Каир для похорон через сутки после его смерти.

¹⁶ Кузнецов Василий Васильевич (1901–1990) – советский дипломат и государственный деятель. С 1955 по 1977 г. – первый заместитель министра иностранных дел СССР.

¹⁷ Садат, Анвар (1918–1981) – египетский государственный деятель, с 1969 г. – вице-президент Египта.

¹⁸ Захаров Матвей Васильевич (1898–1972) – советский военачальник, маршал Советского Союза. С 1964 по 1971 г. – начальник Генерального штаба вооруженных сил СССР. В 1967 г., после поражения Египта в «шестидневной войне», длительное время находился в Каире, решая вопросы восстановления египетской армии.

¹⁹ Посол, С.А. Виноградов, скончался в Москве 27 августа 1970 г.

²⁰ Слово «Замалек» вписано над зачеркнутым словом «Гезира». Между тем остров действительно называется Гезира, а Замалек – жилой район на части острова.

²¹ Речь идет о революции 23 июля 1952 г., которую возглавил Насер.

²² Резиденция посла СССР (России) находится на набережной Нила, Хейкал живет через дом от нее.

²³ Сабри, Али (1920–1991) – египетский государственный деятель, в 1965–1968 гг. – вице-президент Египта, один из ближайших сподвижников Насера.

²⁴ Садат был избран на этот пост 17 октября.

²⁵ Насер похоронен в приделе мечети его имени в каирском районе Айн-Шамс.

В.Г. Бухерт

Г.А. НЕРСЕСОВ О В.Б. ЛУЦКОМ И С.Р. СМИРНОВЕ

Существенный вклад в становление и развитие отечественной африканистики внес доктор исторических наук Г.А. Нерсесов¹. Вместе с тем, по признанию его коллег, Г.А. Нерсесов ушел из жизни, «совершив лишь небольшую часть того, что было ему по силам»². Современникам запомнились выступления Г.А. Нерсесова о выдающихся африканистах С.Р. Смирнове³ и В.Б. Луцком⁴, явившиеся образцом того, «как надо хранить память о старших товарищах, изучать их опыт, продолжать их традиции», но, к сожалению, отмечал А.Б. Давидсон⁵, «большинство этих выступлений прозвучали только устно и не появились в печати»⁶.

В личном фонде Г.А. Нерсесова, хранящемся в Архиве Российской академии наук (АРАН, ф. 1797), среди других неопубликованных его работ имеются тексты выступлений, посвященных В.Б. Луцкому и С.Р. Смирнову.

Г.А. Нерсесов о В.Б. Луцком

*(Выступление на заседании Ученого совета
Института Африки АН СССР
памяти В.Б. Луцкого, 1966 г.)*

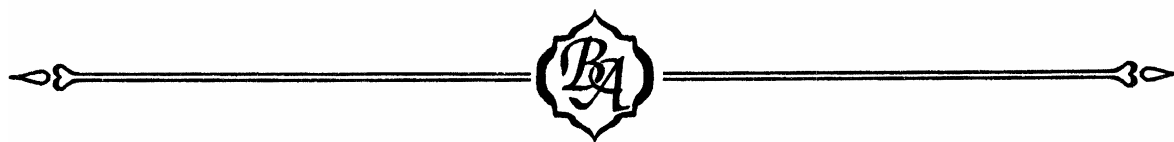
С Владимиром Борисовичем мне довелось впервые встретиться и работать в Институте этнографии, в [19]50-х годах. Но гораздо раньше я познакомился с ним заочно, будучи студентом — штудирюя знаменитый кирпич, учебник по новой истории колониальных и зависимых стран. В этом действительно тяжелом кирпиче, превосходившем по объему, насыщенности фактами и трудно запоминаемыми именами все другие вузовские учебники, были представлены титаны советского востоковедения предвоенного времени. И все же главы об арабских странах, написанные Луцким, выделялись своей яркостью, даже изяществом, заставляли студента не просто выискивать наиболее существенные моменты, заслуживающие зубреж-

ки, но просто вчитываться в книгу, следить вместе с автором за трудными судьбами его героев.

Моя вторая заочная встреча с Луцким состоялась уже в то время, когда я сам занял педагогическую кафедру в ВУЗе. Читая курс новейшей истории, я часто испытывал трудности в поисках материалов, относящихся к событиям самого последнего времени, по которым, естественно, не было специальных монографий, да и серьезные журнальные статьи появлялись крайне редко и с большим запозданием. Здесь на помощь мне приходили оперативные, отличавшиеся глубоким знанием дела и четкостью оценок лекции Владимира Борисовича в Обществе по распространению знаний, публиковавшиеся отдельными брошюрами. Такие, как «Англия и Египет»⁷, «Англо-египетский конфликт перед Советом Безопасности»⁸ и др.

И вот, наконец, состоялось личное знакомство и началась совместная работа: сначала в Секторе Африки Института этнографии, а затем в нашем Институте. Поначалу казалось, что разница в возрасте мешает установлению дружеского контакта. Собственно, не столько разница в возрасте — она была невелика, сколько сама внешность Владимира Борисовича, выглядевшего почему-то старше своих лет. От него веяло этаким академической солидностью, исключавшей, казалось бы, возможность равноправного общения с новичком в науке. К счастью, это было лишь первое и обманчивое впечатление.

Владимир Борисович оказался человеком настоящего демократизма, редкого дружелюбия и уважительного отношения к коллегам. Он всегда держался так, что его научное превосходство не чувствовалось. Но, пожалуй, самое ценное качество В.Б. Луцкого как товарища по работе заключалось в его постоянной готовности по-

мочь советом и делом. Он был настоящим кладом знаний и охотно, щедро делился ими. Мне, поскольку я занялся историей колониального раздела Северной Африки, постоянно приходилось прибегать к его помощи. И не было ни одного вопроса, ни одного трудного случая, в котором доброжелательство и эрудиция В[ладимира] Б[орисовича] не приходили бы мне на помощь. В сутолоке будничной жизни все принимаешь как само собой разумеющееся. И может быть только тогда, когда В[ладимира] Б[орисовича] не стало, обнаружив, как его недостает, я понял, сколько много он для меня значил.

От этих личных впечатлений я хотел бы перейти к роли В[ладимира] Б[орисовича] для Института Африки. Для этого нужно напомнить, в каких муках рождался наш Институт. Долгое время усилия Ивана Изосимовича Потехина⁹ создать самостоятельный центр африканистики наталкивались на сопротивление в академических кругах. Важности и актуальности изучения Африки никто не отрицал. Однако, говорили оппоненты Потехина, для создания института необходимы зрелые научные кадры. А их нет – серьезных специалистов можно перечесть по пальцам. Подождем, пока африканистика окрепнет и зарекомендует себя. А потом уже займемся институтом.

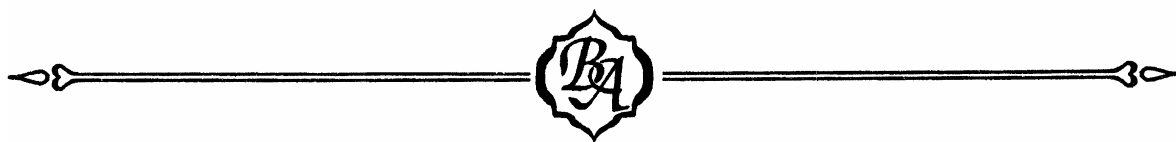
Институт все же был создан. Но отношение к нему поначалу оказалось скептическим. И это, конечно, отнюдь не вдохновляло тех, кто стал его сотрудниками. Им предстояло преодолеть скептицизм, доказать право Института на существование, утвердить его не вывеской и штатным расписанием, а конкретными делами.

Успех каждого научного организма зависит от его ядра, от авторитета, знаний и преданности делу тех, кто призван вести за собой других, подавать пример. К счастью для Института Африки, такие люди в нем были: Иван Изосимович Потехин, Ирина Павловна Ястребова¹⁰, Сергей Руфович Смирнов, Берта Исааковна Шаревская¹¹, Александр Захарович Зусманович¹². К их числу принадлежал и Владимир Борисович.

Уже сам факт, что Институт Африки имел в своем составе ученого такого класса, как Луцкий, способствовал утверждению престижа молодого научного коллектива. Владимир Борисович носил скромное звание кандидата наук, но оно никак не соответствовало его научному весу. Он по праву считался наиболее крупным советским специалистом в области новой и новейшей истории арабских стран, всего арабского мира. Я не хочу никого обидеть, у нас и сейчас много прекрасных специалистов по истории арабов, кстати, в большинстве своем учеников Владимира Борисовича, но у нас нет пока второго такого эрудита, такого универсального знатока, каким был Луцкий. Его без всяких натяжек можно было назвать советско-арабским энциклопедистом. И не случайно в исторической редакции БСЭ всякий раз, когда нужно было уточнить тот или иной факт, ту или иную оценку, просто получить справку по новой и новейшей истории любой арабской страны, неизменно обращались к Луцкому и тут же, просто по телефону, получали необходимые сведения.

Имя Луцкого – это была марка, выражающаяся современным языком – знак качества. И наличие Луцкого в рядах сотрудников Института уже само по себе поднимало его авторитет. Но не только имя. Владимир Борисович был одним из самых действующих, самых энергичных членов нашего коллектива. В первой же его работе – «Африка. 1956–1961»¹³, кстати сказать, получившей положительную оценку со стороны руководства Академии наук, Луцкий вместе со Смирновым пишет одну из заглавных статей. Но вот беда – в Секторе информации, которому поручено написание справок по отдельным странам Африки, нет специалиста по арабскому региону. И В[ладимир] Б[орисович], вместе с юными, только начинающими свой научный путь сотрудниками этого сектора пишет справки о Марокко и Тунисе.

Владимир Борисович успел приложить руку и к большой коллективной работе Сектора истории – «Новейшей истории Африки»¹⁴. Он принимал активное участие в об-

суждении идей этого издания, разработке проспекта и успел написать первый вариант глав о Тунисе и Алжире. Его не сломила тяжелая болезнь, и он продолжал работать почти с такой же интенсивностью, как и раньше. И снова имя Луцкого в числе участников тома способствовало укреплению доверия к возможностям и результатам работы всего авторского коллектива.

В заключение несколько слов об одном личном качестве В.Б. Луцкого, которое обнаружилось в последние месяцы его жизни. Встав на ноги после тяжелого инфаркта, он и не помышлял о сохранении жизни любой ценой. Я уже говорил, что он продолжал упорно и много работать. И жить он старался, как и прежде. Конечно же, врачи запретили ему курить. И он не носил с собою сигарет. Но всякий раз при встрече он просил сигарету и с удовольствием закуривал, не задумываясь над тем, насколько это укоротит его существование. Сейчас не модно об этом говорить, но оказываясь в кампании, он забывал о вреде алкоголя и охотно выпивал рюмку-другую, словно бросая вызов болезни. Он был по-настоящему жизнерадостным человеком, любил жить и умер стоя, не согнувшись. До последнего дня он оставался человеком, у которого хочется учиться. И его человеческие качества – не меньше, чем научные – помогли тем, кто его знал, беречь и сохранять память о нем, радоваться тому, что им посчастливилось жить и работать вместе с Владимиром Борисовичем. Благодаря за внимание.

АРАН. Ф. 1797 (Г.А. Нерсесов). Оп. 1. Д. 8. Л. 2 – 6. Машинопись с авторской правкой.

**Г.А. Нерсесов. К 70-летию
С.Р. Смирнова**

(Доклад на заседании подсекции истории и этнографии III Всесоюзной конференции африканистов, 1979 г.)¹⁵

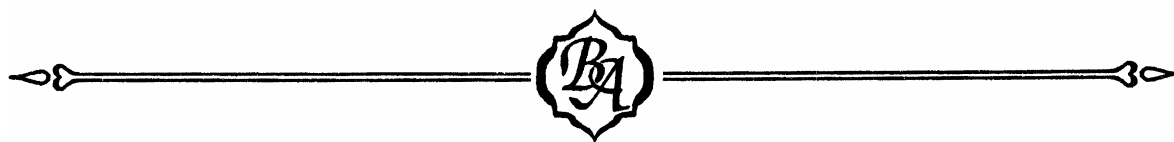
Отмечая сегодня приближающееся 70-летие со дня рождения Сергея Руфовича Смирнова, мы воздаем должное памяти на-

шего товарища и коллеги – ученого, утвердившего свое имя в науке, и человеческой личности, общение с которой обогащало окружающих. Конечно, прежде всего, мы чтим ученого, ибо научное творчество было главным делом его жизни. Не случайно первую часть сегодняшнего заседания – выступления, посвященные памяти Сергея Руфовича, – решено было объединить общим названием: «Вклад С.Р. Смирнова в развитие советской африканистики».

Думаю, что если бы Сергей Руфович присутствовал на своем юбилее, то он, вероятно, отнесся бы иронически к рассуждениям о его вкладе в науку. Не только в силу иронического склада своего ума, но и потому, что необычайно далек он был от какого-либо самолюбования. Есть, и немало, людей науки, среди них даже хороших ученых, которые в науке видят, прежде всего, самого себя, тот дар, которые они преподносят своим современникам и потомкам. Не таков был С.Р. Смирнов. Научная деятельность не была для него средством самоутверждения. Это была для него работа, в принципе не отличающаяся от труда токаря или земледельца, работа не легкая, но нужная, и он старался сделать ее как можно лучше.

С.Р. Смирнов любил не себя в науке, не свои достижения в ней, а самую научную деятельность и, прежде всего, – предмет своего научного творчества. Академик Тарле¹⁶ сказал как-то, что историк должен любить своих героев. К С.Р. Смирнову относится это в полной мере. Он посвятил свою жизнь изучению истории Судана, он любил эту страну, любил ее народ – не абстрактно, не издалека, как может любить астроном звезды, возможно, уже давно погасшие, а реально и осязаемо. Это отчетливо видишь, когда читаешь его работы. Но, может быть, еще более это было ощутимо по характеру его отношений с суданской молодежью, обучавшейся в СССР. В своем общении с суданскими друзьями он был их равноправным товарищем, с общими интересами и общей заботой, с общей любовью к их родине.

Главной темой научных изысканий С.Р. Смирнова была история восстания мах-

дистов¹⁷. К этой героической полосе в истории Судана он обратился в своей кандидатской диссертации¹⁸, но никогда не считал, что все им уже сделано. Вновь и вновь он искал новые подходы и новые ракурсы в изучении махдизма, сохранив преданность теме до конца жизни. Открывая для себя восстание махдистов, С.Р. Смирнов открыл его для советской науки. Но он сделал гораздо больше – он открыл махдистское восстание для суданского народа. Не потому, что до него о махдизме никто не писал. Но потому, что он первый выработал научно обоснованную марксистскую, а, значит, антиколониальную систему взглядов на восстание махдистов. Развивая эту мысль, я бы сказал, что С.Р. Смирнов открыл для науки марксистскую историю Судана в новое и новейшее время. Он стал пионером, начинщиком, если хотите, марксистской школы в историографии Судана. И сейчас наша наука располагает уже серией исторических трудов о Судане – таких, как монографии В.И. Киселёва¹⁹, Юрия Степан[овича] Грядунова²⁰, Дмитрия Родионовича Вобликова²¹, – если сейчас появление таких книг воспринимается как нечто само собой разумеющееся, то не следует забывать, что до Смирнова у нас не было ни одного серьезного исследования по истории Судана.

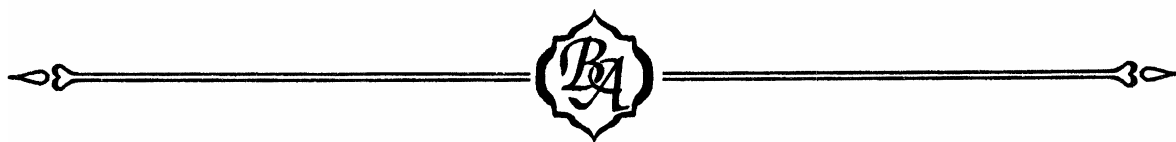
И не только Судана. Здесь я должен сказать, что нередко даже в кругу африканистов бытует мнение, будто советская наука стала изучать проблемы Африки с вопросов этнографии и истории, а потом уже повернулась лицом к современности и занялась экономическими, социальными, политическими и другими проблемами сегодняшнего дня. В действительности картина развития советской африканистики выглядит совершенно по-иному. Обращаясь к первым эскизам этой картины – к работам [19]20–[19]30-х годов, к деятельности Ассоциации востоковедения и Ассоциации по изучению национально-колониальных проблем – мы сталкиваемся с концентрацией внимания почти исключительно на современных проблемах. И дело здесь не столько в недооценке политической роли исторических иссле-

дований, хотя такая недооценка в период преобладания «школы Покровского»²², несомненно, имела место, сколько в отсутствии марксистских кадров и источниковедческой базы для разработки истории. Напомню, что первые марксистские работы по проблемам исторического прошлого Африки по сути дела замыкались на одной стране – Египте. Да и их можно было сосчитать по пальцам одной руки – монография Ротштейна²³ «Захват и закабаление Египта»²⁴, книга Кильберга²⁵ о восстании Ораби-паши²⁶, и это, пожалуй, все. Правда, можно вспомнить большую статью Лукницкого²⁷ по истории Эфиопии в сборнике «Абиссиния (Эфиопия)»²⁸ или написанные Э. Шиком²⁹ и В.Б. Луцким разделы по истории Африки в учебнике по новой истории колониальных и зависимых стран³⁰. Но это были работы скорее научно-популярного, чем исследовательского плана.

Говорю все это, чтобы показать, что С.Р. Смирнов раздвинул горизонты африканских исторических исследований в СССР, ибо он первым вышел за пределы истории Египта и доказал своими работами, что возможно и плодотворно изучение африканской проблематики в историческом разрезе. В этом смысле С.Р. Смирнов пробил путь для многих и многих других советских историков-африканистов.

Как историк, я сосредоточил внимание на роли научных исследований С.Р. Смирнова в развитии советской историографии Африки. Думаю, что этнографы могли бы немало сказать и об этнографических аспектах научного поиска С[ергея] Р[уфовича]. В частности, о его вкладе в разработку проблемы этнической консолидации. Можно было бы перечислить и другие вопросы, первые шаги в изучении которых советской наукой связаны с именем С.Р. Смирнова, например, вопрос об оценке сущности и особенностей системы косвенного управления. Но вряд ли стоит утомлять слушателей слишком уж подробным перечнем конкретных проблем.

Позволю себе, однако, поделиться с вами некоторыми наблюдениями личного ха-

рактера, которые мне кажутся существенными для воссоздания облика Смирнова – ученого. Работать с Сергеем Руфовичем было легко и интересно, прежде всего потому, что, будучи уважаемым и авторитетным ученым, он никогда не подавлял своим авторитетом, никогда не считал себя изрекателем истин в последней инстанции. Будучи администратором в науке, возглавляя в течение 10 лет Сектор истории Института Африки, Смирнов терпеть не мог формального администрирования. Он болезненно относился к административным окрикам, даже если они порой бывали обоснованны. Но, в то же время, он проявлял исключительную терпимость к научным мнениям моих коллег. Мне случалось делать Сергею Руфовичу критические замечания в качестве редактора его работ. Еще начинающим африканистом я позволил себе в печатной рецензии на «Африканский этнографический сборник» полемизировать с некоторыми взглядами С[ергея] Р[уфовича] по проблеме формирования северо-суданской народности³¹. Но это никак не отражалось на наших производственных и личных отношениях. Сергей Руфович был готов многократно переделывать и усовершенствовать свои работы, понимая, что абсолютная истина подобна бесконечно большой величине.

Так уж получилось, что юбилей С.Р. Смирнова совпадает с юбилеем Института Африки. Мне это совпадение не представляется только формальным. Для молодого научного организма особенно важно наличие в его рядах крупных, авторитетных ученых, чей талант, знания, опыт, научный престиж способствуют утверждению престижа всего коллектива, его общественному признанию. И если Институт Африки сравнительно быстро утвердился как академическое научное учреждение, то только потому, что среди его основателей и ведущих научных сотрудников были ученые такого калибра, как Иван Изосимович Потехин, Владимир Борисович Луцкий и Сергей Руфович Смирнов.

В заключение разрешите мне от имени организационной группы по подготовке это-

го заседания выразить признательность всем тем, кто изъявил желание в нем участвовать. Мы рады, что это заседание проходит под руководством научного наставника Сергея Руфовича – Дмитрия Алексеевича Ольдерогге³². Мы рады видеть здесь наиболее близких Сергею Руфовичу людей – его супругу Лидию Михайловну Смирнову, его сестру Лидию Руфовну, его дочь Наташу. Разрешите пожелать им всего самого хорошего. Благодарю за внимание.

АРАН. Ф. 1797 (Г.А. Нерсесов). Оп. 1. Д. 23. Л. 2–6. Машинопись с авторской правкой.

Примечания

¹ Нерсесов Георгий Александрович (1923–1982) – историк-африканист, ст. научный сотрудник Института Африки АН (с 1966 г.).

² Давидсон А.Б. Георгий Александрович Нерсесов – историк-африканист // Африка. Проблемы истории. М., 1986, с. 226.

³ Смирнов Сергей Руфович (1909–1969) – историк, зав. сектором истории Института Африки АН СССР (с 1959 г.).

⁴ Луцкий Владимир Борисович (1906–1962) – востоковед-арабист.

⁵ Давидсон Апполон Борисович (род. в 1929 г.) – историк-африканист, директор Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

⁶ Давидсон А.Б. Указ соч., с. 226.

⁷ Луцкий В.Б. Англия и Египет. М., 1947.

⁸ Луцкий В.Б. Англо-египетский конфликт перед Советом Безопасности. М., 1947.

⁹ Потехин Иван Изосимович (1903–1964) – африканист, директор Института Африки АН (с 1959 г.).

¹⁰ Ястребова Ирина Павловна (1910–1995) – экономист-африканист, зам. директора Института Африки (1960–1966 гг.).

¹¹ Шаревская Берта Исааковна (1904–1985) – этнограф-африканист, ст. научный сотрудник Института Африки (с 1970 г.).

¹² Зусманович Александр Захарович (1902–1965) – историк-африканист, научный сотрудник отдела Африки Института востоковедения АН (с 1956 г.).

¹³ Африка. 1956–1961. М., 1961.

¹⁴ Новейшая история Африки. М., 1964.

¹⁵ III Всесоюзная конференция африканистов проходила в Москве с 15 по 17 октября 1979 г. В опубликованных материалах конференции упоминается о докладе Г.А. Нерсесова, но текст самого доклада не приводится (см.: Африка в современном мире. М., 1982, с. 160).

¹⁶ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, академик АН (с 1927 г.).

¹⁷ Имеются в виду участники восстания в Судане в 1881–1898 гг. против турецко-египетских властей и английских колонизаторов.

¹⁸ См.: *Смирнов С.Р.* Восстание махдистов в Судане. М.–Л., 1950. С.Р. Смирнов защитил кандидатскую диссертацию в 1946 г.

¹⁹ Киселев Владимир Иванович (1924–2008) – историк, переводчик, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН (с 1961 г.). (См.: *Киселёв В.И.* Путь Судана к независимости. М., 1958).

²⁰ Грядунов Юрий Степанович (род. ?) – историк, дипломат, посол в Иордании (1985–1992 гг.). (См.: *Грядунов Ю.С.* Новые горизонты Судана. Внутриполитическое развитие в годы независимости (1956–1967). М., 1969).

²¹ Вобликов Дмитрий Родионович (1911–1998) – историк, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН (1962–1983 гг.). (См.: *Вобликов Д.Р.* Республика Судан (1956 – май 1969). М., 1978).

²² Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, зам. наркома просвещения (с 1918 г.), академик АН (с 1929 г.).

²³ Ротштейн Федор Аронович (1871–1953) – историк, дипломат, полпред в Персии (1921–1922 гг.), директор Института мирового хозяйства и мировой политики (1924–1925 гг.), ответственный редактор журнала «Международная жизнь», академик АН (с 1934 г.).

²⁴ *Ротштейн Ф.А.* Захват и закабаление Египта. М.–Л., 1925; Изд. 2-е. М.–Л., 1951.

²⁵ Кильберг Хися Израилевна (1902–1978) – историк, ст. научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН (с 1950 г.).

²⁶ Ораби-паша (Араби-паша) (1839–1911) – полковник, один из руководителей национально-освободительного движения в Египте (1879–1882 гг.). (См.: *Кильберг Х.И.* Восстание Араби-паши в Египте. М.–Л., 1937).

²⁷ Лукницкий Кирилл Николаевич (1904–1937) – экономист.

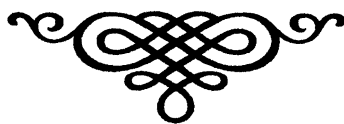
²⁸ См.: *Лукницкий К.Н.* Абиссиния с древнейших времен до эпохи империализма // Абиссиния. М.–Л., 1936, с. 315–394.

²⁹ Шик Эндре (Шийк Андрей Александрович) (1891–1978) – венгерский общественный и государственный деятель, африканист, министр иностранных дел Венгрии (1958–1961 гг.).

³⁰ Новая история колониальных и зависимых стран. М., 1940.

³¹ *Нерсесов Г.А.* Рецензия на книгу: Африканский этнографический сборник // Советская этнография. 1957, № 5, с. 196–201.

³² Ольдерогге Дмитрий Алексеевич (1903–1987) – африканист, член-корреспондент АН (1960 г.).

В.Л. Гентшке

ГЕОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ АРХИВНОЙ РОССИКИ: ИЗ МАТЕРИАЛОВ К УКАЗАТЕЛЮ СТАТЕЙ*

Зарубежная архивная Россия включает в себя источники различного содержания и происхождения. Их формирование – процесс длительный и противоречивый, обусловленный различными факторами, важнейшими событиями как истории нашего отечества, так и мировой историей. Среди них исследователи называют развитие обширных и разносторонних связей Российского государства с различными странами; деятельность российских ученых, особенно в области географических открытий, изучения народов мира, их языков, культуры; массовые миграции населения, обусловленные теми или иными причинами.

Массовые миграции российского населения – трудовая эмиграция конца XIX – начала XX в., вызванная экономической ситуацией, эмиграции, последовавшие за политическими и военными катаклизмами XX в. (Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, мировые войны, кардинальное изменение границ страны в результате распада СССР, когда миллионы россиян оказались в одночасье в вынужденной эмиграции) привели к накоплению интересующих нас документов в зарубежных архивохранилищах в виде отдельных фондов, коллекций документов или даже самостоятельных архивов.

География зарубежной архивной России охватывает пять континентов. Наиболее многочисленны источники по зарубежной архивной России, находящиеся в хранилищах стран Европы и Северной Америки. Они также и наиболее изучены. Обширная литература включает в себя и специальные библиографические указатели¹. Что же касается других регионов мира, то здесь нахо-

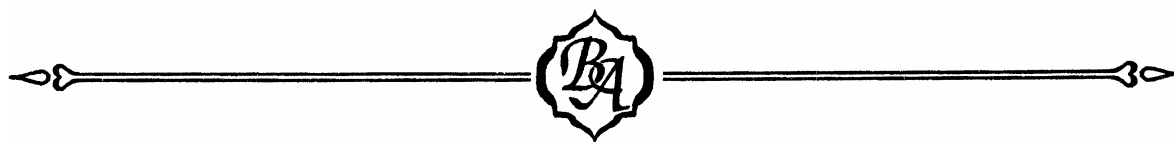
дятся хоть и меньшие по объему, но не менее значимые для науки коллекции, многие из которых еще ждут своих исследователей.

Знание географии зарубежной архивной России, современного местонахождения документов является важнейшим фактором при определении возможностей реституции, обмена оригиналами или копиями этих документов. Кроме того, наличие возможно более полной информации о них позволяет исследователям воссоздавать целостную историческую картину российской истории на основе широкой документальной базы. Решение этой важнейшей задачи становится возможным при систематическом выявлении документов по путеводителям и каталогам зарубежных архивов, литературе и периодическим изданиям. Частью этой работы является составление библиографических указателей на базе публикаций из периодических и продолжающихся изданий.

Данная публикация является предварительным представлением материалов указателя, который готовится к печати. В нее включены аннотации на статьи из отечественных изданий за 2005–2011 гг.: «Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье», «Библиография», «Вестник архивиста», «Вестник Российской академии наук», «Военно-исторический архив», «Военно-исторический журнал», «Вопросы истории», «Восточный архив», «Диаспоры», «Исторические науки», «Исторический архив», «Клио», «Отечественные архивы», «Новая и новейшая история», «Российская история». Эти статьи содержат ссылки на документы из архивов Абхазии, Австралии, Аргентины, Армении, Израиля, Казахстана, Киргизии, Китая, Марокко, Таджикистана, Танзании, Туниса, Турции, Узбекистана и ЮАР.

Библиография условно подразделяется на разделы: источники; статьи и сообщения.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ (2011 г., 11-06-00060-а).

Внутри них публикации представлены в алфавитном порядке. В соответствии с поставленными задачами указываются только зарубежные архивы, которые использованы автором аннотируемой публикации.

Источники

Антипод «человека в футляре». Воспоминания о В.П. Наливкине / Публ. и вступ. статья Т.В. Котюковой // Восточный архив. – 2010. – № 1 (21). – С. 76–89.

Опубликованы документы, содержащие материалы к биографии В.П. Наливкина, исследователя Туркестана, члена II Государственной думы, основанные на воспоминаниях его дочери, снохи и внука. В них рассказывается о жизни В.П. Наливкина и его супруги в Туркестане, о его политических убеждениях, научной и литературной деятельности, об отношениях с местным населением.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

«Завещаю... все вышеозначенное имущество... в полную собственность Ташкентского университета». Документы архивов Республики Узбекистан о последних годах жизни великого князя Николая Константиновича Романова. 1917–1919 гг. / Публ. Т.В. Котюковой, А.В. Махкамова // Отечественные архивы. – 2009. – № 6. – С. 82–94.

Опубликованные документы, среди которых и заверенная копия завещания великого князя Николая Константиновича, позволяют судить о последних годах его жизни, о состоянии его имущества после октября 1917 г.

В предисловии рассказывается о жизни великого князя в Туркестане, о судьбе его дочери Н.А. Искандер.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Государственный архив города Ташкента.

Котюкова Т.В. Проблемы российской переселенческой политики в Туркестане в начале XX века // Военно-исторический

журнал. – 2010. – № 2. – С. 58–64; 2010. – № 3. – С. 54–57.

Опубликованы документы, раскрывающие особенности переселенческой политики в Туркестане. В предисловии к публикации рассказывается о переселенческой политике, осуществлявшейся царским правительством в Туркестане, и ее специфике, об отношении местной администрации к данной проблеме.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

«Ни один детский дом и ни один ребенок не получил отказа в приеме». Документы ЦГА Республики Узбекистан 1941–1947 гг. / Публ. В.Л. Гентшике, Э.М. Джаббаровоной // Исторический архив. – 2005. – № 2. – С. 151–164.

Опубликованы документы, рассказывающие о том, как в годы Великой Отечественной войны Узбекистан, как тыловая республика, принял большие группы эвакуированных детей. Дан список эвакуированных детдомов, размещенных на территории республики, рассказано об усыновлении сирот жителями Узбекистана. Сообщается о работе детских домов.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

«Преданная нам служба российских военнопленных из мусульман... представляется лишенной вероятности». Документы Османского архива о возможности использования военнопленных в интересах Порты. Май 1917 г. / Вступ. статья, подг. текста к публ. и комм. И.А. Мустакимова // Отечественные архивы. – 2010. – № 2. – С. 109–116.

Опубликован ряд документов из фонда Особой канцелярии Министерства внутренних дел Османской империи (Dahiliye Nezareti Kalem-i Mahsus) Османского архива при премьер-министре Турции (Basbakanlik Osmanli Arsivi). Их копии были переданы в Национальный архив Республики Татарстан и вошли в состав архивного фонда «Татарики».

Документы раскрывают взгляды младотурецкого режима в 1917 г. на возможность

и целесообразность использования в интересах Османской империи тюрко-мусульманского фактора в России. Рассказывается о попытках использовать российских офицеров-мусульман, оказавшихся в германском и австро-венгерском плену в годы Первой мировой войны, в интересах Турции, путем их внедрения в органы власти Российской империи. Отмечается, что эти планы, по-видимому, не были реализованы.

«Я твердо и настойчиво буду испытывать новый образец...» Документы Архива Президента Республики Казахстан о разработке М.Т. Калашниковым пистолета-пулемета. 1942–1943 гг. / Вступ. статья, подг. текста к публ. и комм. Е.В. Чиликовой // Отечественные архивы. – 2010. – № 2. – С. 97–105.

Опубликована переписка начинающего конструктора с представителями власти, курировавшими его работу на территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Рассекреченные документы из Архива Президента Республики Казахстан показывают характер изобретателя, его настойчивость, умение добиваться цели.

В преамбуле рассказывается о судьбе М.Т. Калашникова, который после ранения оказался в Казахстане, где работал над созданием новой модели пистолета-пулемета, ставшего впоследствии конструктивной базой автомата Калашникова.

Архив Президента Республики Казахстан.

Статьи и сообщения

Балезин А.С. Архивы – ключ к истории Африки XX века // Новая и новейшая история. – 2005. – № 4. – С. 215–216.

Сообщается о международной научной конференции по названной теме (Москва, 2004 г.). Среди заслушанных докладов отечественных и зарубежных ученых доклад «Коллекция Рохлина: из Африки в Квебек и скоро в Ваш компьютер» (Проф. Шеридан Джонс, США). В нем сообщается о том, как автор обнаружил архив С.А. Рохлина, одного из активистов молодежного коммунистиче-

ского движения в Южной Африке в 1920–1930-е годы, сначала в ЮАР, а потом в Монреале.

Бутова Р.Б. Паломничества членов царской семьи в контексте русской дипломатии на Ближнем Востоке // Российская история. – 2010. – № 2 – С. 91–111.

Рассказывается об августейших паломничествах в Святую землю (1859–1914 гг.), начиная с Великого кн. Константина Николаевича, первым посетившего с семьей Иерусалим. Содержится информация о Русской духовной миссии в Святой земле, Палестинском комитете и др. Рассмотрена взаимосвязь паломничества и русской внешней политики на Ближнем Востоке.

Архив Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Ганин А.В. Гибель атамана А.И. Дутова на территории Западного Китая в 1921 году // Новая и новейшая история. – 2007. – № 6. – С. 162–174.

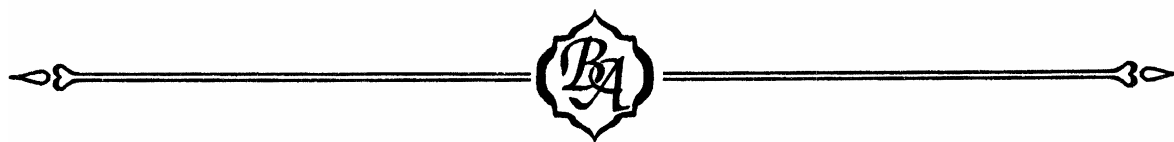
Рассматривается завершающий этап Гражданской войны на территории современного Казахстана и в сопредельных районах Китая. Приводятся документы из зарубежных архивов:

Архив департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по г. Алматы.

Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University.

Гентишке В.Л., Дорошенко Т.И. О личных фондах Центрального государственного архива Республики Узбекистан // Вестник архивиста. – 2005. – № 5–6 (89–90). – С. 82–96.

Сообщается, что в личных фондах данного архива содержатся сведения о видных людях не только региона, но и России, коллекции редких документов по истории Средней Азии. Показана динамика формирования личных фондов, отмечены трудности, с которыми сталкиваются архивисты в процессе их комплектования. Рассмотрены

фонды известных исследователей Средней Азии: востоковеда В.Л. Вяткина (ф. Р – 1591), географа, этнографа, общественного деятеля Н.Г. Малицкого (ф. Р – 2231), доктора исторических наук, доктора археологии, академика АН ТССР М.Е. Масона и его супруги Г.А. Пугаченковой (ф. Р – 2737).

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Гентике В.Л., Бабаходжаева Х.А. Обзор личного фонда выдающегося археолога-востоковеда В.Л. Вяткина // Вестник архивиста. – 2009. – № 3 (107). – С. 184–197.

Приводится биография известного востоковеда, исследователя Туркестана Василия Лаврентьевича Вяткина (1869–1932), сообщается о его научных пристрастиях, достижениях, об открытии им обсерватории Улугбека. Рассказывается об истории формирования личного архивного фонда ученого, о его составе (ЦГА РУз. Ф. Р-1591). Опубликовано одна из местных легенд, записанная В.Л. Вяткиным.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Диванов Е.М. По прохоровским местам Австралии // Вестник Российской академии наук. – 2006. – Т. 76. – № 9. – С. 834–836.

Рассказывается о посещении российскими учеными штата Квинсленд (Австралия), где родился и провел детские годы известный физик, лауреат Нобелевской премии (1964 г.) А.М. Прохоров. Опубликовано свидетельство о его рождении.

Указано, что ряд документов о А.М. Прохорове хранится в историческом музее г. Маланд (Австралия).

Игумен Ростислав (Колупаев В.Е.). Русские в Марокко: материалы для библиографического словаря // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье (далее Берега). – СПб. – 2005. – Вып. 4. – С. 14–22.

Во вступительном слове от редакции отмечена актуальность и необычность дан-

ного исследования, изложена краткая биография составителя. Публикуемые биографические материалы были собраны в результате архивных изысканий, обращения к русским надгробиям христианских кладбищ, периодической печати, исследовательской литературе, в процессе бесед с представителями русских общин в Рабате, в Париже. Материалы словаря с обилием кратких разнообразных справок по каждому упоминаемому лицу показывают трудную судьбу эмигрантов.

Архив Воскресенского храма, Рабат, Марокко.

Игумен Ростислав (Колупаев). Русские воинские традиции во французском Иностранном легионе // Военно-исторический архив. – 2009. – № 10 (118). – С. 4–20.

Рассказывается о русском участии во французском Иностранном легионе, об активном проникновении русских военных в легион, произошедшем в результате эвакуации частей Белой армии под командованием барона П. Врангеля, об их жизни и службе в легионе, о связи русских легионеров с православным храмом в Рабате. Приведены сведения о жизни генерала Зиновия Пешкова.

Архив Воскресенского храма, Рабат, Марокко.

Иофе В.Г. Архивы в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Отечественные архивы. – 2009. – № 6. – С. 3–8.

Рассказывается о создании и деятельности архивов в Туркестанском крае, об особенностях этого процесса, связанных с ситуацией в регионе, о роли в этом процессе представителей администрации генерал-губернаторства.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Иофе В.Г., Уфимцев Г.П. Ташкентский архив С.П. Бородин – в мемориальном музее писателя // Отечественные архивы. – 2011. – № 3. – С. 64–65.

Излагается биография советского писателя Сергея Петровича Бородина, долгое время проживавшего в Узбекистане, история создания его мемориального музея в Ташкенте. Дается описание личного архива писателя, хранящегося в музее. Отмечается, что в настоящее время музей обладает одним из богатейших в Узбекистане литературных архивов как по объему, так и по разнообразию (24 тыс. ед. хр.).

Дом-музей народного писателя Узбекистана С.П. Бородина.

Исакова М.С. Д.И. Нечкин и становление государственной архивной службы Узбекистана (1919 – 1923 гг.) // Отечественные архивы. – 2009. – № 6. – С. 8–14.

Рассказывается о деятельности одного из основоположников туркестанской архивной школы Дмитрия Ивановича Нечкина, о его работе по сбору, хранению и организации использования документов, по укреплению нормативно-правовой базы архивного дела.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Центральный государственный архив Кино-, фото-, фонодокументов Республики Узбекистан.

Квициния М.Б. Из истории восстановления православного христианства в Сухумском военном отделе (конец XIX – начало XX в.). Известные архивные материалы // Восточный архив. – 2005. – № 13. – С. 74–78.

Рассказывается о начале возрождения христианства в Сухумском военном отделе, о достигнутых успехах, о роли в этом Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Сообщается о Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, ставшем центром восстановления православия в Абхазии, и его деятельности.

Центральный государственный архив Абхазии.

Кельнер В.Е. Архив как зеркало души: фонд Саула Гинзбурга в Рукописном

отделе Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме // Берега. – СПб. – 2006. – Вып. 6. – С. 28–31.

Рассказана история жизни и творчества ученого, общественного деятеля, редактора и издателя С.М. Гинзбурга, переехавшего в США в 1933 г. и проживавшего там до конца своих дней. Рассматривается его архив, завещанный им Еврейскому университету в Иерусалиме, который содержит около 1500 единиц хранения, в основном на русском, идише и древнееврейском языках. Условно его содержание можно разделить на несколько частей: рукописи научных работ, как опубликованных, так и до сих пор неизданных; деловая и научная переписка с коллегами, издательствами и редакциями; семейная переписка; редакционный архив газеты «Дер Фрайнд»; документы, отражающие общественную деятельность Гинзбурга в различных еврейских национальных объединениях конца XIX – начала XX в.; коллекция еврейских исторических документов, которые он собирал на протяжении многих лет, и документы, полученные им в копиях из различных государственных архивов. Сюда же относятся и чужие семейные собрания, переданные ему на хранение владельцами.

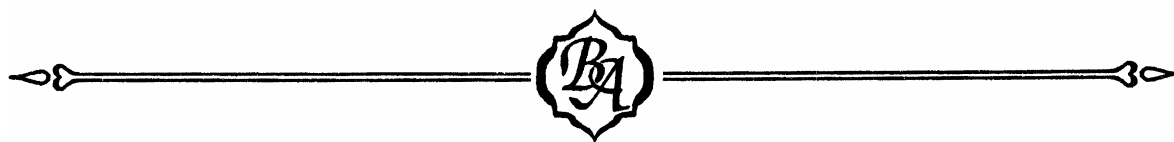
Рукописный отдел Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме. Фонд Саула Гинзбурга.

Колупаев В.Е. (игумен Ростислав). Архимандрит Митрофан (Ярославцев) // Военно-исторический архив. – 2009. – № 3 (111). – С. 10–28.

Излагается история жизни архимандрита Митрофана (в миру М.В. Ярославцев), военного, прошедшего тяжелый путь эмиграции, ставшего священником и принявшего монашество. Рассказывается о его служении православной церкви в Африке. Приведены сведения об А.Ф. Стефановском.

Воскресенский храм. Рабат, Марокко.

Колупаев В.Е. Книги русских эмигрантов в арабском Магрибе // Библиография. 2008. № 1. С. 135–140.

Описывается библиотека ассоциации «Русский очаг» при Воскресенском храме в Рабате, основанная в 1927 г. российским эмигрантом архимандритом Варсонофием (в миру В.Г. Толстухин). Указано, что в ней хранится обширное собрание церковной литературы, в том числе «Альбом Валаамского Спасо-Преображенского монастыря и его скитов» (1917 г.), Псалтырь (1858 г.) и др.

Колупаев В.Е. Жизнь русских в Египте // Военно-исторический архив. – 2008. – № 7 (103). – С. 103–116; № 8 (104) – С. 64–75.

Освещаются вопросы жизни россиян на севере Африки, история появления в 1920-х годах небольшой колонии соотечественников в Египте. Рассказывается о ее жизни, о привлечении английскими колониальными властями русских специалистов к работе в Египте. Сообщается о русской общине в Марокко, ее составе, деятельности, об организации церковной жизни, о возникновении прихода, о доброй памяти, оставленной русскими на севере Африки. Автор останавливается на жизни семьи Шереметевых, на семейном архиве.

Архив Успенского храма РПЦЗ. Касабланка. Марокко. Архив Воскресенского храма. Рабат. Марокко. Частные архивы.

Колупаев В.Е. Роль и значение церкви в Марокко // Военно-исторический архив. – 2008. – № 9 (105). – С. 57–66.

Рассказывается о важности деятельности православной церкви на севере Африки для россиян, оказавшихся вдали от Родины. Сообщается о строительстве каменного здания Воскресенского храма (Рабат), о сборе средств на его возведение, о строительстве второй церкви в г. Курибге, о создании нового прихода в Танжере. Автор повествует о священнослужителях, прибывших в регион, и их деятельности, об особенностях местной церковной жизни.

Архив Воскресенского храма. Рабат. Марокко.

Колупаев В.Е. Архимандрит Варсонофий (Толстухин) // Военно-исторический архив. – 2008. – № 10 (106). – С. 18–32.

Сообщается о жизни, судьбе, деяниях архимандрита Варсонофия (в миру В.Г. Толстухин), о его последних днях и кончине, о значении сделанного им. Рассказано о его служении в Марокко, где он способствовал строительству Воскресенского храма в Рабате, открытию храмов в других городах. С его именем связано появление в Африке предметов, представляющих историческую и культурную, религиозную ценность (книги, иконы, принадлежности культа). Автор отмечает, что архимандрит Варсонофий, будучи человеком горячей веры и незаурядных организаторских способностей, пользовался уважением не только православных, но и магометан.

Архив Воскресенского храма. Рабат. Марокко.

Колупаев В.Е. Семья Шереметевых в Марокко // Восточный архив. – 2009. – № 1 (19). – С. 66–70.

Описывается путь семьи Левшиных в эмиграцию, замужество Марины Левшиной за П.П. Шереметевым, жизнь семьи в Кенитре, а затем в Рабате, о внутренних отношениях в семье. Автор сообщает подробно, раскрывающие особенности эмигрантской жизни семьи в Марокко, рассказывает об их потомках. Статья основана на рукописных воспоминаниях, хранящихся в семье одного из потомков русских эмигрантов в Марокко – Полины Петровны де Мазьер (в девичестве Шереметевой).

Мазьер Полина Петровна, де. Мы Петрови. Рабат, Марокко. Частный архив. Архив Воскресенского храма, Рабат, Марокко.

Котюкова Т.В. «Во имя истинных интересов государства...» // Военно-исторический журнал. – 2005. – № 8. – С. 60–63.

Рассказывается о восстании 1916 г. в Туркестане. Рассматривается отношение Государственной Думы и А.Ф. Керенского к нему, о поездке членов комиссии Госдумы, депутатов К.Б. Тевкелева и А.Ф. Керенского, в Туркестан летом 1916 г. Приведен текст письма военного министра Д.С. Шуваева туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину от 3 декабря 1916 г.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Котюкова Т.В. Семья Керенских в Туркестанском крае (по документам ЦГА Республики Узбекистан) // *Отечественные архивы*. – 2009. – № 1. – С. 60–69.

Рассказывается о семье А.Ф. Керенского, о «туркестанском периоде» его жизни. Изложены факты, раскрывающие период обучения А.Ф. Керенского в Ташкентской мужской гимназии, связанные с его дальнейшими приездами в край. Сообщается история его последнего приезда в Туркестан в составе комиссии Государственной Думы по вопросам восстания 1916 г. Названы фонды, в которых отложились документы об А.Ф. Керенском.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории*. – 2010. – № 9. – С. 97–112.

Сообщается о российской государственной политике в отношении ислама в Туркестане, об изменениях в ней, о системе образования в крае и ее роли в решении мусульманского вопроса, о джадидизме, о панисламизме. Отмечается обострение противоречий, вылившееся в восстание 1916 г.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики в Российской империи. По документам Центрального государственного архива Республики Узбекистан. 1906–1917 гг. // *Вестник архивиста*. – 2011. – № 3. – С. 296–307.

Анализируются основные направления политики Государственной Думы России в Туркестане: выборы во II Государственную Думу, переселенческая политика, решение «мусульманского вопроса», восстание 1916 г., борьба за восстановление туркестанского представительства в Думе с 1906 по 1917 г.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Крылова Н.Л. Аста Бизертская. По следам встреч с А.А. Манштейн-Ширинской

(Тунис, Бизерта, 2006–2008) // *Восточный архив*. – 2009. – № 1 (19). – С. 71–84.

На основании материалов интервью с Анастасией Ширинской, авторе книги воспоминаний «Бизерта. Последняя стоянка», рассказывается о ее судьбе, о жизни русских эмигрантов, оказавшихся в Африке, о сохранении ими русской культуры и веры, о русской общине, о ее представителях, о любви к России. Показана картина мультикультурной Бизерты начала XX в., отношения эмигрантов с местным населением.

Личный архив А.А. Манштейн-Ширинской (Тунис. Бизерта).

Кулешов А.С. Мичман русского флота Сергей Сергеевич Аксаков // *Вестник архивиста*. – 2006. – № 4–5 (94–95). – С. 378–429.

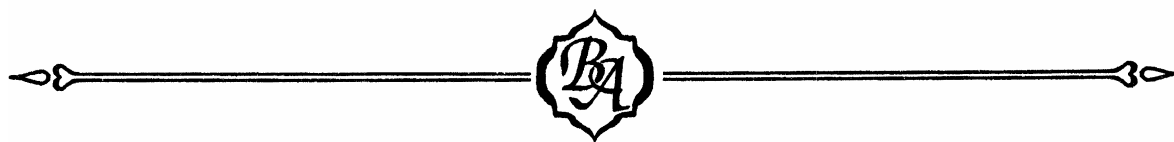
Рассказывается о семье С.С. Аксакова, о годах его учебы, о жизни в эмиграции. Сообщается об антикоммунистической работе С.С. Аксакова, его сближении с А.П. Кутеповым, сотрудничестве с польской и английской разведками, о нелегальных проникновениях на территорию СССР, о деятельности в годы Второй мировой войны. Представлен послужной список С.С. Аксакова, составленный им самим за период с 1921 по 1948 г.

Личный архив М.А. Аксаковой (Буэнос-Айрес).

Лецев Е.Н. Анализ основной источниковой базы изучения деятельности государственных органов по обеспечению безопасности границы Российской империи в Средней Азии. 1860–1917 гг. // *Вестник архивиста*. – 2011. – № 1. – С. 33–44.

Анализируются источники изучения деятельности государственных органов по обеспечению безопасности границы России в Средней Азии. Источниковая база исследования представлена как опубликованными документами и архивными материалами, так и мемуарами и справочными изданиями. Дано описание массивов документов по данной теме, находящихся в архивных фондах.

Центральный государственный архив Киргизской Республики.

Мандральская Н.В. Фоторепортаж о подготовке связистов в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны // *Отечественные архивы*. – 2010. – № 5 – С. 71–74.

Сообщается, что в Центральном государственном архиве кино-, фото-, фонодокументов Республики Узбекистан находятся на хранении ряд фотоснимков, рассказывающих о подготовке офицеров в годы войны. Рассмотрена история создания и поступления ряда снимков, освещающих проведение строевых и тактических занятий в Ташкентском пехотном и Чирчикском танковом училищах в 1943 г., дана характеристика подборки фотографий. Опубликованы некоторые снимки.

Центральный государственный архив кино-, фото-, фонодокументов Республики Узбекистан.

Массов А.Я. Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // *Берега*. – СПб. – 2009. – Вып. 11–12. – С. 66–69.

Сообщается о том, что в библиотеке университета штата Квинсленд хранится обширная коллекция документов по истории русско-австралийских связей. Значительная часть документальных материалов этого собрания относится к истории русской иммиграции в Австралии. В каталогах библиотеки коллекция обозначена как «Бумаги Томаса Пула и Эрика Фрида». В ней представлены как подлинные документы, так и копии документов из австралийских и российских архивов.

Подчеркивается, что в документальных материалах коллекции отражены все этапы русской эмиграции в Австралию. Дан обзор материалов коллекции, относящихся к русской эмиграции на континент. Отмечается, что еще далеко не все документальные материалы из коллекции введены в научный оборот.

Papers of Thomas Pool and Eric Fried, University of Queensland Library (Brisbane, Australia).

Мустафаев Г.Х. Сведения о селениях и сельском населении Карабахского хан-

ства // *Исторические науки*. – 2009. – № 6 (36). – С. 27–31.

Рассматриваются сельские поселения Карабахского ханства, численность и этнический состав их жителей. В том числе сообщается о переселении русских крестьян на эти земли, о создании русских поселений.

Государственный исторический архив Азербайджанской Республики.

Николаева Л.Ю. Русские в Восточной Бухаре // *Восточный архив*. – 2008. – № 17. – С. 33–35.

Рассказывается о присутствии русских в Восточной Бухаре. Названы русские поселения, количество российских граждан, в т.ч. военнослужащих, проживавших там. Сообщается об особенностях жизни русских в регионе, о российских купцах и предпринимателях.

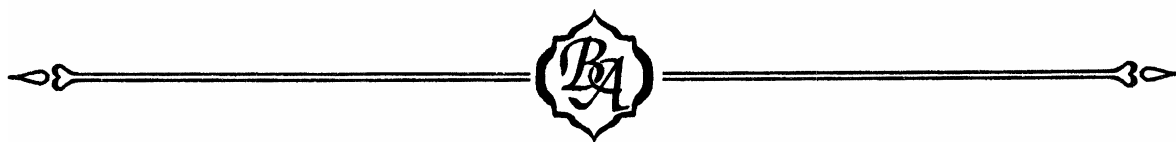
Центральный государственный архив Республики Таджикистан.

Николаева Л.Ю. Депортированные народы в Таджикистане // *Восточный архив*. – 2008. – № 18. – С. 61–65.

Рассказывается о лицах, депортированных в Таджикистан в период 1930–1940-х гг. Отмечается, что первыми среди них были русские раскулаченные крестьяне из центральных районов страны, ранее выселенные в спецпоселения на территории России, а с 1936 г. депортированные в Таджикистан. Указывается, что позднее сюда были депортированы немцы, чеченцы, крымские татары, а после 1945 г. были направлены бывшие солдаты Русской освободительной армии и солдаты грузинского национального легиона, воевавшие на стороне гитлеровской Германии. Освещается их жизнь, система контроля над ними, отношение к ним местного населения. Сообщается о беженцах из Таджикистана в период 1990-х годов.

Текущий архив информационного управления МВД Республики Таджикистан.

Центральный государственный архив Республики Таджикистан.

Портнова Н. Аарон Штейнберг: архив как наследие // Берега. – СПб. – 2007. – Вып. 7. – С. 40–44.

Сообщается о русско-еврейском философе А.З. Штейнберге. Дана характеристика и структура фонда Штейнберга, находящегося в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме. В фонд входит обширная переписка на шести языках, научные труды философа, деловые доклады, дневники, автографы неопубликованных сочинений и т.д. Архив ценен временным и культурно-историческим масштабом, от начала XX в. до 1970-х годов, и своей географией – Россия и Германия, Америка и Аргентина, Франция и Израиль. Опубликованы три документа из коллекции.

Центральный архив истории еврейского народа в Иерусалиме (Central Archives for the History of the Jewish People. Jerusalem).

Пул Томас. Русские и фашизм в Квинсленде (1935 – 1945). (Перевод с англ. Т.В. Николаевой, научное редактирование А.Я. Массова и В.Ю. Жукова) // Клио. – 2009. – № 4 (47). – С. 127–134.

Рассказывается о т.н. «русском фашизме», о создании в 1925 г. в Харбине Русской фашистской организации. Сообщается о сложностях жизни русских эмигрантов в Австралии, о связях некоторых из них с фашистами, об аресте эмигрантов, подозреваемых в приверженности нацизму. Автор делает вывод, что русский фашизм в Квинсленде был «химерой».

National Archives of Australia.

Семенченко Н. «Потерянные русские». О судьбе русских в Палестине и Израиле в XX в. // Диаспоры. – 2005. – № 1. – С. 124–152.

Повествуется о жизни в России представителей различных сект: иудеи-прозелиты (геры), субботники и др., о переселении семей, принадлежащих к этим сектам, в Палестину в конце XIX – начале XX в. Сообщается о процессе адаптации переселенцев на новом месте жительства, о трудностях, с которыми они встретились. Подробно расска-

зывается о жизни некоторых семей переселенцев (Дубровиных, Куракиных, Егоровых).

Личный архив М. Бен-Арие.

Личный архив д-р Х. Яффе. Центральный сионистский архив. Иерусалим.

Степанянц С.М. Казаки в Армении // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 70–72.

Рассказывается история появления казачества в Закавказье, рассматривается процесс его переселения, создания поселений. Сообщается о влиянии казачества на стабилизацию обстановки в регионе, о месте православной церкви в жизни казачества, об их участии в боевых действиях на Кавказе в период Первой мировой войны, о потерях среди казаков.

Центральный государственный исторический архив Армении.

Шмидт Вальдемар. Танзанийские источники о переселенческом движении российских немцев в немецкую Восточную Африку // Вестник архивиста. – 2011. – № 2. – С. 265–272.

Освещаются основные аспекты источниковой и историографической базы проблемы переселения российских немцев в колониальные владения Германии – немецкую Восточную Африку в 1906–1913 гг. Дана характеристика наиболее значимых архивных фондов о переселенческом движении, организации, развитии и существовании поселения российских немцев Леганга (Лейдорф) из национального архива Танзании.

¹ Русское зарубежье в архивах США: аннотированный указатель статей из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005–2009 гг.) / Состав. В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов // Российская история. – 2010. № 6. С. 203–214; Русское зарубежье в архивах Европы: материалы к указателю статей из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005–2010 гг.) / Состав. В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 208–221.

НАШИ АВТОРЫ

АНТОШИН Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru; www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГЕНТШКЕ Валерия Львовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ВНИИ документоведения и архивного дела. E-mail: vlgent@mail.ru

ГОРБУНОВА Наталья Максовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nigorbunov@mail.ru

КРЫЛОВА Наталья Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: krylovanl@yandex.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов. E-mail: milen360@migmail.com

СЕМЕНЧЕНКО Нина Абрамовна – научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: semnina2008@yandex.ru

СМИРНОВ Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: assmirniv@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ХОХЛОВ Александр Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru